

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

О. Л. Воронин

СИЛУЭТЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Монография

УДК 323.329 (47) (091)
ББК Ф3 (2) 113г
В75

Печатается по решению научного совета
Межрегионального института общественных наук
(МИОН при ИГУ)

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р ист. наук *С. И. Кузнецов*, канд. ист. наук *Д. В. Козлов*
д-р ист. наук *Ю. А. Петрушин* (науч. ред.)

Воронин О. Л.

В75

Силуэты Востока и Запада : монография / О. Л. Воронин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 199 с.

ISBN 978-5-9624-1095-1

Книга посвящена судьбам и творчеству Николая Устрялова и Екатерины Кусковой – активных участников исторической драмы, разыгравшейся в России в начале XX века.

Предназначена всем, кому интересна история России.

Библиогр. 56 назв.

УДК 323.329 (47) (091)
ББК Ф3 (2) 113г

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕТРОВ А. В. Олег Львович Воронин (1950–2014): биографический очерк	4
ПЕТРУШИН Ю. А. Политическая история как призвание	7
От автора	11
НИКОЛАЙ УСТРЯЛОВ: ПУТЬ И СУДЬБА	14
За чужие цели: русские в гражданской войне в Китае (20-е гг. прошлого века)	41
«НЕ БУДЬ РОССИИ, МНОГИЕ “КУЛЬТУРНЫЕ” НАЦИИ ПОЛЕТЕЛИ БЫ ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ» (Из воспоминаний и переписки Е. Д. Кусковой) 54	
ИЗ НАСЛЕДИЯ Е. Д. КУСКОВОЙ	
Месяц «соглашательства»	65
Интеллигенция и советская власть	66
Идея Комитета	73
В недрах общественности	78
Декрет 1	80
Декрет 2	81
Две декларации	86
Работа комитета	90
Патриарх Тихон	91
Англичане	96
Красная армия	98
Финансы комитета	100
Пленарные заседания	103
Делегация	105
Любезный председатель. Начало конфликтов	109
Накопление конфликтов	112
Америка появляется	115
Уехали... ..	116
Агитация	120
И тем не менее... ..	124
Фрагменты из писем Е. Д. Кусковой к М. А. Бегман и Н. А. Рубакину (1940–1944 гг.)	127
Personalia	137
НАУМОВ И. В. Послесловие	195
Библиографический список	196

Олег Львович ВОРОНИН (1950–2014)

Биографический очерк

Олег Львович Воронин родился 29 декабря 1950 г. в Ангарске. В 1961 г. семья переехала в Иркутск. В 1968 г. он поступил на исторический факультет Иркутского государственного университета, который окончил с отличием.

После окончания университета – служба в Советской армии, а 1975–1978 гг. – учеба в аспирантуре юридического факультета по специальности «История государства и права». В 1979–1990 гг. работал преподавателем истории в средней школе, инженером, научным сотрудником в НИИ Иркутского государственного университета, руководил экспедицией лаборатории изучения памятников истории и культуры.

С молодых лет О. Л. Воронин был в гуще всех региональных общественно-политических событий в регионе. Он был одним из первых, кто начал читать политическую науку для студентов истфака. В 1987 г. вошел в состав первого объединения политических неформалов СССР – «Кольца социальных инициатив». Несмотря на моду в либерализм, он выбрал для себя новые левые, или как сейчас принято говорить социал-демократические, идеи.

В 1990 г. молодой интеллектуал и исследователь был включен в политсовет Социалистической партии СССР и по приглашению тред-юнионов посетил Англию. Более двух месяцев он преподавал современную историю России в Лондонской высшей школе экономики и Институте стран Восточной Европы в Глазго (там окончил магистратуру). Весной 1991 г. Олега Львовича пригласили с курсом лекций в США: в Гарвардский и Колумбийский университеты, Чикагский педагогический колледж и Университет штата Айова. Тогда же в *Forbes* выходит его интервью, где он предсказывает падение Горбачева до конца года. Воронин становится известным не только в Сибири и России. Статьи иркутского политолога публикуются в Англии, США, Франции и КНР, а экспертные оценки публикуются в региональных и федеральных печатных средствах массовой информации.

В эти годы О. Л. Воронин закончил работу над кандидатской диссертацией по истории на тему «Харбинская эмиграция: идейные поиски и политическое размежевание: 1920–1945 гг.», которая позднее была опубликована как монография.

Рождение нового российского государства дает шанс Олегу Воронину попробовать себя и в новой политической плоскости.

«Партия российского единства и согласия» выдвигает его кандидатом в депутаты Государственной Думы Российской Федерации первого созыва (1993 г.), и несмотря на то, что Олег Львович не стал народным избранником, он часто проводит время в самолете Иркутск – Москва – Иркутск. С 1994 г. О. Л. Воронин – эксперт комитета по связям с соотечественниками Государственной Думы РФ. В 1994–1995 гг. – стипендиат программы «Российские регионы» Фонда Ф. Науманна (Германия), а в 1997–1998 гг. – программы «Региональные социополитические исследования» министерства просвещения Японии. В 1996 г. в Штутгарте выходит монография известного немецкого социолога Кая Эллера «По ту сторону Москвы», одну главу в которой «Деструктурированное общество» написал иркутский политолог.

В 2000-е гг. О. Л. Воронин активно выступает не только как эксперт-политолог, но и как журналист. Он ведет авторскую программу «Прямая связь» на телеканале АС Байкал ТВ, а в 2002–2006 гг. редактирует региональный общественно-политический журнал «Иркутская губерния».

Имея большой опыт практической работы, его часто приглашают в качестве эксперта на различные российские и региональные семинары. В декабре 2002 г. О. Л. Воронин – финалист Всероссийского конкурса региональной политологии компании «Видео Интернейшнл», по результатам которого он был приглашен в Экспертный совет Первого канала. В 2006–2008 гг. – региональный эксперт программы «Общество и региональная политика» Московского центра Карнеги.

Все годы он активно выступает как политолог, давая экспертные оценки предвыборным кампаниям, работе органов государственной власти и местного самоуправления, пишет статьи в газеты. Так, у него сложилось успешное сотрудничество с общественно-политической газетой «Восточно-Сибирская правда», где он опубликовал несколько десятков своих интеллектуальных размышлений о состоянии современной политики, политической науки и общественной жизни. В 2006 г. О. Л. Воронин стал ведущим дискуссионного клуба, в работе которого принимали участие известные эксперты из Москвы и Иркутска.

С 1990 по 2008 г. Олег Львович преподавал на кафедре современной отечественной истории исторического факультета ИГУ. Его незаурядный талант и публичные выступления всегда притягивали студентов. Неудивительно, что под его руководством были подготовлены и защищены 93 дипломные работы и четыре кандидатские диссертации.

В 2004 г. Олег Воронин прочел курс лекций по проблемам энергобезопасности в Северо-Восточной Азии в Университете Симанэ (Япония). Это стал новый этап в его профессиональной деятельности. Войдя в экспертный совет Российского газового общества, он много работ посвятил газовой теме.

С 2008 г. Олег Воронин жил и работал в Москве, занимаясь политическими исследованиями, но связь с родным городом не терял, регулярно приезжая с лекциями на исторический факультет ИГУ – «альма-матер», давший ему не только образование, но и многих друзей. Столица приняла иркутянина без объятий. В последние годы он работал доцентом Московской международной высшей школы бизнеса («МИРБИС(и)»). 18 января 2014 г. Олег Львович скончался. Два дня спустя об этом узнали в Иркутске.

*А. В. Петров,
кандидат политических наук,
доцент кафедры современной отечественной
истории ИГУ,
ученик Олега Львовича*

Политическая история как призвание

Уважаемый читатель! В Ваших руках книга известного российского политолога и историка Олега Львовича Воронина (1950–2014 гг.). Второе издание этой книги готовилось уже в печальные для нас дни – уход из жизни ее автора.

Отъезд О. Л. Воронина из Иркутска в Москву (2008 г.) ослабил наши творческие связи. Но иркутяне продолжали поддерживать с О. Л. Ворониным добрые отношения, бывали у него в Москве, радовались вместе с ним его приезду в родной Иркутск, встречаю на историческом факультете Иркутского государственного университета.

В Москве существенно расширился круг его профессиональных связей и знакомств. О. Л. Воронин очень гордился своим участием в программе Центрального телевидения «Суд истории», которой руководил Н. Сванидзе. Как и всякому публичному человеку, О. Л. Воронину было приятно появляться на голубом экране ЦТ в квартирах иркутян, которые помнили его по выступлениям на местном телевидении, в студенческих аудиториях, и даже митингах. Он был узнаваем молодежью, научной общественностью, местным политическим бомондом и гордился этим без всякого позерства. Трудно передать словами чувства, которые он испытывал, общаясь с известными историками А. С. Ахиезером, М. Я. Гефтером, политологом С. Кургиняном. Помнится, он всегда звонил мне в Иркутск, интересовался нашим впечатлением о его новом столичном имидже. Он очень дорожил мнением и оценкой друзей, товарищей, коллег иркутян. До конца своих дней помнил значение нашей исторической школы в его становлении как специалиста и педагога высшей школы. И все же главным трендом его творчества до недавних пор выступала политическая публицистика. Она проходила через все педагогическое творчество О. Л. Воронина, его общественно-политическую практику. В его багаже были десятки статей и публикаций в различных общественных и зарубежных изданиях. Очевидно, что подробный научный анализ наследия О. Л. Воронина еще впереди. Он станет предметом студенческих курсовых и дипломных работ, что было бы своевременным и верным откликом историков нашего факультета на творчество О. Л. Воронина.

Осмысливая в целом этот пласт выступлений и публикаций Олега Львовича по общественно-политической проблематике до

2005 г., можно с уверенностью сказать, что он был в числе первых иркутских политологов, если не первым. О. Л. Воронин словно обладал предчувствием скорого рождения новой науки – политологии. Ею он жил, политология была его любимой музой, как бы отесняя на второй план историю. Борение этих двух начал всегда присутствовало в его творчестве и душе, в итоге обогащало научные изыскания новыми оригинальными выводами и методами познания общественной жизни.

Если вернуться к истокам становления мировоззрения Олега Воронина, то можно сказать, что в его семье всегда присутствовал дух свободомыслия, культ просвещения, поощрение творческой инициативы и любознательности. Не случайно уже в школьные годы у Олега сложился устойчивый интерес к гуманитарным наукам: литературе и истории. В конкурсах чтецов и знатоков литературы, проводимых в школе и Иркутским областным Домом пионеров, Олегу не было равных в этой номинации. Трогательное отношение к родным и близким, а также к книгам были едва ли не главной жизненной ценностью Олега Львовича с юности до конца жизни. Богатейшая библиотека стала неотъемлемым признаком его образа жизни. Книжочей с раннего детства вырос в признанного эрудита и интеллектуала в зрелом возрасте. Он обладал высоким уровнем книжной культуры, позволявшей в лекциях и научных публикациях доносить до слушателей и читателей яркие образы исторических событий и персонажей.

Отсюда объясним выбор будущей профессии – исторический факультет Иркутского госуниверситета. Здесь в конце 1960-х гг. блистали известные в Сибири историки С. В. Шостакович, Ф. А. Кудрявцев, В. П. Олтаржевский, В. Т. Агалаков, И. И. Кузнецов, Н. Н. Щербаков и др. Олег Воронин быстро стал заметной фигурой в студенческой среде как «по одежке», так и по уму. Модно и стильно он умел одеваться всегда, а уж завоевать авторитет эрудита в своей среде не стоило большого труда.

Своеобразной «точкой бифуркации» для О. Л. Воронина стала современная отечественная история начала XX в. Еще в годы студенчества, а потом научного соискательства Олег Воронин стал увлекаться историей дальневосточной ветви российской эмиграции. Он с интересом воспринимал лекции и беседы признанного специалиста по истории Гражданской войны в Сибири профессора В. Т. Агалакова. В. Т. Агалаков руководил на историческом факультете методологическим семинаром и часто приглашал на факультет с лекциями известных ученых-историков из Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Как не вспомнить приезд к нам и выступление

известного специалиста по истории эмиграции Л. К. Шкаренкова! Мы узнавали много интересного о жизни российских эмигрантов, чего не было ни в каких книгах. По-существу в перестроечный и постперестроечный период происходил процесс институционализации эмигрантской истории. Расширялась источниковая база исследования. Эти проблемы начинали рассматриваться на конференциях историков, в том числе международного уровня, символизируя сближение позиций зарубежных исследователей и сторонников традиционной отечественной историографии. Для О. Л. Воронина наступила пора переосмысления накопленного эмпирического материала, систематизации научных знаний по истории дальневосточной эмиграции. К этому действию также инициировали его известные историки М. Я. Гефтер и А. С. Ахиезер. Так, О. Л. Воронин вплотную приступил к подготовке кандидатской диссертации по истории дальневосточной эмиграции.

Перед соискателем встал вопрос теоретико-методологического характера: выбор принципов и методов исследования. В условиях кризиса марксистской методологии и неприемлемости для соискателя идеографического метода, для О. Л. Воронина не оставалось иного выбора, как применить в исследовании хорошо известный ему многомерный метод политического анализа с использованием исторической антропологии. В этом просматривалось стремление исследователя взглянуть на происходящие процессы в эмигрантской среде с позиций их участников, а также изучение всех видов социальных практик, включая историю повседневности эмигрантов.

О. Л. Воронин как исследователь не имел возможности лично «задать вопрос прошлому». Поэтому он работал с традиционными письменными источниками. Среди них он выделил, прежде всего, эго-документы биографии, мемуары, дневники и письма эмигрантов Н. Устрялова и Е. Кусковой. Они позволили лучше понять поступки этих личностей в конкретной политической ситуации, как они жили, думали, чувствовали. И хотя автор старался избегать личных оценок, они присутствуют в латентном виде во всем его историческом сочинении.

В итоге проделанной работы, основанной на принципах и методах политического анализа, в исследовании О. Л. Воронина все более явственно проступали силуэты и контуры жизни и деятельности российских эмигрантов, погруженные в мир их споров, сомнений и оценок. Для О. Л. Воронина наступил момент истины. «Кризис жанра» оказался для соискателя благотворным. После доработки из диссертации получилась прекрасная книга «Силуэты

Востока и Запада : Исторические очерки и документы», опубликованная в 2006 г.

Вышедшая в свет книга О. Л. Воронина была положительно оценена рецензентами. Автор продолжал работать над этой темой, публиковал новые материалы и статьи о восточной ветви российской эмиграции. Несомненно, Олег Львович готовил новое издание книги по этой тематике. Не случилось. Он безвременно ушел из жизни. Пусть это издание будет исполнением нашего долга перед светлой памятью нашего друга, товарища и коллеги Олега Львовича Воронина!

*Ю. А. Петрушин,
доктор исторических наук, профессор ИГУ*

От автора

Вниманию читателя предлагается книга документальных очерков о разных людях, разных странах и разных судьбах. Но, одновременно, это книга о России и русской истории XX столетия.

Нас не зря называют «синкретической цивилизацией». Являясь органической частью западной христианской культуры, мы вобрали такое количество культурных паттернов Востока, что подчас очень трудно уловить направление происхождения тех или иных реалий нашей цивилизационной основы. «Кто мы, что мы, откуда и куда идем?» Именно над этим размышляют герои наших очерков. Русская интеллигенция всегда и особенно во времена «великого исхода 1917–1922 гг. «мучилась этими проблемами. Почти все крупнейшие представители философско-политической мысли отдали дань подобным спорам, заметим, что многие из них: Патриарх Тихон, Павел Милюков, Иван Ильин, Василий Маклаков, Петр Струве, Владимир Ленин, Николай Бухарин и другие размышляют и действуют как бы «на фоне» этих очерков. И, возможно, крайние фланги здесь представляют знаковые и одновременно одинаково незаслуженно забытые русские мыслители и публицисты: Екатерина Дмитриевна Кускова – социалистка, видный деятель так называемого политического масонства и профессор Николай Васильевич Устрялов – «enfant terrible» русской философской мысли, идейный лидер «сменовеховства» («национал-большевик», как окрестили его зарубежные историки). Жили они по «разные края» Евразийского материка. Кускова и ее муж – видный экономист Николай Прокопович – в Праге и Женеве, а Устрялов – в Харбине (до своего, ставшего трагическим, возвращения в родную Москву). Но и на Западе, и на Востоке они представляли разные направления русской общественной мысли. Кускова – западническую, леворадикальную, и в наше время господствующую в европейских интеллектуальных кругах, Устрялов – государственно-кадетскую с сильным славянофильским окрасом, ставшую предтечей так популярных сейчас евразийских концепций. Исследования публицистики и эпистолярного наследия обоих героев книги достаточно четко показывают эти фундаментальные, не только философские, но и личностные различия. Например, Кускова крайне озабочена «правами человека», которые варварски топчут СССР и нацистская Германия, а Устрялов, анализируя строительство «сталинского социализма»,

как бы не замечает цены этих преобразований, доверяя такую оценку лишь дневниковым записям и личным письмам. Отсюда и отношение к государству. Сильное личностно-протестное, и жертвенное, позволяющее «прощать» и оправдывать любые преступления во имя символа. С точки зрения «глубинной» психологии интересно, что «жертвенное» принадлежит мужчине – активному участнику подпольной и военной борьбы с советской властью, а «личностное» – женщине (недаром «заклятую подругу» Кусковой Ариадну Тыркову-Вильямс, так же присутствующую в этих очерках, злые языки называли «единственным мужчиной в кадетском ЦК»). Да и стиль их публицистики парадоксально различен: устряловский – лирически напряженный, многоцитатный, иногда с уклоном в мистические прозрения, кусковский – суховатый, подчеркнута конкретный, без олитературенных фиоритур, отличающийся присутствием истинно женского здравого смысла. Устрялов, начав как кадет-белоэмигрант, «полулегально» приезжает в СССР, затем берет советский паспорт и, в конце концов, возвращается. Кускова никуда не бежит, вместе с мужем приговаривается к расстрелу за «помощь голодающим» (дело «Помгола» – сердцевина ее публикуемых воспоминаний), но насильно высылается и больше уже никогда не пересечет границ России. Итак, два туманных силуэта – «Силуэты Востока и Запада».

Два отношения, две идеи: исчерпывается ли ими, двумя этими флангами, социально-психологическая схема русской эмиграции? Конечно же, нет. Третий очерк написан в популярном ныне жанре «истории повседневности» и вдохновлен чтением книг замечательного исследователя Шейлы Фицпатрик «Сталинские крестьяне» и «Повседневный сталинизм». Он посвящен, если можно так выразиться, «военным будням» русской эмиграции. Можно ли считать войну «повседневностью»? А почему нет? Ведь для сотен и тысяч русских солдат и офицеров, особенно на Дальнем Востоке, это и была единственно возможная жизнь: с окопов Первой мировой через наступление на «красную Москву» на Волге и Урале до «ледяного похода» каппелевцев и владивостокской эвакуации. Итого, восемь лет войны. Что еще умели делать генералы, адмиралы, офицеры, юнкера и казаки? Стоит ли удивляться, что многие из них продолжали воевать и в далеком Китае. И отнюдь не за «веру, царя и отечество», а за совершенно чуждые им интересы военно-феодалных клик, разорвавших в 20-х гг. Китай на части. Здесь они и гибли, и сейчас никто уже не подскажет, где тысячи русских могил. Однако небольшое их число, особенно взаимодействовавшее с советскими военными советниками, все-таки вернулось на родину,

повторив судьбу Устрялова и его друзей-единомышленников – бывших колчаковских министров, чем их встретила сталинская Россия... можно не договаривать. После 1945 г. их судьбу разделили соотечественники из Маньчжурии, Синьцзяна, Тяньцзиня, Шанхая. Рассеявшиеся по Китаю осколки русской диаспоры в, много пишут, издают воспоминания и журналы, сохраняют уникальные архивы, но, по большому счету, до родины пока не достучались. Пусть данная книга послужит хотя бы напоминанием.

Несколько слов о жанре. Автор назвал книгу очерками, но, как автор, совершенно сознательно, отступил, на задний план, стараясь, по возможности, избегать личных оценок, максимально показывая, как люди жили, думали, чувствовали и действовали. Погрузить читателя в мир их споров, сомнений и оценок. Люди живы до тех пор, пока жива память о них.

НИКОЛАЙ УСТРЯЛОВ: ПУТЬ И СУДЬБА

На что ты истратил свои золотые?
А. Галич. Возвращение на Итаку

В наше время имя Николая Васильевича Устрялова (1890–1938) одного из крупнейших русских социологов и публицистов XX в., проделавшего за два десятилетия после революции сложную и показательную идейную эволюцию, постепенно выходит из забвения, но все же незаслуженно проходит лишь по «ведомству» эмигрантской публицистики.

А между тем в 20–30-х гг. XX в. статьи Устрялова были хорошо известны в СССР, вызывали пристальное внимание и широкую полемику, прежде всего в руководящей верхушке большевиков. О них неоднократно писал Владимир Ленин, устряловские концепции оценивали в своих речах и выступлениях в печати Андрей Бубнов, Николай Бухарин, Михаил Калинин, Анатолий Луначарский, Иосиф Сталин и другие руководители партии и государства.

В острейшей политической борьбе второй половины 1920-х гг. его идеи по-разному пытались использовать в своих интересах деятели различных партийных течений как так называемой новой оппозиции, так и их сталинско-бухаринские оппоненты. В ряде выступлений партийных публицистов отмечалось, в частности, совпадение некоторых положений программы троцкистско-зиновьевского блока с социологическими концепциями, получившими расхожее наименование «устряловщины».

Но книги Николая Бухарина «Цезаризм под маской революции» и близкого к нему публициста Александра Зайцева «Об Устрялове, “неонэпе” и жертвах устряловщины» анализировали, в основном, статьи начала 20-х гг., тогда как сам Устрялов, в это время, уже достаточно далеко ушел от этих положений. В его публицистике второй половины 20-х – начала 30-х гг. XX в. появились новые моменты и оценки, во многом расходящиеся с первоначальными выводами. Впрочем, на протяжении своей короткой жизни Устрялову

пришлось не раз менять свои взгляды, но ни в коем случае это не был политический оппортунизм приспособленца. Сам он отмечал:

«...Это не мы, а жизнь повернулась на 180 градусов. И для того, чтобы остаться верными себе, мы должны учесть этот поворот. Проповедь старой программы действий в существенно новых условиях часто бывает наихудшей формой измены своим принципам...»¹.

Отказ от прежней позиции всегда был для него очень труден, сопровождался большим количеством рассуждений «про» и «контра», а обоснование новой точки зрения сопровождалось обширной и убедительной аргументацией. Но были вещи, от которых Николай Васильевич не отказывался никогда. Образно говоря, он оставался сменовеховцем, стоящим на «национально-государственной» точке зрения даже тогда, когда сменовеховство как идейно-политическое течение ушло в небытие.

Это подтверждает и современный историк: «Немного найдется исследователей, не побоявшихся, как Устрялов, открыто и серьезно рассуждать о “стихии государства”... и все же поражаешься... этой готовности всегда принимать власть такой, какова она есть, во всей ее фактической неприглядности»².

Тем более что после полутора десятилетий «российской демократии» со всей ее «спецификой» идеи эти вновь оказались востребованы значительной частью граждан. В этом и исторический соблазн, и горькие уроки сменовеховской идеологии.

В настоящее время в изучении сменовеховства как одного из важнейших течений русской политической мысли сделано достаточно много. Наиболее значительными представляются философские эссе Сергея Чернышева «Кальдера Россия» в четырехтомнике «Иное» в 1995 г. и документальные публикации Олега Воробьева и Сергея Константинова в «Независимой газете» за 1-е декабря 2000 и, наконец, в 2003 г. вышел солидный сборник устряловской публицистики под редакцией Сергея Сергеева, где Николай Васильевич ставится в один ряд с крупнейшими мыслителями русского зарубежья.

Советские же историки в предыдущий период занимались лишь методами борьбы правящего режима со сменовеховской идеологией. При этом они опирались лишь на ленинские, а позже сталинские оценки и решения партийных съездов и конференций.

Но до сих пор гораздо слабее изучены конкретные работы лидеров этого течения, а также судьбы целого ряда видных представителей русской интеллигенции, нашедших мужество коренным образом пересмотреть свои позиции и стать, пусть даже с теми или

иными оговорками, на путь признания и сотрудничества с Советской властью. Все вышесказанное относится в первую очередь к Н. В. Устрялову. Автор данной книги, один из первых в перестроечной России, написал о нем небольшую статью еще в 1987 г. Но она появилась в подцензурной партийной печати, и переиздание сейчас вряд ли было бы интересным. Между тем, используя целый ряд новых материалов, хотелось бы по-другому посмотреть на сменовеховское наследие и творчество его наиболее яркого представителя.

Сменовеховство отнюдь не было специфически эмигрантским течением и это вынуждены были признавать лидеры большевистского режима, это подчеркивалось в документах РКП(б). Ленин считал, что оно выражает мнение «десятков тысяч буржуев и советских служащих... участников нашей новой экономической политики...»³. Эти идеи получили широкое распространение среди представителей дореволюционной интеллигенции, оставшихся в Советской России, не ушедших во «внутреннюю эмиграцию», а включившихся в сотрудничество с «пролетарским» государством. Большинство сменовеховцев-эмигрантов в итоге также оказалось на Родине и стремилось активно участвовать в создании новой науки и культуры, так как им это представлялось возможным.

Эволюция взглядов Н. В. Устрялова интересна, таким образом, не только сама по себе, но и как концентрированное политическое и социальное выражение взглядов тех, кого в 20–30-е гг. называли «спецами», т. е. тысяч и тысяч людей, искавших свое место в новой действительности. Наиболее ярко и трагично это стремление выразилось впоследствии в предсмертных словах Михаила Афанасьевича Булгакова «...Служить народу... За что меня жали? Я хотел только служить народу...»⁴.

Функционеры коммунистической партии и особенно ОГПУ–НКВД, очень внимательно следили за этими тенденциями в среде интеллигенции и, хотя перестроечный историк стыдливо оговаривается «что она (партия. – *О. В.*) вела борьбу не со сменовеховством как таковым, а с реставраторскими тенденциями, проявлявшимися в этой среде»⁵, но жизненные трагедии Юрия Ключникова, Юрия Потехина, Александра Бобрищева-Пушкина, Дмитрия Святополка-Мирского, Николая Василевского (Не-Буквы), самого Устрялова свидетельствуют об обратном.

Биография Николая Устрялова, особенно ее сибирский и харбинский периоды, позволяет многое объяснить и понять в его социологических построениях.

Выходец из петербургской профессорской семьи (среди предков которой был известный историк и теоретик «официальной

народности» Н. Г. Устрялов), окончив в 1908 г. с серебряной медалью Калужскую Николаевскую гимназию, он поступает в Московский университет и в 1913 г. заканчивает юридический факультет университета, и остается при нем для подготовки к научной деятельности (научные руководители профессора Борис Вышеславцев и князь Евгений Трубецкой). Большое влияние на формирование историко-философских взглядов Устрялова оказала научная работа в Германии в канун Первой мировой войны и особенно марбургская школа идеалистов во главе с Германом Когеном. В 1914–1916 гг. он сдает магистерские экзамены по международному праву и читает свои первые лекции «Идея государства у Платона» и «Теория самодержавия у славянофилов». В 1916–1917 гг. читает курс по истории русской политической мысли, становится приват-доцентом и одновременно активно участвует в работе московской организации конституционно-демократической партии.

В это время особенный энтузиазм вызывает у него великодержавный курс, с проповедью которого выступает Петр Струве. Сотрудничая в годы войны в газете Рябушинского «Утро России», он помещает там под псевдонимом П. Сурмин ряд патриотических статей.

Полностью разделяя позиции П. Струве и Павла Милюкова, Октябрьскую революцию Устрялов встретил с нескрываемой враждебностью. Рассматривая ее как крушение русского «национального дела», он несколько позже писал: «...вместо интернационала – нация. Вместо класса – Родина. Вместо коммунистической общины – правовое государство на основе национальной демократии... вместо общего принципиального уравниения – иерархия ценностей... вместо пролеткульта – культура ...»⁶.

Работая в Пермском университете и получив там, в начале 1918 г. профессорское звание, он участвует в подпольной конференции кадетской партии в Москве в мае 1918 г., провозгласившей вооруженную борьбу с Советской властью, а затем, с занятием г. Перми белыми, оказывается на территории «колчакии», перебирается в Омск, где становится издателем газеты «Русское дело», одним из руководителей Омского бюро печати и в конце 1919 г. после Петра Вологодского и Александра Клафтона председателем Восточного отдела Партии народной свободы.

Молодой профессор оказался ведущим публицистом Верховного правителя, опубликовав в «Русском деле» и других омских газетах десятки статей в поддержку диктатуры адмирала, Устрялов, по мнению эсеровской оппозиции, стал «теоретическим столпом омского разбоя». Всемерно отстаивая «сильную диктаториальную

власть», в своих статьях он требует: «...центр русской внешней политики должен быть не в Париже, а в резиденции Верховного Правителя в Омске...»⁷. В интервью Русскому телеграфному агентству Устрялов заявляет: «Наша точка зрения заключается в необходимости укрепления диктатуры Верховного правителя... Конституция 18 ноября 1918 г. неудовлетворительна... Партия народной свободы относится отрицательно к идее законосовещательного или законодательного органа, ибо это ослабит, а не усилит диктатуру»⁸. По его мнению, «...общество должно обеспечить власти диктатора организованное признание»⁹. Поддерживая омское правительство «до последней минуты его существования»¹⁰, Устрялов рассматривал «белое дело» прежде всего как «движение национально-демократическое по преимуществу...»¹¹, противостоящее революции, которую «...мы отвергаем, потому, что она стала принципиально антинациональной...»¹².

Необходимо отметить, что его позиция не только не отличалась от основного курса Партии народной свободы, а напротив, углубляла и развивала эту политическую линию. Для сравнения приведем цитату из статьи признанного авторитета и «совести» партии князя Павла Владимировича Долгорукова (1866–1927). Современный биограф деятелей русского либерализма, историк Нина Канищева отмечает: «... к 1919 г. князь встал на позиции безусловной поддержки военной диктатуры, видя в ней единственную возможность спасти Россию. «В разгар пожара – писал Долгоруков – не разбираются, хорош ли брандмейстер. Его вызывают, его ожидают, раз ему подчинена пожарная команда, и охотно вверяют его единоличной власти пылающее здание...» И Деникина, и Колчака он оценивал как «желанных вождей», поскольку они, по его мнению, обладали «государственным инстинктом»¹³.

Однако в опубликованном только в 1991 г. устряловском дневнике содержатся необычайно пессимистические оценки как режима Верховного правителя, так и «белого дела» вообще. Появившись в Омске 2 февраля 19-го года, он уже через неделю записывает: «...Жизнь все время, как на вулкане. **Мало у кого есть надежда победить большевиков...** нет, увы, это не новая Россия, это не будущее. Это отживший старый мир и не ему торжествовать победу. Грустно. Понимаешь... и все же не оторвешься от круга уходящей жизни, ибо в ней – корни и души, и тела»¹⁴.

Более деловые заметки дают тяжелую картину как военных мероприятий, так и внутренней политики омского правительства: «...У большевиков более многочисленная и более совершенная (!) армия, чем у нас... <хотя> последние вести благоприятны... Но никаких расчетов на такие единичные успехи строить не приходится.

Войска наши посредственны, офицеров совсем мало, мобилизация проводится ставкой бессистемно и бессмысленно... <8–9 марта>¹⁵.

Необычайно ценна в свете происходящей полемики о личности Александра Васильевича Колчака устряловская запись в дневнике от 20 июля: «Сейчас вместе с делегацией омского “блока” был у Верховного правителя – в домике у Иртыша. Длинная беседа на злобы дня. Хорошее и сильное впечатление. Чувствуется ум, честность, добрая воля. Говорил очень искренне и откровенно. Об “отсутствии порядочных людей”, “о трудном положении армии” (“развал”), о союзниках. “Мое мнение – они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна...” Об отвратительных злоупотреблениях агентов власти на фронте и в тылу “Худшие враги правительства – его собственные агенты”. То же у Деникина, то же у большевиков – “это общее явление, нет людей”...

“Диктатор”... Я всматривался в него вчера, вслушивался в каждое его слово... Трезвый, нервный ум, чуткий, усложненный. Благородство, величайшая простота, отсутствие всякой позы, фразы, аффектированности... Видимо лозунг “цель оправдывает средства” ему слишком чужд, органически неприемлем, хотя умом, быть может, он сознает все его значение... я боюсь – слишком честен, слишком тонок, слишком “хрупок” адмирал Колчак для “героя” истории...»¹⁶.

Оказавшись в декабре 1919 г. вместе с агонизирующим колчаковским правительством в Иркутске, Устрялов, как глава Восточного отдела ПНС отчаянно ищет возможность поддержать гибнущую диктатуру, публикует статью-панегирик атаману Григорию Семёнову.

Личные же его записи отражают горькие размышления потенциального эмигранта: «Тяжело на душе... и острый личный вопрос: что же делать... допустим, что можно будет уехать на Восток... Но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, уже безвозвратно проигранным?

Остаться здесь? Но это значит порвать с кругом не только привычных идей и представлений, но и с кругом близких духовно лиц; с привычною средой, которую уважал и даже, быть может, любил. Перейти в круг людей чуждых, не доверяющих, вероятно презирающих... Быть ренегатом в глазах друзей и врагов... Тяжко.

Уйти от политики? В книги? В Науку? На востоке это невозможно, не позволит среда. Здесь? (в Иркутске. – *О. В.*) Тоже, пожалуй, невозможно: вряд ли здешний университет (эсеры) согласится пригласить, да и грядущие большевики не потерпят: председатель

кадетского Центрального Восточного Комитета!... Пойдешь налево – потеряешь одну половину души, направо другую...»¹⁷.

Впоследствии он будет с горечью и иронией вспоминать в очерке «У окна вагона»: «Иркутск... сколько воспоминаний... Помню, ехал здесь с Таскиным в конце ноября 1919 г. из омского Иркутска в семеновскую Читу. Тогда были дни ее величия. Обняв Восходящее Солнце (имеется в виду японская поддержка Семенова. – *О. В.*), с улыбкой снисходительного презрения смотрела она на бьющийся в предсмертной агонии Иркутск, на поезд “Буки” (поезд Колчака. – *О. В.*), заброшенный в снежных сибирских просторах “сами, мол, виноваты...”.

О Таскине... любопытный, занятый человек с хитрецей, член Гос. Думы, кадет. Тогда был левой рукой Семенова (правую, без сомнения, считался ген. Афанасьев)... все, помню, ругал он омское правительство, умиравшее тогда в иркутском отеле “Модерн”... То же, подумашь, министры! Бегают по “Модерну” из комнаты в комнату, флиртуют с эсерами и воображают, что это и есть государственное дело! Нет, у нас в Чите не то. Совсем не то! Верил в свою Читу, в атамана, в броневики, а пуще всего, конечно, в японцев:

“Не бойтесь, в Чите большевиков не будет...”. Трудно сказать, кто был наивнее и смешнее комнатные ли министры “Модерна”, или их критик, шустрый губернатор семеновского Забайкалья. Все хороши, все одинаковы!»¹⁸.

Интересны в этом мемуарном отрывке не только иронические характеристики деятелей белого движения, но и сам автор. Он явно отделяет себя от гибнущих министров и губернаторов, дает понять, что он уже тогда не разделял их позиций. Так ли это?

Для характеристики тогдашних устряловских настроений хочется привести отрывок из вышедших много позже в Китае воспоминаний известного деятеля областнического движения, бывшего, правда, недолго, министром Колчака Ивана Серебренникова: «Во время декабрьских дней 1919 г. я встретился в гостинице “Модерн” (Иркутск)... с профессором Устряловым, способным журналистом, пламенным бардом и идеологом диктатуры Колчака. Конечно, речь зашла о текущем моменте... Я не радостно смотрел в будущее. К моему удивлению, профессор Устрялов не присоединился к моим мрачным прогнозам. Его осеняли какие-то новые мысли, видимо, весьма занимавшие его теперь. – Вот большевики взяли Новониколаевск, говорил он, – идут дальше, и это меня нисколько не пугает, я теперь совершенно спокоен за Россию: она вновь собирается в единое целое... “Устряловщина”, как известная теперь политическая

теория, уже тогда зародилась в голове профессора... его внутреннее убеждение влекло в совершенно иную сторону»¹⁹.

О подобных настроениях Устрялова свидетельствует и Юрий Ключников – министр иностранных дел омского правительства, друг и соратник Николая Васильевича, его воспоминания, что показательно, относятся к более раннему времени – началу 1919 г. В одной из бесед Устрялов говорит о возможности победы большевиков и о том, что в этом случае «мы должны быть с Россией»²⁰.

Показательно, что подобные настроения были свойственны не только Устрялову. Даже такой последовательный и убежденный белогвардеец как Виталий Васильевич Шульгин не очень уверенно пророчествовал: «Допустим, что им, красным, только кажется, что они сражаются во славу Интернационала... на самом же деле, хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, что бы восстановить “Богохранимую Державу Российскую”... Они своими красными армиями движутся во все стороны, только до тех пор, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России... Интернационал “смоется”, а границы останутся...»²¹.

Но если у Шульгина и некоторых других антисоветских вождей подобные мысли отражали лишь «белое похмелье», то для Н. В. Устрялова они стали началом пути к Родине и народу. Оказавшись в начале 1920 г. в Харбине – центре всех контрреволюционных группировок, действовавших в Сибири и на Дальнем Востоке, Устрялов категорически отстраняется от дальнейших семеновских, меркуловских, пепеляевских и прочих политических авантюр и формулирует, что требовало с его стороны достаточного мужества, концепцию «гражданского мира» (по существу, в этой концепции в зародыше содержались те идеи, которые получили впоследствии наименование «сменовеховства»). Идея гражданского мира была наиболее полно обоснована в его статьях в харбинской газете «Новости жизни», объединенных затем в публицистический сборник «В борьбе за Россию». Однако еще в самом первом интервью газете «Вестник Маньчжурии» в конце января 1920 г. он, по существу, ставит точки над *i*: «...Мы побеждены и побеждены в масштабе всероссийском, а не местном только... Выясняется с беспощадной несомненностью, что путь вооруженной борьбы против революции – бесплодный неудавшийся путь. Жизнь отвергла его...»²².

Эта позиция логически привела к полному разрыву Николая Васильевича с кадетской партией. Харбинский комитет ПНС принял активное участие в проведении так называемого Совещания несо-

циалистических организаций и в подготовке его Декларации, которая, в частности, гласила: «...Основной задачей момента является продолжение борьбы с большевиками **всеми** возможными способами...»²³. Если Устрялов приветствовал владивостокскую коалицию кадетов с большевиками как пример политического здравого смысла (вопреки его надеждам, это сотрудничество оказалось недолгим), то харбинские кадеты прямо заявили: «...образование краевой власти на принципах коалиции... не является допустимым...»²⁴. Решительно расходился он с бывшими единомышленниками и в оценке интервенции: «если уж не помогла интервенция в прошлом году, когда русские армии в многие сотни тысяч надвигались на Москву... – то что она может сделать теперь, когда от всех этих армий остались разве осколки осколков? Ну, а одними лишь иностранными штыками национального возрождения не достигнешь...»²⁵. Несоциалистические организации, представлявшие в Харбине блок монархистов и кадетов, декларировали прямо противоположное: «...краевая власть на Дальнем Востоке может образоваться лишь при наличии поддержки со стороны иностранных государств... Помощь заинтересованных государств должна заключаться: а) в организации заслона военными силами..., б) в предоставлении финансовой помощи... для создания русских национальных сил...»²⁶. Основные моменты программы харбинского «съезда несоциалистов» были взяты в качестве идейно-политического фундамента меркуловским, а затем дитерихсовским правительствами во Владивостоке.

К белогвардейским режимам в Приморье и Крыму Устрялов относился безоговорочно отрицательно. Он писал: «...Судя по всему, мы можем получить на нашей восточной окраине чисто иностранную, по существу, власть, только лишь с русским псевдонимом, причем “идеология” этого псевдонима будет по необходимости глубоко провинциальной...»²⁷. Во Врангеле Устрялов видит не носителя национальной русской государственности, а играющую чисто вспомогательную роль политическую фигуру, оттягивающую часть сил Красной армии с польского фронта: «Поражение России в этой (советско-польской. – *О. В.*) войне задержит надолго ее национально-государственное возрождение, усугубит разруху... Но зато ее победа... автоматически откроет перед ней величайшие международные перспективы... Ужели этого не чувствует Врангель? И неужели ему не раскроет глаза даже доблестный пример старика Брусилова?»²⁸. Анализируя положение на Дальнем Востоке, он делает непреложный, не оставляющий сомнений вывод: «...Население Дальнего Востока... определенно хочет прекращения гражданской вой-

ны и восстановления связи с Россией... При таких условиях, всякая власть с идеологией активной борьбы против Советской России будет здесь ненавистною властью и кроме... междоусобия она ничего не создает»²⁹. События 1921–1922 гг. подтвердили правильность устряловских предвидений.

Необходимо отметить, что концепция гражданского мира у Устрялова коренным образом отличалась по содержанию от деклараций правительств США, Англии, Японии, которые, именуя себя «гарантами гражданского мира», всеми силами стремились под этим предлогом затянуть пребывание иностранных войск на русской территории.

После опубликования таких статей, как «Интервенция», «Старый спор», «Мы и союзники» (впоследствии все они были объединены в сборник «В борьбе за Россию», посвященный генералу Брусилову) положение Н. В. Устрялова среди харбинской эмиграции стало очень тяжелым. В статье «Не божественная комедия», эмигрантский журналист Всеволод Иванов, когда-то ученик и друг Устрялова, яростно провозглашал: «Довольно умствований... Полуграмотные социалисты несут чушь, несущую кровь и ужас миру... а либеральные профессора в каком-то азарте теоретизируют по поводу этого кровавого месива, дискредитируя, профанируя мантию науки... Или импотенция всегдашнее свойство русской интеллигенции?»³⁰. «Ренегату» Устрялову Иванов противопоставляет «героя», им оказывается опять же... атаман Г. Семенов. «...Как бы не расценивать там атамана Семенова, одного нельзя отнять у него, он кипит в самой гуще гражданской войны. В ней он фронтовик. Он в брызгах ее крови, в брызгах ее славы...»³¹. (Вряд ли впоследствии известный советский писатель В. Н. Иванов, автор ряда крупных исторических романов – после 1945 г. он вернулся в СССР – любил вспоминать эти строки, но не нужно искусственно «выпрямлять» идейный путь многих деятелей культуры, живших в эмиграции, как это делали, например, советские литературоведы с Иваном Буниным). Впрочем, в личном письме из Японии от 13 мая 1920 г. его отношение к высказанным Устряловым позициям более сложное и двойственное: «Дорогой Николай Васильевич! Только что прочитал вашу статью об интервенции... объехав все интервьюируемые пункты, могу констатировать никакой интервенции нет: если бы она была, то Вы... давно были бы в Москве! А что есть? Есть оккупация, не заботящаяся ни о политической форме данной страны, ни о добропорядочном с нею отношении»³².

Общее же отношение харбинской эмиграции к этим идеям выразил издатель монархического «Света» Г. Сатов-Ржевский, до ре-

волюции известный в Иркутске журналист и писатель: «Мы сожалеем о профессоре Устрялове, как о дорогом покойнике...»³³. Харбинские кадеты торжественно исключили Николая Владимировича из партии. В одной из статей у Устрялова вырвалось горькое признание: «...Я имел возможность убедиться в... изолированности своей политической позиции по тому впечатлению, которое произвела в различных кругах и группах моя статья «Интервенция»...»³⁴.

Были, однако, и другие отклики. Живущий в то время в Харбине бывший управляющий Иркутской губернией при Колчаке П. Яковлев (Дунин) ссылаясь на сведения общего знакомого из Москвы пишет «... Передайте Устрялову, что им заинтересовался Ильич... и книга его “Борьба за Россию” лежит у него на письменном столе. Ильич отдал приказ высылать столичными курьерами его письма о революции ему в Москву...»³⁵. Трудно сказать, насколько переданные в письме сведения соответствуют истине, но ниже мы еще увидим, насколько интересовали Ленина работы Устрялова. Интерес руководителя большевистской партии косвенно подтверждается и другим письмом из устряловского архива. Кадетский активист А. Бонч-Осмоловский писал из столицы ДВР – Читы в мае 1922 г. «Матвеев (председатель правительства Дальневосточной республики. – О. В.) говорил, что в Москве беседовал с Лениным о новом направлении эмигрантской мысли. На него произвело впечатление, что Ленин очень следит за этим движением, выделяет среди других примиренцев Вас и, по-видимому, знает Вас не только по “Смене вех”, но и по “Новостям жизни”³⁶. Устрялов, кстати, заочно был введен в состав недолговечного так называемого приамурского правительства – коалиции большевиков, умеренных социалистов и кадетов, но так ни разу и не посетил его заседаний».

Означает ли это, что, разорвав с белым движением, Устрялов стал на позиции Советской власти? Конечно же, нет. Он сам откровенно об этом говорил: «...Разумеется, все это не означает безусловного принятия большевизма или полного примирения с ним. Должны лишь существенно измениться методы его преодоления... Его не удалось победить силой оружия в гражданской борьбе – он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира... Процесс внутреннего органического перерождения Советской власти, несомненно, уже начинается... и наша общая задача – способствовать этому процессу...»³⁷. Те же мысли Устрялов высказывал и в личном письме к П. Б. Струве, что вызвало резкие возражения у идеолога белого движения. Струве писал: «Если бы я поверил, что большевизм... осуществляет какое-то национальное признание... я бы не призывал к гражданской войне. Но... большевизм есть разру-

шение и поругание национального тела и национального духа России... Вот почему мы должны быть непримиримы до конца против большевизма...»³⁸. Мэтр русского «государственного национализма» вообще отказывал Устрялову и пражским сменовеховцам в праве на искренность их убеждений: «При чтении рассуждений Н. В. Устрялова, нельзя отделаться от мысли, что “национал-большевизм” (распространенное в эмиграции наименование сменовеховства. – *О. В.*) есть порождение той кратковременной политической конъюнктуры, которая характеризовалась победой большевиков над поляками...»³⁹. В сущности, то же самое повторяет и религиозный философ Георгий Флоровский: «...И тем яснее для наблюдателя та извращенная духовная установка, в которой родится “ликующее примирение с действительностью”, подлинные, а не придуманные именины по поводу позора и гибели Родины... Нет здесь любви одухотворенной... есть голая “зоологическая” стихийная страсть к родимой плоти... – любовь к родному “хаосу древнему” – любовь к крови, а не любовь Духа...»⁴⁰.

Если под хаосом профессор Духовной академии понимал оправдание массовых крестьянских движений, то он ошибался. Для Устрялова анархический бунт крестьянской стихии так же был абсолютно неприемлем. И в этом его концепции полностью расходились с чаяниями Бориса Савинкова, Виктора Чернова и других представителей «третьей силы», ставивших на собственнические инстинкты русского крестьянина. Полемизируя с Савинковым, предрекавшим крестьянскую революцию, которая уничтожит большевиков, Устрялов в статье «Зеленый шум» писал: «...Воистину он страшен, такой “антибольшевизм” и страшен не только для большевиков, но еще больше для страны и, уж конечно, для ее интеллигенции... Озлобленная деревня с дикими лозунгами “Долой коммунистов, да здравствуют Советы” (статья была опубликована до кронштадтских событий и западносибирских восстаний. – *О. В.*) лавой ринется на города... Наивно думать, что такое хаотическое движение... может войти в русло “врангелизма” или... иной власти... Это недоступно пониманию эсеровского ЦИКа и “мудрым” лидерам кадетов»⁴¹. Не закрывая глаза на действительно существующую опасность, он достаточно точно за год до нэпа сумел определить основные направления внутренней и внешней политики Советской власти. «Большевизм обречен, период анархии неизбежен? Для меня еще далеко не доказано, что это будет... Конечно, экономическая разруха не способствует укреплению власти... Но, во-первых, силы, ополчающиеся ныне на правительство революции, покуда еще слишком слабы для его ниспровержения, а во-вторых, улучшение

ряда политических условий может благотворно воздействовать на экономическое состояние страны... Прекращение польской войны, новая “передышка”, снятие союзной блокады, ликвидация южного фронта, разрешение дальневосточного вопроса – эти далеко не невозможные факты, бесспорно, не замедлили бы отразиться на внутреннем состоянии страны. И очевидно, что каждый сознательный патриот должен ныне прилагать все усилия, чтобы эти факты осуществились...»⁴². Как смертный приговор надеждам всей эмиграции от Милюкова до Чернова, стремившейся осуществить «передвижку власти», звучали заключительные слова статьи: «Не может быть мерилом истины стихийный разрушительный порыв, охватывающий ныне некоторую часть наших уставших деревенских масс... Из этого следует, что поощрение погромной анархической волны, поднимающейся в России – дурно, бессмысленно и, прежде всего, не патриотично... И меньше всего к зеленой партизанщине удастся примазать царя, сфабрикованного за границей...»⁴³.

Все сильные и слабые места устряловских социологических выкладок особенно рельефно видны в знаменитой статье «Patriotica», составляющей самую сердцевину сборника «Смена вех», выпущенного в 1921 г. в Праге единомышленниками Устрялова и получившего громкую известность и широкий резонанс в Советской России и за рубежом. (Здесь следовало бы отметить, что «Patriotica» не есть собственно статья, а под этим общим названием в «Смене вех» подобраны в систематическом порядке дословные выдержки из сборника «В борьбе за Россию», уже неоднократно нами цитированного)⁴⁴.

Если сильной стороной Устрялова и вообще сменовеховства было признание устойчивости советской власти, то в оценке дальнейшего развития страны проявлялась излишняя приверженность к историческим аналогиям, прежде всего из истории Великой Французской революции. Приводя подобные параллели, они исходили из неизбежности «русского термидора», т. е. «перерождения» Октября, что для них означало возвращение к формальной демократии, реставрацию частной собственности и товарно-денежных отношений.

Устрялов, поскольку он занимался, прежде всего, анализом социальных и политических механизмов Советской власти, высказывал эти опасения более прямо и незавуалированно, тогда как Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, Ю. Н. Потехин, А. В. Бобрищев-Пушкин и другие авторы сменовеховских сборников и статей ставили вопрос об идеологическом, моральном или международном сотрудниче-

стве с Советской Россией. Поэтому создалось впечатление об Устрялове, как человеке, стоявшем «правее» своих единомышленников, хотя в начале 20-х гг. их позиции были в общем сходными. (Видимо, следует заметить, что также неправомерно называть Николая Васильевича «вождем» сменовеховства, так как это идейно-политическое течение организационно никак не оформлялось, его деятели никогда не рассматривали себя как политическую партию, да и жил Устрялов по-прежнему в Харбине, а основными центрами сменовеховства были Прага и Берлин.)

Характеризуя свое отношение к советской власти Устрялов использует термин «содействие» и утверждает, что «наши разногласия, как и разногласия Лежнев – Потехин, конкретно-политически достаточно невелики...»⁴⁵.

Свои надежды Устрялов обосновывал тем, что «...Революция бросает в будущее “программу”, но она никогда не в силах ее осуществить сполна в настоящем. Она и характерна именно своим “запросом” к времени... “Запрос” русской революции к истории... – идея социализма и коммунизма. Ее вызов Сатурну – опыт коммунистического интернационала через пролетарское государство. Отсюда ее “экстремизм”, типичный для всякой великой революции. Но отсюда же и неизбежность ее “неудачи” в сфере нынешнего дня... Запоздала всемирная революция, а в одной лишь стране, вне остальных коммунизм немислим...»⁴⁶.

Поэтому в условиях краха надежд на немедленную революцию в Европе, Советской власти остается, по Устрялову, только одно: «Россия должна приспособиваться к мировому капитализму, ибо она не смогла его победить... факел почти догорел, а мир не загорелся... И вот пролетарская власть, осознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма... вступает в компромисс с жизнью... “мир с мировой буржуазией”, “концессии иностранным капиталистам”, отказ от позиций немедленного коммунизма внутри страны – вот нынешние лозунги Ленина. Невольно напрашивается лапидарное обозначение этих лозунгов – имеем в них экономический Брест большевизма...»⁴⁷.

Под «термидором» Устрялов отнюдь не подразумевал контрреволюционный переворот или «передвижку власти», на которую надеялся П. Н. Милюков. Возражая кадетскому лидеру, бывший коллега по партии утверждает: «...Судя по всему, в теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но... он и несущественен “сам по себе” для развития революции – путь термидора не в нем. Конечно, он и не в белых фронтах и окраинных движениях... Страна не с ними. Они вне революции... Путь термидора – в пере-

рождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов... приспособлении лидеров движения к новой его фазе... Ныне есть признаки кризиса революционной истории. Начинается "спуск на тормозах" от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей..."⁴⁸.

Такова была, в общих чертах, схема Устрялова. Следовало бы отметить, что она гораздо ближе стояла к реальности, чем упования на мелкобуржуазную стихию или ставка на интервенцию, которой придерживался П. Б. Струве, ставший ведущим идеологом «непримиримой» эмиграции: «Сейчас твердят об эволюции Советской власти. Идея эта... присуща и "национал-большевизму"... Эволюция коммунистической власти есть историческая бессмыслица... Эволюцией своей экономической политики большевистская власть создает только предпосылки ... своего собственного низвержения..."⁴⁹.

Жизненность наблюдений Устрялова гораздо более точно оценила сама советская власть и прежде всего В. И. Ленин. В письме, направленном через В. М. Молотова Пленуму ЦК РКП(б) 23 марта 1922 г. с планом политического доклада на предстоящем съезде, он отмечает: «Приостановка отступления (экономического) и задача перегруппировки сил. Предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что *нэл* – не "тактика", а "эволюция" большевизма»⁵⁰.

Выступая на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г., Ленин развернул эту мысль очень подробно: «...Я хотел... коснуться вопроса о том, что такое новая экономическая политика большевиков – эволюция или тактика? Так поставили вопрос сменовеховцы, которые... представляют течение, привившееся в эмигрантской России... люди, пришедшие к убеждению, что Советская власть строит русское государство и надо поэтому идти за ней... Большевики могут говорить, что им нравится, а на самом деле это не тактика, а эволюция, внутреннее перерождение, они придут к обычному буржуазному государству, и мы должны их поддерживать. История идет разными путями», – рассуждают сменовеховцы.

«Некоторые из них прикидываются коммунистами, но есть люди более прямые, в том числе Устрялов... Он не соглашается со своими товарищами и говорит: "Вы там насчет коммунизма как хотите, а я утверждаю, это у них не тактика, а эволюция". Я думаю, что этот Устрялов этим своим прямым заявлением приносит нам большую пользу. Нам очень много приходится слышать ...сладенького коммунистического вранья... И вот, вместо этого "комвранья" мы видим уже... просто классовую правду классового

врага. Такую вещь очень полезно посмотреть... “Я за поддержку Советской власти в России... потому что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти”... Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны, надо сказать прямо. История знает превращения всяких сортов... Враг стремится к тому, чтобы это стало неизбежным...»⁵¹. Из ленинских подготовительных материалов к политическому докладу видно, какое значение он придавал устряловскому выступлению, во всех четырех набросках доклада подчеркнута мысль о превосходстве классовой правды над «комвраньем»⁵².

В этом ленинском выступлении важны три основные положения: Во-первых, сменовеховство – не искусственное построение эмигрантских теоретиков, а явление, имеющее достаточно широкую социальную базу, прежде всего внутри страны. Во-вторых, «сползание к капитализму» – это альтернативная возможность развития страны, а не просто выдумка «буржуев» и пролетарское государство должно приложить все силы, чтобы избежать этого сползания. И, в-третьих, публицистические выступления Устрялова полезны Советской власти, они помогают ей взглянуть на себя как бы со стороны. В связи с этим хотелось бы напомнить, что Ленин был инициатором издания в Советской России эмигрантских рассказов А. Аверченко, направленных против Советской власти и даже написал рецензию на них.

Пик сменовеховского движения пришелся на первую половину 20-х гг., когда наряду с их сборниками выходила в Берлине газета «Накануне», а в Советской России Исая Лежнев издавал журнал «Россия», в котором сотрудничали такие видные писатели, как М. Шагинян, М. Булгаков, народоволец и ученый В. Г. Тан-Богораз и др. Лежнев впоследствии вспоминал о целях и задачах журнала: «...Субъективно все мы, основное ядро журнала, были горячими сторонниками сотрудничества с Советской властью, искренне симпатизировали революции и компартии, хозяйственно-культурное возрождение страны было нашей мечтой»⁵³. К сожалению, стремление приспособиться к резко посуровевшей политической обстановке середины 30-х гг. заставило Лежнева снять в опубликованных воспоминаниях следующий абзац: «Казалось, сотрудничество будет наиболее полным, если мы... не за страх и зарплату, а за совесть понесем свои знания и культуру, опыт и энергию в... Советы и профсоюзы. А тут же рядом было желание найти свое самостоятельное политическое лицо и сохранить его...»⁵⁴.

Н. В. Устрялов охотно бы подписался под этим утверждением своего тогдашнего единомышленника, опубликовавшего в своем

журнале устряловскую статью «Обмирщение», превратившегося, некоторое время спустя, в наиболее ожесточенного гонителя «устряловщины».

Именно стремлением сохранить свое самостоятельное политическое лицо отличался вышедший в 1925 г. сборник «Под знаком Революции» и особенно опубликованный после месячного пребывания автора в СССР очерк «Россия (у окна вагона)», где он с грустью пишет о своих товарищах по «Смене веж»: «Пражский сборник всерьез всколыхнул эмиграцию, довольно шумно отозвался в России. С ним считались, он имел успех. Он обретал уже широкий базис. Но руководящая группа так поспешно и несолидно “соскользнула влево”, так безвозвратно утратила самостоятельный облик, что скоро дотла растеряла всякое влияние в интеллигентских кругах и всякое внимание со стороны самой Советской власти. “Лидеры” не оказались на уровне “возможностей”... сменовеховцы, превратись в наканунцев, стали коммуноидами: этот термин я слышал... и от спецов, и от коммунистов. И те, и другие произносили его с несколько презрительной иронией. Конечно, этим я отнюдь не хочу сказать, что отдельные представители западного сменовехизма персонально утратили право на уважение. Совсем нет. Я говорю о движении в его целом»⁵⁵.

Любопытно, что подобная оценка во многом совпадала с впечатлениями о сменовеховцах молодой творческой интеллигенции⁵⁶, а некоторые книги возвратившихся в СССР деятелей движения поражают какой-то суетливой готовностью полностью «перекovarься», забрасывая, даже без особой нужды, грязью не только свое прошлое, но и всю историю России до революции⁵⁷.

В этом плане необычайно интересны отдельные фрагменты из появившихся только в 2001 г. дневников и писем М. А. и Е. С. Булгаковых. Под 27.06.23 Булгаков записывает: «Только что вернулся с лекции сменовеховцев: проф. Ключникова, Ал. Толстого, Бобрищева-Пушкина и Василевского-Не-Буква. В театре Зимина было полным-полно. На сцене масса народу, журналисты...и прочие...»⁵⁸. 26 октября необычайно резкая запись: «Мои предчувствия относительно людей никогда меня не обманывают... Компания исключительной сволочи группируется вокруг “Накануне”. Могу себя поздравить, что я в их среде. О, мне очень туго придется впоследствии, когда нужно будет соскребать накопившуюся грязь со своего имени...»⁵⁹. Отношения со сменовеховскими «возвращенцами» у Михаила Афанасьевича особенно осложняются, когда Любовь Евгеньевна Белозерская – бывшая жена Василевского (Не-Буквы) становится его женой. Под 24-м декабря следующая запись о Василевском и

его соратниках: «...Василевский страшно ослабел. Человек, который имел чутье, начал терять его в СССР. Это конечно будет гибельно... Он привез и показывал две из тех книжек, которые выпускало его издательство. В серии “Вожди и деятели революции” – ... Бобрищев-Пушкин (“Володарский”). Трудно не сойти с ума... Старый убежденный погромщик, антисемит пишет хвалебную книжку о Володарском (Моисей Гольдштейн. – *О. В.*), называя его защитником свободы печати... Старая проститутка ходит по Тверской все время в предчувствии облавы. Этот ходит плохо... какие не сложились бы... комбинации Бобрищев погибнет...»⁶⁰. Здесь же записывается и юмористическая но очень правдоподобная реплика об А. Толстом: «...Алексей Толстой говорил: – Я теперь не Ал. Толстой, а рабкор-самородок Потап Дерьмов...»⁶¹. В заключение можно отметить, что и «красного графа» с Булгаковым позже связали непростые отношения – дочь Толстого Марианна стала женой Сергея Шиловского – бывшего мужа Елены Сергеевны. Возвращаясь же к герою нашего очерка – именно с таким отношением интеллигенции к пражским сменовеховцам и столкнулся Устрялов во время пребывания в Москве годом позже.

Расхождение Николая Васильевича со своими бывшими соратниками (некоторые из них, например, Ю. В. Ключников, были его друзьями) состояло не в том, что он продолжал уповать на «перерождение» Советской власти (взгляды Устрялова к середине 20-х гг. решительно изменились), а в отходе сменовеховцев-европейцев от уникальной, по его мнению, возможности: будучи «попутчиками» Советской власти, продолжать анализ ее развития как бы «со стороны», не исключая и острой критики. В это время и в Харбине существовала сменовеховская группа, на эти позиции встали бывший колчаковский министр продовольствия Г. Зефиров, крупный экономический специалист КВЖД Г. Н. Дикий, профессора М. Я. Пергамент и Е. Е. Яшнов, близких к группе взглядов придерживался В. А. Рязановский – крупнейший знаток китайского и монгольского права, коллега Устрялова по преподаванию на Харбинском юридическом факультете⁶². Под редакцией Устрялова здесь некоторое время так же выходил сменовеховский альманах «Русская жизнь». Все вышеназванные лица разделяли позицию Устрялова и поэтому их иногда, без анализа их политических взглядов, а следовательно и достаточных оснований, называют «правыми сменовеховцами». Их деятельностью интересовались видные деятели РКП(б) и Коминтерна на Дальнем Востоке Юлиан Мархлевский и Владимир Виленский-Сибиряков. В устряловском

архиве сохранились их записки о беседах с Устряловым и его товарищами по «Новостям жизни».

В статье «Россия» Николай Васильевич по этому поводу замечает: «Сами каноны (революционной теории. – О. В.) для своего вящего торжества жаждут критики: не отсюда ли и периодические диспуты советских златоустов с опытно-показательными “идеалистами”, священниками, буржуями...?»⁶³. Но он проводит резкую грань между конструктивной критикой сменовеховства и «внутренней эмиграцией». Вот как вспоминает он об И. А. Ильине, вместе с другими представителями интеллигенции высланном из страны и ставшим за рубежом одним из ведущих идеологов «белого дела»: «Не без юмора вспоминают об И. А. Ильине, до самой своей высылки не покидавшего позы обличителя и пророка: – Нельзя же вечно обличать... Под конец он стал всем несносен, несмотря на свои таланты и достоинства. Все от него устали... и... облегченно вздохнули... распрощавшись с ним на вокзале: после его отъезда куда легче и проще стало...»⁶⁴. А далее автор с полной определенностью дает свою оценку «внутренней эмиграции»: «...Догмат “непримиримости” в русских условиях стал фальшивым и бессмысленным уже в 1921 г. Его можно было спасти лишь своеобразным моральным гипнозом, психическим насилием. И он просто перекочевал за границу, где нетрудно разгуливать на пустейших обличительных ходулях и хранить белоснежные ризы андерсеновского короля...»⁶⁵.

В чем же состояла суть позиции Устрялова и его единомышленников в середине 20-х гг., когда вышли «Обмирщение», «Под знаком революции», а несколько позже статья «Кризис ВКП(б)» и сборник «На новом этапе»? Суть эта очень проста и заключается во всемерной поддержке новой экономической политики. В статьях середины 20-х гг. нет и намек на ожидающееся перерождение власти, зато есть открытая полемика со своими социологическими выкладками 1920–1921 гг.: «Революция очень существенна, очень радикальна и по объему, и по содержанию. Сказать, что она по-своему воссоздает российскую державу, – не значит ли это сказать слишком мало? Что означает – по-своему? В этом теперь главный вопрос... Перемена все-таки очень глубока, – более глубока, чем казалось вначале, чем ...это кажется издали...»⁶⁶. Непосредственное соприкосновение с советской действительностью оказалось для Устрялова тем мощным толчком, который и подвинул его на радикальный пересмотр позиции. Если в начале 20-х гг. он рассматривал большевизм, как неизбежное зло, которое Россия должна эволюционно избыть, то теперь он убежден, что только большевизм может быть двигателем дальнейшего хозяйственного, политиче-

ского и культурного роста страны. Нэп для автора ныне не путь к «термидору», а хозяйственный реализм: «...В 21-м году страну и революцию спас нэп, породивший весь последующий этап государственного воссоздания...»⁶⁷. На основе нэпа и сопутствовавшего ему массового перехода старой интеллигенции на путь сотрудничества с Советской властью и устанавливается общность позиций сменевеховцев с Советской властью. Вспоминая начало нэпа, Николай Владимирович пишет: «...Крестьянство приходило в себя... индивидуальные стимулы его хозяйства в значительной степени восстанавливались, появлялась действительная “смычка” города и деревни...»⁶⁸.

В этой оценке он полностью солидаризовался с руководителями партии и Советского государства, которые в 1925–1926 гг., неоднократно заявляли: «...Главный способ преодоления всех трудностей – сохранение нерушимости союза пролетариата с основными массами крестьянства...»⁶⁹.

Однако внимательное наблюдение за экономическими процессами в СССР приводили Устрялова и к таким выводам: «В 1923–1927 гг. исследователи констатируют заметное усиление дифференциации, социального расслоения деревни и неуклонно растущую роль ее зажиточных элементов, отмечается неудержимая передвижка земли от мельчайших и мелких групп к средним и выше...»⁷⁰. Положительно оценивая хозяйственные сдвиги, Николай Васильевич был далек от абсолютизации результатов нэпа: «Нэп жил и работал. Но он имел свою историческую логику, по мере своего укрепления он хотел и должен был расширяться... Напротив, планы власти естественно клонились к все более твердой стабилизации... даже к сужению объема нэпа...»⁷¹. Для такого вывода были основания. Прежде всего, к этому вынуждало положение в партии. Г. Е. Зиновьев, в начале 1925 г. определенно и недвусмысленно заявлявший: «Отменять нэп мы не собираемся. Уничтожать свободу торговли мы не будем...»⁷², возглавил «новую оппозицию» в блоке с ультралевым противником нэпа Л. Д. Троцким, разрушив сложившийся, по определению Устрялова, «блок правых тактиков и правых стратегов»⁷³.

В борьбе идейных течений внутри партии устряловские выкладки были удобной мишенью для обеих сторон. Троцкий объявил Н. И. Бухарина, главного идеолога борьбы с «новой оппозицией», «полуустряловцем», в свою очередь Бухарин в вышедшей в 1927 г. книге «Цезаризм под маской революции» сопоставил социологические концепции Устрялова начала 20-х гг. с выводами троцкистов и лидеров «новой оппозиции» о невозможности победы со-

циализма в одной стране и провозгласил их классовое родство. Так местный харбинский термин «устряловщина», применяемый эмиграцией, неожиданно получил всесоюзное распространение. Он стал неким политическим жупелом в ожесточенной идейно-политической борьбе 1926–1927 гг., как бы отделившись от автора и получив самодовлеющее значение. Н. И. Бухарин в своей книге, кстати, не всегда справедливо, отмечал: «Сами писания бывшего колчаковского министра (Н. В. Устрялов министром не был. – О. В.) далеко не высокие по своему теоретическому уровню... нас не очень и интересуют, нас волнует то, как они влияют на некоторую часть нашей партийной интеллигенции...»⁷⁴.

Н. И. Бухарин и А. Н. Зайцев в книге «Об Устрялове, “неонэпе” и жертвах устряловщины», абсолютизируя высказывания Николая Васильевича о необходимости нового хозяйственного импульса в экономике (т. е. не свертывания, а продолжения нэпа, именно это автор и называл «неонэпом»), объявили его идеологом «новой буржуазии», вызвав с его стороны резкую отповедь: «...Какая унылая схематичность! Какое удручающее непонимание самой сущности государственно-патриотической точки зрения... Что нам капиталистическая Гекуба... и что мы ей?»⁷⁵.

Кризисные явления в руководстве партии отнюдь не радовали Устрялова: «Нам слишком дорого обошелся распад одной власти, чтобы следовало добиваться крушения другой... Мы чужды и намека на какое-либо злорадство по поводу трудностей, переживаемых партией... Ибо кризис партии может привести к великому краху национальной России, к захвату ее инонациональными силами, к потере Россией всякого лица, самобытности, самостоятельности...»⁷⁶.

И в дальнейшем, несмотря на острую полемику с Н. И. Бухариным, на явно проявлявшуюся лично к нему антипатию: «...вчерашний всеобщий любимец Бухарин... развенчивается, как опасный ересиарх, крепко засевший в плену мелкобуржуазной стихии... Печальный финал революционной карьеры...»⁷⁷, по своим политическим позициям Устрялов несомненно очень близок к тому идейному течению, которое в советской историографии еще недавно именовалось «правым уклоном» и наличие которого ныне подвергается серьезным и обоснованным сомнениям.

В оценке процессов, происходивших в деревне в 1928–1929 гг., Н. И. Бухарин и Н. В. Устрялов поразительно единодушны. Бухарин: «...На чем надо строить дело индустриализации страны, где источники тех добавочных сумм, которые мы должны в возрастающей мере тратить на дело индустриализации страны... Эти источники

разные... в том числе они могут заключаться в переобложении крестьянства. Но все это не здоровая база индустриализации. Все это не солидно, не прочно; все это может угрожать разрывом с крестьянством...»⁷⁸. Устрялов: «...чрезвычайные меры смешали процессы, наметившиеся в деревне... Вновь усилилось мельчание, распыление крестьянских участков, угрожая резким падением сельскохозяйственной продукции... и без того товарность нашего сельского хозяйства разительно пала (вместо 20 млн т – 8 млн т в 1927–1928); недаром хлебный экспорт исчез из нашего торгового баланса... болезнь загонялась внутрь. И точно... появились признаки новой деградации сельского хозяйства... в городах воскресли продовольственные карточки...»⁷⁹. Следовательно, в негативной оценке мер внеэкономического принуждения крестьянства, а именно с этого и начался срыв нэпа, оба идейных противника занимают даже не сходную, а общую точку зрения.

Практически едины они и в оценке кооперативного плана. Бухарин: «...Для того чтобы кооперация привела к социализму, нужна цивилизованная кооперация... для осуществления кооперативного плана нужна культурная революция...»⁸⁰. Устрялов: «... Хозяйственные плюсы коллективизации теоретически бесспорны: она позволит районировать сельское хозяйство на основе специализации, создать мощные аграрно-промышленные комбинаты, применять усложненное разделение труда, осуществлять целесообразнейшее размещение производительных факторов, – словом, в небывалых размерах интенсифицировать все наше сельское хозяйство»⁸¹. Его анализ полностью совпал с высказанным несколько позже мнением такого искушенного и осведомленного политика, как первый посол США в Советском Союзе Уильям Буллит. В своем письме к Государственному секретарю, перехваченному советской разведкой и сохранившемуся в личном архиве Сталина, он утверждает: «...можно сказать, что голод среди населения... является уже делом прошлого... тот факт, что плановое хозяйство Советов и плановое распределение некоторым образом застраховали крестьянское население от голода, является достижением, которого никак нельзя недооценивать...»⁸². Однако, нужно отметить, что Устрялов делал эти выводы в 1930 г. до страшного голода на Украине, а Буллит в конце 1934-го **после** голода. (Недаром Сталин даже подчеркнул эти строки). Русскому социологу с далекой окраины было видней, чем сидящему в Москве влиятельному государственному деятелю, недаром, в отношении конкретного воплощения коллективизации в конце 20-х гг. его мнение весьма скептически: «...Кое-кто спешит провозгласить нашу сельско-хозяйственную площадь “сплошным со-

циалистическим плато". В общем порыве сразу не разобрать, где кончается действительность и начинается мечта...»⁸³. Судя по сборнику «На новом этапе», позиция Устрялова очень близка к позиции профессоров А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, А. Н. Челинцева, которые, по мнению сторонников сталинских методов коллективизации, выступили «...с отказом от старо-народнических взглядов защиты индивидуального крестьянского хозяйства и с признанием, хотя и половинчатым, но далеко не достаточным правильности социалистических путей строительства в земледелии...»⁸⁴.

Не случайно сборник «На новом этапе» заключается следующим тревожным предостережением: «...вдумываясь в происходящее, неизменно констатируешь своеобразное пересечение в сознании двух разнокачественных идейных комплексов: философско-исторической патетики и реально-политической тревоги...»⁸⁵.

Сказать более определенно советский служащий, начальник учебного отдела КВЖД, советский гражданин с 1925 г. Н. В. Устрялов уже не мог. Судьба Чайнова и Кондратьева, массовые ссылки начала 30-х гг., резко обострившаяся обстановка на КВЖД несомненно повлияли на его публицистику. Период сменовеховства для последнего и самого последовательного из сменовеховцев кончился.

С 1929 по 1935 г. исполняя обязанности директора Центральной библиотеки КВЖД и продолжая преподавательскую деятельность на Харбинском юридическом факультете, он выпускает свой последний сборник публицистики «Наше время», основу которого составили блестящие антифашистские статьи «Итальянский фашизм» и «Германский национал-социализм», а также историко-философские эссе. Однако анализ данных работ выходит за рамки темы очерка.

В эмиграции ходила легенда, о том, что вызванный в Москву Устрялов был убит чекистами прямо в поезде⁸⁶. Но это не так, возвратясь вместе с советским персоналом КВЖД в СССР в 1935 г. и работая в Московском институте инженеров транспорта, Николай Васильевич много писал, но очень мало публиковал. Ему оставалось жить немногим более двух лет. Арестованный в июне 1937 г. и приговоренный Военной коллегией Верховного Суда СССР по четырем пунктам ст. 58 «к расстрелу с конфискацией имущества», Устрялов погиб 14 сентября, прожив всего 48 лет⁸⁷. Его своеобразным завещанием стала опубликованная за два месяца до ареста статья в «Известиях», посвященная 125-летней годовщине со дня рождения А. И. Герцена. Говоря о великом революционере-демократе, автор совершенно не похож на себя. Ни схем, ни социологии, лишь раздумья о труде публициста: «Публицистика сложное и нелегкое ремес-

ло: в нем наука переплетается с искусством. Публицистика широкого полета требует и зоркого ума, и литературного вкуса, и работы над формой и немалых знаний – исторических, экономических, философских – и живого непрерывного интереса к злобам текущих дней. Публицист обязан неотступно следить, можно сказать, и за часовой, и за минутной, и за секундной стрелками истории...»⁸⁸. Устрялов явно примеряет на себя знаменитую герценовскую цитату: «Начавший с крика радости при переезде через границу, я кончил своим возвращением на Родину. Вера в Россию спасла меня накануне нравственной гибели... Вера в будущее России одна пережила все другие...»⁸⁹. Последние слова статьи звучат как надгробное слово не одному Герцену, а тем честным русским интеллигентам, трудно и непрямо, но все же пришедшим не только к Родине, но и к революции, осознавшим, что эти слова неразделимы и, увы, заплатившими жизнями, за горькое понимание этого. К голосу Устрялова как бы присоединяются Александр Куприн, Марина Цветаева, Дмитрий Святополк-Мирский и многие другие. «...В наши дни... его (Герцена. – *О. В.*) большое слово о человеке... звучит с новой силой, в новом и высшем плане... звучит как напоминание... заповедь, как призыв. Призыв к обществу – ценить и воспитывать личность, заботиться о человеке – и призыв к личности – искать и найти себя...»⁹⁰.

Николай Васильевич Устрялов искал понимания. Сейчас, это так необходимо для нас.

P. S. В начале 80-х великий русский историк Михаил Яковлевич Гефтер, узнав о моем интересе к дальневосточной эмиграции, посоветовал: «а вы займитесь Устряловым, глубочайший ум, недооцененный современниками...», а потом неуверенно добавил: «может быть осталась семья...». Кому как не Гефтеру, дружившему с сыном Бухарина и многими другими, прошедшими через тюрьмы и лагеря, было знать о судьбах семей погибших. Но известная писательница и фельетонистка Наталья Ильина, с которой мы обменялись письмами, помнившая по Харбину обоих сыновей Устрялова, безапелляционно заявила: «Убил их Сталин, никого вы не найдете...». Я поверил Ильиной, а не Гефтеру, искать семью не стал, а онто и оказался прав. В не раз уже цитируемом эссе «Кальдера Россия» философ Сергей Чернышов приводит документы Главной военной прокуратуры от августа 1988 (!) г., в частности ответ на заявление гражданки Устряловой Е. И. Значит еще 15 лет назад его родственники были живы. Более того, в отличие от 56-го года, когда в ходатайстве о реабилитации им было отказано, ГВП возбуди-

ла «производство по вновь открывшимся обстоятельствам», закончившееся реабилитацией. Но если невестка была жива, значит ли что сыновья тоже уцелели, ведь кроме лагерей была еще война... Недаром Гефтер сомневался.

Эссе Чернышева заканчивается так: «В день, когда эта работа была закончена умер Михаил Яковлевич Гефтер».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Устрялов Н. В. *Patriotica* // Смена вех. Прага, 1921. С. 61.
- ² Сменовеховцы и Россия. К 110-летию со дня рождения Николая Устрялова (публикация и предисловие Олега Воробьева) // Независим. газ. 2000. 1 дек.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 59
- ⁴ М. и Е. Булгаковы «Дневник Мастера и Маргариты» (Литературные мемуары). М. : Вагриус, 2001. С. 554.
- ⁵ Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, С. 38.
- ⁶ Русское дело. 1919. 5 окт.
- ⁷ Устрялов Н. В. После Версаля // Русское дело. 1919. № 7. 12 окт.
- ⁸ Там же. 1919. № 3, 8 окт.
- ⁹ Там же. 1919. № 14. 23 окт.
- ¹⁰ Устрялов Н. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 1.
- ¹¹ Русское дело. 1919. 5 окт.
- ¹² Там же.
- ¹³ Канищева Н. «Павел Дмитриевич Долгоруков...» // Правое дело № 24–25(94–95), 20–26.06.03. С. 12–13.
- ¹⁴ Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Альманах «Русское прошлое», СПб., 1991. № 2. С. 238.
- ¹⁵ Там же. С. 240.
- ¹⁶ Там же. С. 245–246.
- ¹⁷ Там же. С. 256.
- ¹⁸ Устрялов Н. Россия (у окна вагона). Харбин, 1926. С. 37–39.
- ¹⁹ Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 1. В революции, 1917–1919. Тяньцзинь, 1937. С. 271–272.
- ²⁰ Цит. по: «Русское зарубежье». Золотая книга эмиграции : энцикл. биогр. слов. М. : РОССПЭН, 1997. С. 643.
- ²¹ Шульгин В. В. Белые мысли // Русская мысль. София, 1921. Кн. 1. С. 43.
- ²² Устрялов Н. В. Перелом // Вестн. Маньчжурии. 1920. 1 февр.
- ²⁸ Устрялов Н. Старый спор // В борьбе за Россию. С. 26.
- ²⁹ Устрялов Н. Япония и мы // Там же. С. 41.
- ³⁰ Иванов В. Полк господина Устрялова // Свет. 1920. 5 сент.
- ³¹ Там же.
- ³² Сменовеховцы и Россия... // Независим. газ. 2000. 1 дек. С. 10.
- ³³ Свет. 1920. 31 июля.
- ³⁴ Устрялов Н. Перспективы // Новости жизни. 1920. 18 марта.
- ³⁵ Сменовеховцы и Россия... С. 9.
- ³⁶ Там же. С. 10.
- ³⁷ Устрялов Н. Перелом // Вестн. Маньчжурии. 1920. 1 февр.
- ³⁸ Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль, София, 1921. Кн. 1–2. С. 221.
- ³⁹ Там же. С. 219.

- ⁴⁰ Флоровский Г. В. В мире исканий и заблуждений // Русская мысль. Прага, 1922. Кн. 4. С. 142–143.
- ⁴¹ Устрялов Н. Зеленый шум // В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 67.
- ⁴² Там же. С. 69–70.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Устрялов Н. *Patriotica* // Смена вех. Прага, 1921. С. 65.
- ⁴⁵ Там же. С. 62.
- ⁴⁶ Там же. С. 63.
- ⁴⁷ Устрялов Н. Ответ налево (о лояльном сотрудничестве и новой России) // Новости жизни. Харбин, 1923. 7 окт.
- ⁴⁸ Устрялов Н. Путь термидора // Там же. С. 69–71.
- ⁴⁹ Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности // Русская мысль. София, 1921. Кн. 5–8. С. 221–222.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 60.
- ⁵¹ Там же. С. 93–94.
- ⁵² См.: Там же. С. 409, 410, 413.
- ⁵³ Лежнев И. Записки современника // Нов. мир. 1934. № 4. С. 67.
- ⁵⁴ Лежнев И. Записки современника (машинописный автограф) // ЦГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 245.
- ⁵⁵ Устрялов Н. Россия (у окна вагона). С. 32–33.
- ⁵⁶ См.: Мендлин Э. Невидимые собеседники. М., 1976. С. 85. (Автор этих мемуаров был секретарем московской редакции «Накануне» и близко знал многих видных сменовеховцев. – *О. В.*).
- ⁵⁷ Как пример можно привести книгу И. М. Василевского (Не-Буквы) «Романовы», а также уже цитированные воспоминания И. Лежнева «Записки современника» (Новый мир. 1934. № 1, 4).
- ⁵⁸ Здесь следует отметить ошибку всех справочных изданий (БСЭ (3-е изд.), СИЭ, Сибирская энциклопедия и др.), которые говорят об Устрялове, как о профессоре Харбинского университета. Такого не существовало, а с 1919 по 1936(?) в Харбине, как и в Праге, работал юридический факультет, как самостоятельное учебное заведение.
- ⁵⁹ Устрялов Н. Россия (у окна вагона). С. 38.
- ⁶⁰ Там же. С. 44.
- ⁶¹ Там же. С. 45.
- ⁶² Там же. С. 47.
- ⁶³ Устрялов Н. Кризис ВКП(б) // Под знаком революции. Харбин, 1926. 2-е изд. С. 11.
- ⁶⁴ Он же. На новом этапе. Шанхай, 1930. С. 23.
- ⁶⁵ Каменев Л. Б. 8-я годовщина Октября. М., 1925. С. 12.
- ⁶⁶ Устрялов Н. На новом этапе. С. 29.
- ⁶⁷ Там же. С. 31.
- ⁶⁸ Зиновьев Г. Е. Как большевики строят государство рабочих и крестьян. М., 1926. С. 8.
- ⁶⁹ Устрялов Н. На новом этапе. С. 31.
- ⁷⁰ Бухарин Н. И. Цезаризм под маской революции. М., 1927. С. 4.
- ⁷¹ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. 2-е изд. С. 88.
- ⁷² Там же. С. 62.
- ⁷³ Устрялов Н. На новом этапе. С. 11.
- ⁷⁴ Бухарин Н. И. Политическое завещание В. И. Ленина (Речь на торжественном заседании, посвященном 5-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина) // Известия. 1929. 23 янв.
- ⁷⁵ Устрялов Н. В. На новом этапе. Шанхай, 1930. 2-е изд. С. 10.

- ⁷⁶ Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина...
- ⁷⁷ Устрялов Н. На новом этапе. С. 12.
- ⁷⁸ Письмо У. Буллита в Вашингтон об экономическом положении Советского Союза... // Лубянка: Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД январь 1922 – декабрь 1933 (Документы). М.: Изд-во Междунар. фонда «Демократия»: Йельск. ун-т США, 2003. С. 575.
- ⁷⁹ Устрялов Н. На новом этапе. С. 14.
- ⁸⁰ Молотов В. М. Речь на Московской городской партийной конференции // Известия. 1929. 14 сент.
- ⁸¹ Устрялов Н. На новом этапе. С. 43.
- ⁸² См.: Роман Гуль. Моя биография // Новый журнал. Нью-Йорк, 1986. № 164. С. 28.
- ⁸³ Возможно именно «дело Устрялова» инициировало и страшный «Оперативный приказ Наркома внутренних дел» Н. И. Ежова, утвержденный Политбюро 19 сентября 1937 г., по которому с 1 октября по 25 декабря было уничтожено и отправлено в лагеря 25 тысяч (!), так называемых харбинцев (т. е. бывших работников КВЖД, вернувшихся в СССР). См.: Мемориал-аспект. 1993. № 1 (3).
- ⁸⁴ Устрялов Н. Революционер-демократ // Известия. 1937. 6 апр.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Свет. 1920. № 389. 11 авг.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Устрялов Н. Интервенция // В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 7.
- ⁸⁹ «Свет». 1920. 11 авг.
- ⁹⁰ Устрялов Н. Союзники и мы // В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 17.

ЗА ЧУЖИЕ ЦЕЛИ: русские в гражданской войне в Китае (20-е гг. прошлого века)

История русской белой эмиграции в Китае, заметно влиявшей на внутрисполитическую жизнь этой страны в 20-х гг. прошлого века, еще недостаточно изучена. Эмигранты, осевшие в основной массе в полосе отчуждения КВЖД и, в меньшей степени, в Центральном и Западном Китае¹, в первой половине 20-х гг. играли активную и относительно независимую роль, оказывая влияние не только на перипетии гражданской войны внутри страны, но и на внешнюю политику Китая.

«Харбинские белогвардейцы – свидетельствует современник – уделяли достаточно внимания и... международной политике. Они планомерно вели компанию за срыв русско-японских и русско-китайских переговоров... они даже не прочь были вмешаться во внутренние дела Китая, особенно в гражданскую войну»².

Такая активная, особенно по сравнению с европейской ее частью, роль эмиграции объяснялась следующими причинами:

- прежде всего, политической слабостью самого Китая, при фактическом отсутствии центральной власти и в обстановке непрерывной гражданской войны;

- наличием за каждой борющейся группировкой мощных сил поддержки в лице финансовых групп и правительств крупнейших стран, что позволяло эмигрантским организациям относительно свободно лавировать между этими силами;

- Сосредоточением в руках верхушки белой эмиграции огромных ресурсов КВЖД (до 1924 г.) и русских капиталов полосы отчуждения, в свою очередь поддерживавших тесные связи с зарубежными отделениями Русско-Азиатского банка и крупными французскими финансистами;

- Господство же белоэмигрантских организаций на КВЖД было фактически узаконено решениями Вашингтонской конференции 1922 г.³

После подписания в 1924 г. советско-китайского соглашения о КВЖД дальневосточная эмиграция частично утратила экономическую независимость, но ее руководителям удалось сохранить контроль над значительными и достаточно боеспособными людскими резервами. Это привлекало к ним особое внимание враждующих китайских милитаристов, в результате чего в войсках различных дущюней (военных губернаторов провинций. – *О. В.*) появились русские наемные отряды. Их организаторами были наиболее влиятельные и активные деятели эмиграции, такие как атаман Георгий Семенов, бывший министр Приморского правительства Николай Меркулов, атаман Борис Анненков и др. Основной контингент этих отрядов составляли бывшие офицеры различных формирований периода гражданской войны в Сибири, а также бывшие служащие охранной стражи КВЖД. Большую часть казаков, солдат и даже офицеров привело в наемные отряды отчаянное материальное положение, меньшую часть составляли, по определению очевидца: «Бандиты по призванию и убеждению»⁴, т. е. профессиональные кондотьеры, продававшие свое оружие тому, кто больше платит. Однако некоторых руководителей наемных формирований видимо привлекли и обещания Чжан Цзолина после разгрома красных в Китае перевести борьбу на территорию России.

По-видимому, первым наемным формированием белых в Китае были остатки отрядов атамана А. И. Дутова. Находясь на службе властей Синцзяна еще с 1921 г., они приняли участие в подавлении восстания мусульманского населения Илийского края⁵. После убийства Дутова агентами ВЧК, его отряды перешли под командование полковника А. С. Бакича и очень скоро были разгромлены частями Красной Армии перешедшей границу по просьбе местных властей, напуганных бесчинствами белогвардейской вольницы⁶.

В середине 20-х гг. безуспешную попытку создать самостоятельные казачьи части в Китае предпринял Б. В. Анненков: сам же атаман был вывезен в Россию и здесь по приговору Верховного суда расстрелян⁷.

Наиболее крупное военное формирование удалось создать генерал-лейтенанту Константину Петровичу Нечаеву, благодаря контактам с милитаристами Маньчжурии. В китайских источниках его чаще именуют «Русской Шаньдунской группой». Нечаев имел большой опыт не только гражданской, но и Первой мировой войны, к 1917 г. он командовал 5-м драгунским полком, затем проделал всю восточную компанию от Казани до Забайкалья, где командовал отборной так называемой Первой сводной Маньчжурской конной дивизией, полностью ушедшей в эмиграцию. Он проявил себя спо-

собным военным организатором и в Китае. Его отряд насчитывал около 4 тысяч штыков, имел артиллерию, бронепоезда и конницу. 104-й и 105-й полки целиком состояли из русских, правда их численность была невелика, не более 500 штыков в каждом, два кавалерийских полка (примерно 600 сабель), дивизион из шести бронепоездов, инженерные роты и даже эскадрилья самолетов. Еще три полка включали по одной русской роте. Судя по мемуарным источникам и сообщениям харбинской прессы, нечаевцы считались самой боеспособной частью в войсках так называемой фэнтяньской группировки, один из ее видных представителей маршал Чжан Цзунчан – командующий Восточным районом, а затем и Южным фронтом базировался со своим штабом на станции Пограничная (одним из наиболее доверенных его советников был полковник Генерального штаба, а затем генерал-майор Г. И. Клерже). Вот как о нем вспоминают участники событий: «Почему части из русских оказались именно у Чжан Цзунчана, объясняется тем, что этот генерал в прошлом, во время Русско-японской войны, вместе с многими другими хунхузскими старшинами, обслуживал нашу разведку, и за это, кроме денег, ему был дан чин штабс-капитана. Фотография Чжан Цзунчана в форме русского офицера среди подчиненных ему хунхузов висела на почетном месте в его кабинете. Он был чрезвычайно умен, довольно хорошо говорил по-русски»⁸. Даже конвой маршала состоял из 120 русских казаков под командованием 5 офицеров, (командир бывший анненковец полковник П. Д. Иларьев).

Советские военные специалисты, работавшие в Китае, так оценивали наемников: «... Бригада генерала Нечаева была набрана из эмигрантов путем вербовки волонтеров... эти свирепые, опустившиеся люди отлично сражались, но только когда им обещали хорошую добычу. Обычно им поручали взять какой-нибудь город, который на несколько дней предоставлялся в их распоряжение. Они с дикой храбростью шли на штурм и искусные стрелки, хорошо обученные тактически, легко выполняли задачу...»⁹.

Это подтверждают и эмигрантские источники: «...Но случалось и так, что выплачивалось двойное жалование, это бывало тогда, когда нужно было брать какой-либо город, где ожидался большой «фацай» (военная добыча, от противника и жителей). В этом случае бригадный генерал объявлял перед фронтом: «Ваша город бери – наша деньги давай»¹⁰.

В 1925–1927 гг. бригада постоянно находилась в боях, потеряв, по данным А. С. Лукомского – представителя Великого князя Николая Николаевича на Дальнем Востоке, до 50 % состава, одновре-

менно «прославившись» небывалым мародерством. Китайское население называло нечаевцев «белыми хунхузами» и ненавидело их. Так, 4 декабря 1925 г. на станции Тяяньфу китайские солдаты перебили весь экипаж русского бронепоезда под командованием подполковника Г. Гайковича.

В 1927-м бригада была преобразована в дивизию, но большие потери значительно изменили ее состав, теперь она состояла из двух бригад: 165-й китайской и 166-й русской, насчитывавших в своем составе 1 462 русских и 1 669 китайских солдат и офицеров¹¹. Но даже советский историк вынужден признать, что: «Нечаевская дивизия вместе с бронепоездами полковника В. А. Чехова составляла ударную силу Чжан Цзунчана..., благодаря ей... ему удалось значительное время удерживаться в Шаньдуне»¹².

С расширением зоны влияния фэнтяньской группировки в районах центрального Китая Н. Меркулов основывает Военное училище для русской молодежи в столице провинции Шаньдун Цинаньфу (Цзинань). По свидетельствам очевидцев он добился от маршала указа о сформировании «Шаньдунского инструкторского офицерского отряда» (буквальный перевод китайского приказа. – *О. В.*) в составе «четырёхзвездной роты для русских с производством в офицеры по окончании курса наук»¹³. Курс был определен в два года по программе обучения русских военных училищ в мирное время, преподавателями и строевыми офицерами были генералы и офицеры русской армии. «Юнкерами зачислялись молодые люди, как окончившие среднеучебные заведения, так и имевшие не менее пяти классов гимназии или реального училища. Все носили китайскую военную форму и состояли в китайских чинах и званиях, жалование получали в серебре, как офицеры, так и юнкера, повышенное против китайцев»¹⁴.

Училище успело сделать два выпуска: в 1927 г. – 43 офицера, в 1928 г. – 17, всего же через него прошло более 500 человек русской эмигрантской молодежи. Молодые офицеры занимали младшие командные должности в Особом полку из трех батальонов: стрелкового (три роты), технического (пулеметная, бомбометная и гренадерская роты) и сводного (эскадрон кавалерии, артбатарея и саперная рота), солдатский состав состоял из китайцев. Командовал Особым полком бывший ротмистр Приморского драгунского полка Квятковский получивший звание полковника китайской армии, начальником штаба был бывший унгерновец В. И. Щайдицкий. После гибели Чжан Цзолина и Чжан Цзунчана большинство русских военнослужащих сумело вернуться в Харбин¹⁵. Участник этих событий полковник Ленков много лет спустя вспоминал: «... Юг Китая...

из этой борьбы вышел победителем над Севером. В результате такого положения ненужными оказались в китайской армии русские штыки... Русский отряд, прошедший Китай от Мукдена до Шанхая, от Циндао до Калгана, был расформирован, и что же после него осталось там? 2 000 могил русских офицеров и солдат, разбросанных по разным городам, деревням, горам и рисовым полям...»¹⁶. В Центральном историческом архиве РФ имеется любопытный дневник полковника И. И. Штина, рисующий военные будни нечаевцев: «... сегодня делал смотр полку Нечаев. Сказал, что скоро выступаем на юг. Слава богу, а то надоело тут стоять. Тоска зеленая, кроме как пить, ничего, кажется, и не остается делать. Утром занятия, потом обед, ну выпьешь, потом часа два спишь, опять немного в роте занятий, потом ужин, снова выпьешь и так все время...»¹⁷. Среди подобных однообразных записей попадаете вдруг заметка, что «главным советником у маршала Чжан Цзолина состоит Николай Меркулов, который только и думает, как побольше нахапать»¹⁸. А во время боев против армии южнокитайского милитариста У Пейфу автор дневника оставляет следующую горестную запись: «Отряд наших русских волонтеров, оказавшись в тылу, был окружен китайцами... их была туча, и они принялись расстреливать наших со всех сторон... более 200 нижних чинов были убиты и оставлены тяжело ранеными... Мы деремся, несем потери, наши люди погибают ради кого и чего?»¹⁹.

Между Меркуловым и атаманом Семеновым возникла своего рода конкуренция в деле формирования русских отрядов, предназначенных для службы у милитаристов.

В войсках Чжан Цзолина находился трехтысячный отряд русских эмигрантов под командованием братьев Меньшиковых, о судьбе волонтеров этого формирования известно гораздо меньше, но братья Меньшиковы, так же как и Нечаев, и начальник его штаба М. А. Михайлов, были тесно связаны с Меркуловым и Семеновым.

Конец отряда Нечаева, как самостоятельной боевой единицы, видимо, связан с событиями 1927 г. и с ожесточенными сражениями за Шанхай, где, по данным шанхайских русских журналистов: «в январе 1927-го в китайском пригороде Шанхая – Чапее, на вокзале, были пойманы в ловушку два русских бронепоезда, находящиеся на службе у маршала Чжан Цзолина. Оба бронепоезда с их русскими командами были уничтожены войсками Чан Кайши»²⁰. (Современный историк белого движения В. А. Шулдяков говорит о потере трех бронепоездов «Пекин», «Шэньдун» и «Чендянь», но утверждает, что большая часть людского состава сумела прорваться из окружения²¹.) По свидетельствам участников этих событий: «Мораль вер-

бованной армии Китая... лишенной идеи, ведшей бои за мелкие и корыстные интересы своих маршалов... не могла быть высока. Это, естественно, отозвалось и на душевном состоянии русских добровольцев. Они увидели (особенно после ранения генерала Нечаева, когда Н. Меркулов объявил себя начальником дивизии и непокорных ему офицеров не только арестовал, но и приказал старого боевого офицера полковника Карлова приковать за горло, на цепь к стене тюрьмы), что являются слепым орудием в руках наглого спекулянта; как следствие, в полках началось разложение: пьянство, картежная игра и самоубийства. Вне всякого сомнения, что большие боевые потери, в Цинанфу на кладбище похоронено около двух тысяч убитых, или половина всех добровольцев, также содействовало этому разложению...»²². О дальнейшей судьбе генерала Нечаева известно мало, по некоторым данным, он окончательно утратил статус самостоятельной политической фигуры и превратился во второстепенного функционера фашистских группировок Маньчжурии, возглавлял Бюро по делам эмигрантов в Дайрене, издавал информационный листок и был после войны казнен в Чите по приговору Военного трибунала.

Значительно лучше характеризуется еще одно русское военное формирование в войсках фэнтяньской группировки – юнкерская рота. Она была сформирована в марте 1925 г. при штабе китайской 63-й дивизии, как комендантская рота, куда брали лишь имеющих среднее и незаконченное среднее образование. В июне они были выделены в Отдельную юнкерскую роту под командованием полковника Н. Н. Николаева, в ее состав вошли 87 военнослужащих. С осени 1925 г. рота целый год непрерывно была в боях под городами Фуличжи, Пекин, Нанкин, Суджафу, но благодаря основательной боевой выучке потеряла в боях только 6 человек (в том числе и автора цитируемого выше дневника И. Штина), а осенью 1926 г. все ее юнкера были произведены в офицеры и заняли младшие командные посты в полках нечаевской дивизии.

По свидетельствам участников событий «рота резко выделялась своим моральным обликом среди всех остальных добровольцев. В ней отсутствовали не только внешние признаки разложения, но и внутренние причины его, так как юнкера, несмотря на маленькое жалование – 11 китайских долларов, оказались невосприимчивыми и не... прельщались ни “фацаем”, ни пьянством, ни карточной игрой...»²³. Командовал ротой в то время капитан Русин, известный переходом своей дивизии на сторону белых во время боев под Пермью в 1918 г. Вместе с оставшимися в живых русскими участниками южного похода он вернулся в 1927 г. в Харбин.

Однако, по данным харбинской и шанхайской прессы, несмотря на большие потери, еще в 1930 г. в войсках различных китайских группировок служило более 5 тысяч русских наемников²⁴.

Один из малоизвестных эпизодов этого участия приведен ученым и сибирским областником И. И. Серебренниковым в его книге «Великий отход: рассеяние белых русских армий по Азии», изданной в 1936 г. в Харбине. По данным автора, во время мощного восстания китайских мусульман в Синцзяне в 1931–1933 гг., китайские власти привлекли к защите Урумчи более 180 человек русских белых эмигрантов из числа осевших здесь дутовских и анненковских казаков. Это формирование под командованием сотника Франка и полковника артиллерии Кузнецова сыграло основную роль в отражении осады города. Затем власти Синцзяна мобилизовали еще около тысячи русских поселенцев. Командовал этим формированием полковник Генерального штаба Папенгут, бывший в гражданскую войну доверенным лицом Дутова. К сожалению, русские командиры приняли активное участие в междоусобной грызне китайских генералов и после очередного переворота часть русских офицеров во главе с Папенгутом были выданы так называемой Алтайской добровольческой армии (под этим названием скрывалась оперативная группа РККА, действовавшая в Синцзяне) и казнены.

Следует отметить, что лидеры европейской военномонархической эмиграции и связанные с ними руководители Дальневосточного отдела РОВС генералы М. В. Ханжин и М. К. Дитерихс, а впоследствии и генералы Шильников и Вержбицкий отрицательно относились к наемничеству. Они считали, что военные силы необходимо сохранять в непосредственной близости от границ СССР для ведения военно-диверсионных операций. РОВС делал ставку на казачьи отряды из так называемого Трехречья (левый берег Аргуни), где жило более 5 тысяч забайкальских и уссурийских казаков с семьями. Отряды Шильникова, Арестовулова и других казачьих атаманов оперировали в пограничной полосе (за 1927–1930 гг., по данным пограничников, было зафиксировано более 70 крупных рейдов по советской территории)²⁵. Так, в 1930 г. на ст. Пограничная был убит бывший командир 4-й Сибирской казачьей дивизии полковник А. В. Катанаев. А в 1929 г. эти части принимали активное участие в конфликте СССР и Китая на КВЖД.

После захвата Маньчжурии японцами, смерти Шильникова, отхода от активной деятельности Хорвата и Дитерихса, на первый план вновь выдвинулся атаман Семенов, приступивший к формированию так называемых охранных отрядов, которые рассматривались командованием японской армии, как резерв в будущем кон-

фликте с СССР. Но это фактически означало полную утрату белой эмиграцией даже видимости политической самостоятельности, в реальности к середине 30-х гг. русские солдаты и офицеры превратились в «пушечное мясо» японских милитаристов.

Однако в среде белого офицерства и генералитета были люди, которые нашли смелость пересмотреть свои позиции. В составе так называемых 1-й и 2-й национальных армий Китая, игравших, по утверждению самих китайских историков: «в условиях гражданской войны объективно прогрессивную роль...»²⁶ так же существовали отряды российских эмигрантов, например отряд под командованием полковника А. Ф. Гущина в армии «христианского маршала» Фэн Юйсяна, состоявший из более чем 500 человек (командование отряда, видимо, сыграло какую-то роль в аресте и вывозе в СССР атамана Б. Анненкова). В 1925–1927 гг. такие известные личности, как П. П. Иванов-Ринов – бывший военный министр Сибирского правительства, колчаковские генералы И. В. Тонких и А. Н. Шелавин фактически вошли в калганскую и кайфынскую группы советских военных советников. Впоследствии они вернулись в СССР, как и часть военнослужащих Русского полка в Синьцзяне, который после организованной чистки и казни Попенгута перешел под командование полковника Н. И. Бектеева и фактически вошел в состав оперативной группы РККА (уже упоминавшаяся Алтайская добровольческая армия). В апреле 1934 г. советские инструкторы сформировали из белоэмигрантов и оставшихся частей РККА так называемый Южный фронт а «помощником» Бектеева стал генерал китайской службы Фу Дзихуй (будущий маршал П. С. Рыбалко). В его составе было четыре кавалерийских полка и конно-артиллерийский дивизион. Он просуществовал до 1936 г. Интересно, что за этими процессами в далеком Китае внимательно следили высшие руководители СССР. Так, в опубликованном в 2001 г. письме Сталина (из его личного архива) знаменитому комкору И. С. Кутякову относительно предложения последнего об амнистии всех (!) белоэмигрантов есть такие строки: «... я знаю, например, что в Синьцзяне имеется 2000 белогвардейцев, которые ведут себя неплохо и которых мы, вполне возможно, амнистируем не в далеком будущем...»²⁷. Но подобные факты были все же исключением, а все вернувшиеся в СССР военные погибли вместе с их бывшими противниками по Гражданской войне во время «большого террора».

Отдельная любопытная страница истории русской эмиграции в Китае связана с так называемым Русским волонтерским полком в международном сеттльменте Шанхая. Американский писатель Виктор Петров, выросший в среде русской общины в Шанхае, насчитыв-

вавшей в 30–40-е гг. более 50 тыс. человек, в своей книге «Шанхай на Вампу» так излагает его историю: в начале ноября 1922 г. флотилия адмирала Ю. К. Старка, вывезшая тысячи беженцев из Владивостока (кстати, по организованности эвакуация Владивостока не уступала Крымской и значительно превосходила Новороссийскую), оказалась на рейде Шанхая. После тяжелейшего перехода, гибели двух судов вместе с командами и пассажирами русские беженцы надеялись на помощь международного муниципалитета Шанхая. Однако руководимый англичанами муниципалитет не принял беженцев, в чем, кстати, получил поддержку... небольшой, но зажиточной русской общины (часть ее прибыла из Владивостока на коммерческом судне совсем недавно), флотилия ушла в Манилу, но Старк высадил всех гражданских лиц – около трех тысяч человек и несколько сотен кадетов Сибирского и Хабаровского корпусов. Они и составили основу новой эмигрантской общины Шанхая²⁸.

Но через девять месяцев подошли еще три русских корабля, эта была Дальневосточная казачья группа генерала Ф. Л. Глебова, около тысячи человек (в основном бывшие семеновцы). Муниципалитет опять же потребовал их отбытия из города в течение 48 часов. Глебов отказался уйти, отказался спустить русские флаги и сдать оружие, более того, поднявшись вверх по реке Хуанпу (Вампу), казаки заняли пустующую карантинную станцию для своего лагеря. Город оказался на грани вооруженного конфликта. Упрямые казаки просидели на своих двух кораблях (третий вернулся в СССР) около 40(!) месяцев²⁹.

Ситуация разрешилась неожиданно. В январе 1927 г. кантонские войска Чан Кайши с советскими военными советниками (в числе которых был и будущий маршал В. К. Блюхер), разгромив английскую концессию в Ханькоу, осадили Шанхай. И тут-то оказалось, что до прихода военных кораблей с английскими частями оборонять город просто некому! Надежды на полицию и банковских клерков-волонтеров были плохи. И теперь Шанхайский муниципалитет предложил генералу Глебову сформировать военный отряд для защиты города. До прибытия английских частей именно русские несли основную тяжесть обороны Шанхая.

С 21 января 1927 г. и ведет свою историю Русский полк Шанхайского волонтерского корпуса – единственное в русском зарубежье регулярное военное формирование под русским трехцветным флагом, в русской форме и функционирующее по русским дореволюционным уставам. Вначале отряд состоял из 2 рот по 300 человек каждая и взвода пулеметчиков. Основным контингентом военнослужащих были казаки, около 200 выпускников последнего вы-

пуска Сибирского и Хабаровского кадетских корпусов (так называемый Шанхайский выпуск) и добровольцы из гимназической молодежи, переселявшиеся из Харбина. Служили в отряде и бывшие «нечаевцы», например полковник и Георгиевский кавалер А. Н. Ленков и полковник М. М. Манжетный. Офицерских должностей в отряде было недостаточно, поэтому офицеры занимали все унтер-офицерские должности и даже служили рядовыми – в каждой роте было сформировано по одному офицерскому взводу. Это обуславливало высокую дисциплинированность и боевые качества части. Поэтому английский командующий волонтерского корпуса полковник Гордон всегда ставил русских на самые ответственные участки обороны города. Войска Чан Кайши не решались штурмовать их позиции, и это спасло Шанхай до прибытия крупных контингентов английской армии.

После этих событий Шанхайский муниципалитет решил сохранить отряд как регулярную часть охраны и обороны города. Первого командира отряда капитана 1-го ранга Н. Ю. Фомина сменил бывший командир гвардейского конно-гренадерского полка Г. Г. Тиме. Высокие боевые качества русского отряда подтвердились во время событий 1932 г., когда под Шанхаем начались боевые действия между японскими и китайскими войсками. Он занял северный участок обороны города, и японцы обошли Шанхайский сеттльмент стороной. После этого отряд и был развернут в полносоставный полк, включавший четыре роты (таким образом, в 30-х гг. полк насчитывал более 1 200 военнослужащих). Он нес охрану важнейших объектов Шанхая – электростанции, муниципалитет и даже тюрьмы, а, кроме того, был основным участником всех военных парадов, так как по военной выправке ему не было равных. Как уже упоминалось, его знаменем был русский триколор с гербом международного сеттльмента в центре. Под командованием Тиме, а затем полковника С. Д. Иванова полк просуществовал до 7 октября 1945 г. (с 1941, после вступления Японии в мировую войну как Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции), а в 1949 г. с приближением Красной армии Китая его состав был эвакуирован вместе с населением международного сеттльмента. Так закончилась история многотысячной русской общины Шанхая, многие факты которой до сих пор неизвестны российским читателям²⁸.

Сохранились сведения о службе русских офицеров в охране каботажных судов китайского побережья (так, в день вступления Японии в войну на Тихом океане 7 декабря 1941 г. был убит капи-

тан торгового парохода контр-адмирал В. В. Безуар, руководивший в 1922 г. эвакуацией Владивостока).

Еще ранее через Харбин и Шанхай матросом торгового судна попал в Югославию внук Льва Толстого Илья Ильич, бывший в «ледяном походе» личным адъютантом О. В. Каппеля (в 1953 г. он вернулся в СССР, где стал автором единственного «Русско-Сербского словаря»).

Некоторые офицеры служили в муниципальной полиции (там высокий пост занимал генерал-майор А. М. Хрущев – основатель Шанхайского офицерского собрания), в таможне, работали в качестве телохранителей богатых предпринимателей и т. п., но эти занятия не имели систематического характера.

Значительно менее привлекательны имевшие место сюжеты, сотрудничества русских эмигрантов с криминальными сообществами в Маньчжурии и Центральном Китае. В 20-х и 30-х гг. китайские контрабандисты и шайки хунхузов активно использовались «непримиримой» эмиграцией для поддержания связи с ее агентурой, оставшейся на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Здесь шла непрерывная «война разведок» о чем много писали и пишут историки спецслужб²⁹.

Менее известно, что руководители уголовного мира в Маньчжурии активно использовали опустившихся военнотружущих для похищения людей, рэкета и шантажа. Из многочисленных примеров наиболее показательны два случая: похищение сибирского купца Тонконогова в Харбине в 1925 г. (он был освобожден за выкуп в 250 тыс. иен) и похищение детей известного финансиста И. В. Кулаева в Тяньцзине, осуществленное людьми из окружения Н. Д. Меркулова. В обоих случаях исполнителями преступлений были бывшие русские офицеры, связанные с хунхузами. Немало бывших офицеров служило в маньчжурской полиции, именно они организовали налет на советское консульство в Харбине в 1927 г. Справедливости ради, отметим, что на судебном процессе всплыли и неприглядные факты деятельности сотрудников консульства, связанных с Коминтерном. Но по данным мемуаристов и харбинских газет, главным занятием полиции был шантаж и его объектами со стороны полицейских чинов являлись крупные русские купцы и домовладельцы Харбина, не участвовавшие в политических авантюрах (в их дома подбрасывались фальшивые китайские и японские банкноты). В 30-х гг. вымогательством и другими преступлениями занимались члены «Русской фашистской партии» Радзаевского. Они стали органической частью «маньчжурской мафии» (по выражению американского исследователя Д. Стефана)³⁰. Наряду с

японскими подачками, финансовым источником ее деятельности стал организованный рэкет русской мелкой буржуазии Харбина³¹.

К середине 30-х гг. даже лидерам эмиграции стало ясно, что ни ставка на наемные отряды, ни военные операции на границах СССР не в состоянии сохранить им военные контингенты. С укреплением же режима японской военной администрации в Маньчжурии эмиграция потеряла даже призрачную военно-политическую независимость. Численно поредевшая, материально оскудевшая, социально и политически значительно расслоившаяся русская эмигрантская община в Маньчжурии начинает терять свое значение. Она становится просто пешкой в планах командования Квантунской армии, а с окончанием Второй мировой войны окончательно исчезает с политической арены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общая численность русских в Китае в начале 20-х гг. составляла, на наш взгляд, от 300 до 400 тыс. человек, правда, она быстро падала и к середине 20-х гг. стабилизировалась на уровне 200 тыс., а к началу 40-х гг. русских в Китае осталось не более 100 тыс. (Подробнее см.: Воронин О. Л. Русская белая эмиграция в политической жизни Китая 20-х гг. XX в. // Народы Востока: основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития. Материалы региональной конференции. Иркутск, 1986. С. 22–24).

² Киржниц А. Л. У порога Китая // Сиб. огни. 1923. С. 132.

³ Подробнее см.: Индукаева Н. С. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае. Новосибирск, 1967. С. 104–123.

⁴ Камский. Белые в Китае // Сиб. огни. 1923. № 1–2. С. 105.

⁵ Подробнее см.: Ковалев Е. Ф. Из истории советско-китайских отношений // Народы Азии и Африки. 1986. № 2. С. 62–63.

⁶ Там же. С. 63.

⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1987. С. 37.

⁸ Еленевский А. Военные училища Сибири (1918–1922 гг.). Военная быль. № 61–67. Июль 1963 – Май. Нью-Йорк, 1967. С. 467.

⁹ Примаков В. М. Записки волонтера. М., 1967. С. 164.

¹⁰ Еленевский А. Указ. соч. С. 465.

¹¹ Коллекция ЦГИА РФ. Ф. 43. Дальний Восток, «Записка ген. Лукомского». С. 31.

¹² Там же. С. 46.

¹³ Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг., М., 1970. С. 182.

¹⁴ Еленевский А. Указ. соч. С. 467.

¹⁵ Там же. С. 468.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ленков А. Никита Львов // Вестн. первопроходника (США). 1966. Июнь – июль. № 57–58. С. 73.

¹⁸ Шулдяков В. А. Гибель сибирского казачьего войска. Кн. 2. М., 2004. С. 115.

¹⁹ Серебренников И. И. Великий отход: рассеяние белых русских армий по Азии. М., 2003. С. 71.

²⁰ Там же. С. 75.

²¹ Цит. по: Черушев Н. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных (1918–1953). М.: Вече, 2004. С. 216.

- ²² Шайдицкий В. Русское военное училище в Китае // Белая эмиграция в Китае и Монголии : сб. воспоминаний. М., 2005. С. 135.
- ²³ Петров Виктор. Шанхай на Вампу. Вашингтон, 1985. С. 34.
- ²⁴ Там же. С. 36.
- ²⁵ Красноусов Е. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии. С. 162.
- ²⁶ Там же. С. 201.
- ²⁷ Алексеев В. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии. С. 374.
- ²⁸ Овсянников Ю. Эвакуация Владивостока // Первопроходник. Париж, 1972. № 7.
- ²⁹ Он же. На «Диомиде» от Владивостока до Филиппинских островов // Картины прошлого. Сидней, 1964. № 1. С. 19.
- ³⁰ Stephan J. The Russian Fascists. Tragedy and fars in exile, 1925–1945. L., 1978. P. 486.
- ³¹ Дневник В. М. Балябиной (хранится в личном архиве автора).

«НЕ БУДЬ РОССИИ, МНОГИЕ “КУЛЬТУРНЫЕ” НАЦИИ ПОЛЕТЕЛИ БЫ ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ» (Из воспоминаний и переписки Е. Д. Кусковой)

Имена авторов и персонажей этой переписки не были полностью забыты в Советской России. Даже в «классической» поэме В. Маяковского «Хорошо», созданной к 10-летию Октября, в одной из глав в фельетонном переложении на тему пушкинского «Онегина» фигурирует томлящаяся от любви к Керенскому «старушка Кускова» и утешающая ее «усатая няня П. Н. Милюков». И, несмотря на окаркаатуренное изображение, автор не зря считал, что эти фигуры многое говорят читателю. Сейчас имя одного из крупнейших русских историков и политических деятелей рубежа XIX–XX вв. Павла Николаевича Милюкова вышло из забвения – переизданы его труды и мемуары, о нем пишутся научные работы. А вот имена Екатерины Дмитриевны Кусковой и ее мужа Сергея Николаевича Прокоповича вспоминаются незаслуженно реже. Между тем редкая книга о русской эмиграции обходится без упоминаний об этих авторитетнейших общественных деятелях.

В печальном мартирологе крупнейших деятелей русской науки и культуры, надолго утраченных Россией имена супругов Прокоповичей достойны занять самые почетные места. А опыт их долгой жизни (они умерли в глубокой старости в Швейцарии) должен быть чрезвычайно поучителен и для нового поколения граждан России. Публикуемые ниже мемуарный очерк и фрагменты из их эмигрантской переписки дают нам уникальную возможность заглянуть в жизнь русской интеллигенции в ее самые трагические периоды – время репрессий начала 20-х, когда была сорвана последняя попытка честного сотрудничества с коммунистическим режимом, а затем и эмигрантское житейство периода военного лихолетья. Эти материалы ценны не только биографическими подробностями из жизни виднейших представителей русского Зарубежья,

но и свидетельствами глубокого патриотизма старой русской интеллигенции, кстати, так никогда и не смирившейся с большевистской диктатурой и террором. Но сначала несколько слов об авторе этих материалов.

Кускова (Прокопович) Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева, 1869 г. Уфа – 1958 г. Женева) – писательница, журналистка, политический и общественный деятель прожила очень сложную жизнь. Дочь учителя гимназии, затем акцизного чиновника и малограмотной татарки-прислуги она рано осталась сиротой.

В 1884 г. ее отец застрелился, мать умерла от туберкулеза. Катя Есипова одновременно работала воспитательницей в приюте и училась в саратовской гимназии. Была исключена из последнего класса за «возмутительное» (с точки зрения начальства) сочинение на тему стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и чернь». В этом же году закончила гимназию экстерном. Вышла замуж за учителя физики Ювеналиева и вместе с ним активно работала по организации народнических кружков. В 1890 г. муж умер от туберкулеза, а маленький сын от дифтерии.

С 1890 по 1895 г. участвует в организации «Народное право» – последней попытке восстановления «Народной воли» под руководством М. А. Натансона. Вступает в фиктивный брак с народовольцем Петром Кусковым, державшим многодневную голодовку в саратовской тюрьме. Благодаря этому браку революционера удалось вызволить из заключения.

Биография Кати Кусковой (эту фамилию она будет носить всю свою долгую жизнь), казалось, развивается в хрестоматийном ключе, сформулированном Борисом Пастернаком в поэме «1905 год»:

*...Затворницы ж эти,
Не чаяв,
Что у них,
Что ни обыск,
То вывоз реликвий в музей,
Шли на казнь
И на то,
Чтоб красу их подпольщик Нечаев
Скрыл в земле,
Утаил
От времен и врагов, и друзей...*

Повернись события по-другому, и, может быть, имя Екатерины Кусковой стояло бы в одном ряду с Софьей Перовской, Желябовым

и Халтуриным. Но в 1891 г. во время эпидемии холеры санитарный отряд, где работала молодая фельдшерица, подвергся нападению бунтующих крестьян, Екатерина чудом осталась в живых. Видимо, эти события глубоко отразились на ее мироощущении, непосредственный контакт с «русским бунтом бессмысленным и беспощадным» сделал Екатерину Дмитриевну убежденной противницей насильственных методов политической борьбы. Уже в изгнании, она, вспоминая революционную молодость, убежденно утверждает: «Всякая революция... не творит культурные ценности, а разрушает их. Разрушает не только то, что сгнило, но и то, что еще подлежит развитию...»¹.

В 1895 г. Екатерина выходит в Санкт-Петербурге замуж за молодого экономиста с марксистским уклоном С. Н. Прокоповича (1871–1955) и активно работает в рабочих и студенческих пропагандистских кружках. Здесь судьба сводит ее с молодым адвокатом из Самары Владимиром Ульяновым. Весь предыдущий жизненный путь будущего лидера большевиков – антипод биографии Екатерины Дмитриевны: благополучная и обеспеченная семья штатского генерала, потомственное дворянство, кратковременная ссылка в семейное имение, как и последующая комфортабельная поездка в Шушенское (в ссылку в вагоне 2-го класса!).

Окончательно развела Екатерину Дмитриевну и радикальных эсдеков история с «Credo». Это, выражаясь современным языком, информационно-дискуссионное письмо, о приоритетности борьбы за экономические права рабочих не предназначалось для опубликования. Его переслала брату А. И. Ульянова-Елизарова. Ленин же не только написал резкий протест, но и опубликовал документ без согласия его авторов. С тогдашними моральными принципами интеллигенции это никак не согласовывалось, что отмечает и известный историк революционного движения Адам Улам в своем классическом труде «Большевики», но будущему вождю пролетариата уже тогда моральным казалось только то, что способствовало его политическим целям. Да и интеллигенцию вождь никогда не любил, недаром, уже будучи главой государства, он пишет опальному тогда Горькому: «...она (интеллигенция) считает себя мозгом нации... на самом деле она не мозг, а г-но... «История с «Credo» навсегда определила отрицательное отношение супружеской четы Прокоповичей к Ленину и, надо признать, в оценке его моральных качеств они были правы. Во время голода 1921-го года, о чем речь пойдет ниже, Владимир Ильич не постеснялся цинично использовать авторитет бывшей соратницы по рабочему движению. Вот его секретная записка членам Политбюро: «Строго обезвредить Куско-

ву... От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ни-че-го»². В 1900–1905 гг. Екатерина Дмитриевна вместе с мужем активно участвует в деятельности эмигрантской оппозиционной печати (именно она организовывала доставку газеты «Освобождение» из Финляндии в Санкт-Петербург) и на I съезде партии Конституционных демократов выдвигается в состав ЦК. Но Кускова и Прокопович отказываются войти в состав кадетской партии, так как выражают резкое несогласие с рядом тактических и программных установок П. Н. Милюкова. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс – член ЦК, Кускову явно не любящая, побег которой за границу организовала Екатерина Дмитриевна, в своих мемуарах вспоминает: «Умеренные социалисты... не видели больше нужды оставаться попутчиками либералов... Кускова твердила, что с освобожденской программой нельзя подойти к массам... от нарождающейся кадетской партии она оттянула... возможных попутчиков слева... и прежде всего своего мужа С. Н. Прокоповича...»³.

Активно работая в журналистике и кооперативных учреждениях, Кускова продолжает воплощать в жизнь свое убеждение о необходимости культурной работы в народе и особенно среди крестьянства. Эти убеждения и привели ее мужа С. Н. Прокоповича, ставшего к тому времени одним из крупнейших российских экономистов, в состав Временного правительства на должность министра торговли и промышленности, а затем (в последнем составе) министра продовольствия. И Екатерину Дмитриевну, и Сергея Николаевича связывали с Керенским тесные дружеские отношения, а если судить по мемуарам Нины Берберовой и ее книге «Люди и ложки», и участие в деятельности так называемых политических масонов накануне революции (впрочем, книги Берберовой современными российскими историками оцениваются очень критически, а большая часть архивов Кусковой находится в Техасе и Гарварде, так что, этот сюжет ее жизни явно требует серьезных дополнительных исследований⁴.

Не приняв Октябрьский переворот, супруги, тем не менее, не покинули Россию. Они открыто перешли в оппозицию большевикам – Сергей Николаевич до 29 ноября 1917 г. возглавлял подпольное Временное правительство, а в газете «Власть народа», издателем и членом редколлегии которой была Екатерина Дмитриевна, велась постоянная идейная борьба с диктатурой с позиции «народной демократии», что и послужило одной из причин репрессий против нее и ее супруга. Один за другим «откалывались» старые идейные соратники. Выражая их мнение, Зинаида Гиппиус – «сест-

ра по ложе» – записывает в «Дневнике»: «...в Москве омерзительно... А Кускова (да что с ней?) ежедневно кричит, что «надо работать с большевиками». Эти облизываются, хотя ту же Кускову ежeminутно закрывают. Не понимаю это бескорыстное хлебание помоев...»⁵. Константин Паустовский, сотрудничавший в этой газете, вспоминает в своей «Повести о жизни» эпиграмму, которую с молодой беспощадностью сочинили сотрудники: «Ку-ку, ку-ку кукушечка, напрасно не кукуй, мадам Кускова – душечка, о прошлом не тоскуй...».

Конечно же, о самодержавной России супруги не тосковали, но вряд ли новой власти могли понравиться следующие строки: «...В русской революции сплелись три основных фактора, сделавших ее исключительно разрушительной. Первый фактор – некультурность масс; второй... – долго копившаяся социальная ненависть, как продукт слишком позднего уничтожения крепостного права. И, наконец, третий фактор – догма большевизма, поставившая своей задачей не ликвидацию старых институтов, а насильственное уничтожение целых социальных классов...»⁶.

Профессор Ричард Пайпс в своей фундаментальной биографии Петра Струве дает следующую, не очень убедительную характеристику Кусковой, как «смелой и благородной женщины, которую уважали даже оппоненты, но ее политические идеалы всегда оставались довольно расплывчатыми, а оценки весьма неточными...»⁷. Скорее всего, это объясняется тем, что ведя идейную борьбу против большевистского режима, Екатерина Дмитриевна и на практике не сидела сложа руки, ей – российской патриотке принцип «чем хуже – тем лучше», которым руководствовались такие столпы «духовной оппозиции», как Сергей Мельгунов или Иван Ильин, чьи имена не раз встретятся в ее мемуарах и переписке, был глубоко чужд. Она в это время тесно сотрудничает с В. Г. Короленко, став вместе с ним во главе «Лиги спасения детей» – первом проекте борьбы с беспризорностью, который вызвал гнев всемогущей Лубянки.

Но главным поводом, прогремевшим на весь мир, стало дело «Всероссийского общественного комитета помощи голодающим». В страшный голод 1921 г., оставшиеся в России общественные деятели протянули власти руку помощи. Поскольку ни одно правительство, ни одна серьезная общественная организация Запада иметь дело с правительством Ленина – Троцкого не хотели, то после встречи представителей интеллигенции с Львом Каменевым 21 июля 1921 г. возник так называемый «Помгол», в состав которого наряду с Максимом Горьким, Константином Станиславским, «либеральным большевиком» Анатолием Луначарским, бывшим товарищем министра финансов Н. Н. Кутлером вошли супруги Прокопо-

вичи и Н. М. Кишкин. Общественный комитет стал своего рода моральным гарантом для получения Советским правительством продовольственной помощи с Запада. Именно Сергей Николаевич и Екатерина Дмитриевна вместе с Н. Кишкиным провели всю организационную работу «Помгола», после которой «Американская администрация помощи» министра торговли США Герберта Гувера («АРА») согласилась на поставки продовольствия в Россию. Но Комитет проработал только пять недель. Руководствуясь личной инструкцией Ленина от 26 августа: «Предлагаю сегодня же распустить «Кукиш» (издевательское сокращение от фамилий Кусковой и Кишкина. – О. В.) ... Прокоповича сегодня же арестовать и продержатъ месяца три... газетам дадим директиву... изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» (8), чекисты на следующий день арестовали рабочую группу Комитета. Кишкин и супруги Прокоповичи были приговорены... к расстрелу (!) и только вмешательство знаменитого полярного исследователя Фритъофа Нансена, координировавшего помощь России по линии «Лиги Наций» и будущего президента США Г. Гувера спасло их. Прокоповичи были сначала сосланы в Вологодскую губернию, а затем высланы из России. Именно эти события, получившие всемирный резонанс подробно изложены в очерке «Месяц «соглашательства», впервые опубликованном в эсеровской заграничной газете «Воля России» в 1928 г.

Не забывая приказа Вождя, советские историки вылили кучу грязи как на «Помгол» и его сотрудников, так и на американскую организацию помощи «АРА», которой чекисты пристегнули «дело о шпионаже» (См., например, вышедшую в советское время тремя изданиями лживую книгу Д. Голинкова «Крушение антисоветского подполья в СССР»). Но вот большая цитата из книги современного английского историка Орландо Файджеса «Человеческая трагедия», получившую в 1997 г. специальную премию за лучший исторический труд в Великобритании: «...С группой общественных деятелей Горький обратился к Ленину за разрешением создать добровольную организацию для помощи голодающим. В результате 2-го июля возник Всероссийский общественный комитет помощи голодающим, сокращенно «Помгол», **первая и последняя независимая организация, созданная при коммунизме.** Это было частично соглашением с Горьким и частично средством обеспечения иностранной помощи для согласия Ленина на его создание. Семьдесят три члена «Помгола», включая ведущих деятелей культуры (Горький, Короленко, Станиславский); либеральные политики (Кишкин, Прокопович, Кускова); бывшие царские министры (Н. Н. Кутлер) и

ветераны Народничества (Вера Фигнер); доктора и толстовцы. Здесь даже оказалось место для Александры Толстой, дочери писателя, которая последние четыре года провела в чекистских тюрьмах и трудовых лагерях. «Помгол» стремился воскресить тот общественный дух, который спас страну в 1891 г.: это заставило обратиться к русской и заграничной общественности для содействия делу помощи. Князь Львов, который принимал участие в деле помощи тридцать лет назад, собрал деньги и организовал поставки продовольствия через Парижскую организацию «Земгора» (даже в изгнании он продолжал работу в земстве). Для уверенности в том, что «Помгол» не вовлечен в политику, большевики ассигновали ему «ячейку» из двадцати видных коммунистов, возглавляемых Каменевым. Ленин был уверен в том, что голодный кризис не в состоянии поднять ту же общественную оппозицию, как это случилось в 1891 году. Отвечая на обращение Горького, Герберт Гувер предложил послать «Американскую администрацию помощи» в Россию. Гувер основал АРА для поставки продовольствия и медикаментов в послевоенную Европу. Два условия Гувера состояли в том, что все должно проходить независимо, без вмешательства коммунистического режима, и в том, что все американские граждане должны быть освобождены из тюрем.

Ленин был в ярости: «Необходимо наказать Гувера, надо открыто дать ему пощечину так, чтобы видел весь мир...» – негодовал он. Когда же «Помгол» получил американскую помощь, Ленин приказал прекратить работу, несмотря на решительные протесты Каменева и Горького.

27 августа все его члены, включая Горького и Короленко, были арестованы ЧК, по обвинению во всевозможной «контрреволюционной деятельности», и позднее высланы за границу или в зоны внутри страны. Даже Горький под давлением Ленина был вынужден уехать за границу «для поправки здоровья».

К лету 1922 г., когда ее деятельность достигла апогея, АРА снабжала 10 млн человек ежедневно. Она (АРА) также отправляла огромные партии медикаментов, одежды, оборудования и зерна – благодаря чему были собраны два последующих урожая 1922 и 1923 гг., которые окончательно вывели Россию из голода. Итоговая цена деятельности АРА составила \$61 млн. Большевики приняли эту помощь с удивительным отсутствием благодарности: никогда еще так щедро дареному коню так позорно не смотрели в зубы. Они обвинили АРА в шпионаже, в попытке дискредитировать и свергнуть Советскую власть, и постоянно вмешивались в их деятельность, обыскивая конвой, задерживая поезда, конфискуя поставки

и даже арестовывая общественных работников. Два условия оказания помощи, поставленные Гувером – невмешательство и освобождение всех американцев, находящихся в заключении – оба эти условия были бессовестно нарушены большевиками. Кроме того, грубое нарушение было обнаружено Америкой, когда она узнала, что получая продовольственную помощь с Запада, Советское правительство в то же время экспортировало миллионы тонн собственного зерна для продажи за границей. Когда у Советского правительства потребовали ответа, оно заявило, что нуждается в экспорте, чтобы приобретать промышленное и сельскохозяйственное оборудование из-за границы. Но этот скандал сделал невозможным открытие дополнительных фондов США для АРА в России, и в июне 1923 г. АРА приостановила свою деятельность.

Для Горького способ, которым Советское правительство «регулировало» голодный кризис был одновременно постыдным и неудобным. Это был главный фактор в его решении покинуть Россию. Когда голод миновал, большевики послали краткую официальную ноту благодарности американцам.

Но Горький был более благодарен. В письме от 30 июля, в котором отражались его глубокие идеалы, Горький писал Гуверу: «Во всей истории человеческих трагедий я не знаю большего испытания для человеческих душ, чем события, через которые прошли русские люди, и в реальной истории человечества я не знаю ни одного достижения, которое с точки зрения значительности и благородства можно сравнить с той помощью, которую вы оказали. Ваша помощь войдет в историю как уникальный, великий подвиг, достойный славы, которая надолго останется в памяти миллионов русских людей, которых вы спасли от смерти. Благородство американцев воскресило мечту о братстве людей в то время, когда человечество очень нуждается в милосердии и сострадании...»⁹.

Итак, в конце 1921 – начале 1922 г. супруги Прокоповичи оказались в Чехословакии. О деятельности Исследовательского института в Праге, возглавляемого С. Н. Прокоповичем рассказывают многие эмигрантские источники, но вот выдержка из современной прессы – газета «Сегодня»: «Вчера президент Сбербанка России Андрей Казьмин передал в дар ИНИОН РАН собрание материалов Экономического кабинета профессора Сергея Прокоповича. Эмигрировав в 1922 г. из России, он возглавил Экономический кабинет (научно-исследовательский центр по проблемам народного хозяйства России), который создавался в Берлине, а затем был переведен в Прагу. Кабинет выпускал два периодических издания: «Бюлле-

ть» и журнал «Русский экономический сборник». Всего Экономическим кабинетом было издано 140 бюллетеней.

Во время недавнего пребывания в Праге А. Казьмин получил от Национальной библиотеки Чехии восемь томов копий этих материалов. Оригиналы бюллетеней хранятся в Карловом университете в Праге... Директор ИНИОН академик Владимир Виноградов... отметил, что «документы несомненно вызовут большой интерес у специалистов в области экономики, истории, политологии. Уникальность материалов заключается, прежде всего, в том, что они были подготовлены экономистами-эмигрантами и представляют непредвзятый взгляд на процессы, происходившие в России...»¹⁰. На основании этих материалов российский исследователь уже опубликовал целую монографию¹¹.

О деятельности же Экономического кабинета в годы Второй мировой войны и гитлеровской оккупации Чехословакии любопытные сведения содержатся в публикуемой ниже переписке.

Работы Прокоповича издавались даже в Советской России, о чем в одном из писем упоминает Екатерина Дмитриевна, а на XVIII конференции ВКП(б) уже почти всесильный сподвижник «отца народов» Георгий Маленков счел нужным упомянуть о «фальшивках эмигрантского лжеученого Прокоповича», что вызывало негодующее письмо Кусковой.

Оказавшись в Швейцарии, супруги почти целиком отдаются работе по помощи гонимым войной эмигрантам, так как Екатерина Дмитриевна становится во главе русского зарубежного Красного креста. Особое внимание будущих исследователей наверняка привлекут связи Кусковой с первой женой Горького Е. Н. Пешковой, возглавлявшей Политический Красный крест в России и очень много сделавшей для помощи жертвам большевистского террора. Да и с самим Горьким Прокоповичи поддерживали тесные взаимоотношения в первые годы его эмигрантской жизни. Прервались они только тогда, когда «классик пролетарской литературы» стал все более активно поддерживать крепнущую сталинскую диктатуру. Любопытно, что Екатерина Дмитриевна была одним из немногих адресатов Горького в эмиграции (если не единственным!), перед которым он пытался оправдываться, причем с такой ожесточенностью, которая явно выдавала угнетавший его комплекс вины. «...У Вас есть привычка не молчать о явлениях, которые вас возмущают, я же не только считаю себя вправе и могу молчать о них, но даже отношу это умение к числу моих достоинств. Это аморально? Пусть будет так... Суть в том, что я искреннейше и непоколебимо ненави-

жу правду, которая на 99 % есть мерзость и ложь... я знаю, что 150-миллионной массе русского народа эта правда вредна...»¹².

Супруги Прокоповичи вместо иезуитских софизмов занимались прямой поддержкой бедных и гонимых русских. История помощи советским гражданам (военнопленным и рабочим), бежавшим из Германии в Швейцарию должна заинтересовать исследователей мировой войны.

Несмотря на тяжелое материальное положение (до войны супруги получали грант фонда Карнеги на экономические исследования, а в военное время эти деньги не доходили до адресатов), Прокоповичи находили возможность материально поддерживать живущие в настоящей нужде семьи русских эмигрантов во Франции: историка и политического деятеля Павла Милюкова, литературного критика Константина Мочульского, профессора М. Могилянского и др.

Известный эмигрантский журналист и мемуарист Андрей Седых в очерке о Милюкове неоднократно упоминает Екатерину Дмитриевну в качестве постоянного автора «Последних Новостей» (статьи которой Милюков, тем не менее, постоянно правил, «выдерживая политическую линию»), а в 1940–1942 гг. он вспоминает, что Кускова: «умоляла <Милюкова> переехать в Швейцарию... соблазнила его богатствами Женевской Публичной библиотеки, Павел Николаевич отказался – переезд казался ему трудным и пугала высокая швейцарская валюта... очень ограниченные средства у него еще оставались, но на жизнь в Швейцарии их могло не хватить...»¹³.

Но одной из важнейших своих обязанностей супруги считали всемерную поддержку русской библиотеки в Швейцарии, основанную замечательным библиофилом Николаем Александровичем Рубакиным и его женой Маргаритой Артуровной Бегман, которые и являются адресатами публикуемой переписки. Подвижнический труд Н. А. Рубакина, огромные архивы которого после смерти были переданы в СССР и составляют существенную часть уникального собрания рукописного отдела Российской государственной библиотеки, донес до нас и эпистолярное наследие Екатерины Дмитриевны Кусковой – замечательного общественного деятеля, первыми читателями которого в современной России станут читатели данной книги.

(Все материалы публикуются с сохранением современных автору выражений и сокращений, исправлены только грамматические ошибки и опечатки.)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кускова Екатерина. Революция, скифы и культура // Воля России. Прага, 1927. № 38. Июль.
- ² Ленинский сборник XXXVI. М. : Изд-во ИМЛ, 1975. С. 287.
- ³ Тыркова А. На путях к свободе. Лондон, 1990. 2-е изд. С. 211.
- ⁴ Интересующимся можно порекомендовать монографию А. И. Серкова «История русского масонства 1845–1945». СПб., 1997. С. ?
- ⁵ Гиппиус Зинаида. Дневники (запись от 18 мая 1918 г.). М., 2002. С. 234.
- ⁶ Власть народа. 1918. № 36. 5 июня.
- ⁷ Пайпс Ричард. Струве: Правый либерал: Биография. М. : Моск. шк. полит. ис-след., М., 2001. С. 435.
- ⁸ Куртуа С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. М. : Три века истории, 2001. С. 136.
- ⁹ Figes Orlando. A People's Tragedy: Russian revolution 1891–1924, PIMLICO. L., 1996. P. 779–780 (пер. наш. – О. В.).
- ¹⁰ Сегодня. 1997. 21 окт.
- ¹¹ Ручкин А. Б. Российское зарубежье 20-х гг.: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере экономического кабинета С. Н. Прокоповича. М. : ИНИОН, 1999. 270 с.
- ¹² Цит. по: Ваксберг А. Гибель буревестника. М. : Терра, 1999. С. 223.
- ¹³ Седых Андрей. Далекие близкие: воспоминания. М. : Захаров, 2003. С. 161.

ИЗ НАСЛЕДИЯ Е. Д. КУСКОВОЙ

Месяц «соглашательства»

В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
«Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.

А. Блок. Коршун

В двух номерах газеты «Возрождение» Б. К. Зайцев написал коротенькие воспоминания о «Веселых днях» в Москве 1921 г., в том числе и о покойном Комитете помощи голодающим, членом которого он состоял. Дни эти были действительно «веселые»: миллионы людей истощенных войной и революцией встали перед угрозой голодной смерти... На этом «веселом» фоне и возник Комитет, – сенсационное предприятие, как назвала его тогда французская газета «Матэн», – предприятие, не успевшее много сделать для своей непосредственной цели, но зато очень много сделавшее для окончательного осознания политической обстановки того времени. И не только того времени. Поступок членов Комитета до сих пор вызывает споры, суждения и осуждения в интеллигентской среде: политическая сторона действий Комитета выходит далеко за рамки единовременной акции и касается тактики в эпоху большевистской диктатуры также и в других областях жизни. Так, недавнее «соглашение» деятелей церкви почти в точности повторяет тактику Комитета; можно указать аналогичные соглашения в области научной работы, кооперации и т. д. Б. К. Зайцев, – беллетрист, художник – коснулся в своих воспоминаниях лишь стороны лирически-

бытовой и моральной. Политическая сущность Комитета оставлена им в стороне. Между тем давно пора описать это явление так, «как оно было», и в особенности в главной части его, политической. Пользуясь любезным разрешением редакции «Воли России», я и постараюсь сделать это, насколько позволит мне память и далеко не полный материал, которым я располагаю. Сделать это тем более необходимо, что инициаторы этого деяния, поучившись уму-разуму от зарубежных противников такой тактики, – так и остались нераскаянными грешниками: солидных аргументов в пользу другой тактики и другого вида «активизма» они здесь не услышали. И остались при убеждении: тогдашнее расположение сил диктовало или эту тактику или никакой, т. е. сидение в созерцательном бездействии...

Интеллигенция и советская власть

Нельзя понять ни действий Комитета, ни психологии его участников, ни, наконец, причины гибели его начинания и едва не случившейся гибели его инициаторов, не остановившись, хотя бы в самых кратких чертах, на положении интеллигенции после октябрьского переворота, на ее тактике и на взаимоотношениях с властью. Только на фоне этих взаимоотношений и можно понять, почему Комитет явился такой «сенсацией».

Совершенно бесспорным является утверждение, что ни октябрьского переворота, ни советской власти интеллигенция духовно не признала и не приняла. Это утверждение повторяется теперь и историками-коммунистами, и политиками советской власти, – как факт, не подлежащий спору. Вопрос об интеллигенции и ее отношении к советской власти и «до сих пор остается довольно жгучим», писал Луначарский в 1923 г.¹ Менее жгучим не стал он и в 1928 г., хотя – на поверхности – как будто многое сглажено, многое пережито, многое приведено к какому-то соглашению. Тем не менее вопрос и до сих пор не потерял своей жгучести, и Луначарский дает в своих очерках исчерпывающее объяснение, – в чем суть этой жгучести. «Интеллигенция, пишет он, нужна нам, – нужна нам в области техники, сельского хозяйства, в области просвещения, главным образом она нужна нам, как главный контингент, так сказать, государственной агентуры; она нужна нам, и очень, – в области искусства, которое в лучшей своей части есть облагораживающий души элемент, благоприятный коммунизму, а также сила, облагораживающая быт. Интеллигенция нужна нам, а между тем в большей своей части она все еще находится на разных ступенях враж-

дебности к нам. Тем более драгоценны для нас те, которые целиком перешли к нам или находятся на пути. Тем более важно употребить нам все усилия, чтобы собрать возможно бóльшие силы вокруг новой оси мира – коммунизма»². Интеллигенция нужна советской власти исключительно как техническая сила, – как часть коммунистической машины, без присущих ей духовных особенностей, без индивидуального лица. Рядом с рельсами коммунизма никакие другие рельсы жизни не могут быть проложены. И когда Устрялов и Ко заговорили о «перерождении власти», другой коммунист М. Н. Покровский, им ответил: «Переродить революционную власть нелепо и ничего из этого не выйдет: гораздо легче переродиться самим»³. Из заявлений Луначарского о продолжающейся враждебности «большей части» интеллигенции легко понять, что в отношениях двух сторон коса нашла на камень: если не может переродиться революционная власть, то тем более не может «переродиться» интеллигенция, самое существо которой противоречит воззрению на нее как на «технический инструмент», как на бездушную и послушную часть машины.

Интеллигенция отлично знала, какая участь грозит ей в случае перехода всего государственного аппарата в руки коммунистов: их воззрения были известны задолго до Октября. И в качестве средства самозащиты она избрала единственный метод действий, находившийся в ее руках: забастовку всех государственных аппаратов, приостановку всех функций государства. Напрасно думают некоторые, что забастовку кто-то организовал. Она вспыхнула совершенно стихийно. Организована была – значительно позже – лишь помощь бастовавшим в лице забастовочных комитетов, собиравших средства. Через четыре месяца силы обеих сторон были взвешены: пришлось сдаться интеллигенции. Сдаться физически, т. е. встать на работу. Духовно интеллигенция не разоружилась и продолжала оставаться «посторонним телом» во вновь строящемся государственном организме. Не разоружалась и власть. Две силы, физическая и духовная, стояли друг против друга, вынужденные в то же время силою вещей вести один и тот же воз, – поднимать страну изпод обломков революционного разрушения. Эта последняя задача, даже разно понимаемая, все же требовала близкого соприкосновения обеих враждебных сторон. Это соприкосновение происходило, происходит и теперь, по двум резко разграниченным линиям: по пути соглашения и по пути соглашательства. Соглашение, сговор, вовсе не требует от вступающего в него отказа от самого себя. Соглашение требует лишь определенности в условиях взаимоотношений и работы. В той же брошюре об интеллигенции Луначарский

отмечает, что «технический персонал и техническая профессура легче идет на сговор с советской властью, чем другие части интеллигенции». Это естественно: фабрика, завод, трамвай или железная дорога по «марксистки» работают также, как и по «монархически»: у них свой строй, обязательный для всякого политического строя. Но профессору политической экономии или истории уже гораздо труднее идти на сговор, а то и совсем невозможно: он должен сначала изменить свое научное мировоззрение, а затем уже сговариваться о кафедре. Здесь соглашение неизбежно должно упереться в угодничество, в соглашательство, в потерю своей научной совести, как это мы и видим у таких новоявленных коммунистов, как проф. Гредескул. К чести русской интеллигенции следует сказать, что таких перекарасившихся соглашателей нашлось немного: по исчислению проф. М. Н. Покровского не найдется и десятка профессоров, «усвоивших» марксистское мировоззрение на науку. А коммунистическое – тем более.

Чем больше укреплялась советская власть, тем большая часть интеллигенции шла по пути соглашения. Советская власть, сосредоточившая в своих руках все производство, торговлю, все функции государства и жизни, лишив граждан – почти полностью – частной инициативы и частной предприимчивости, – явилась вследствие этого своеобразным работодателем, соглашение с которым почти что принудительно. Или соглашайся, или умри. Так стоял вопрос. Пока была надежда на краткий срок «пролетарской диктатуры», интеллигенция мстила за эту принудительность саботажем в работе, резким подчеркиванием чужести своей всей этой постройке. С течением времени вредность подобного поведения обнаруживалась все ясней и отчетливей: советский аппарат совпадал с государственным аппаратом. Хорош он или дурен этот советский аппарат, – другого нет пока. Через этот аппарат восстанавливается жизнь страны и благополучие граждан. Саботаж, поэтому, бьет не только по советской власти, но и по всей жизни государства. Эта мысль все более и более пронизывала мировоззрение интеллигенции. Ликвидация военных фронтов и частичная ликвидация военного коммунизма с объявлением нэпа сделали это мировоззрение господствующим. К июлю 1921 г., – времени действия Комитета, – лишь единицы вставали на путь «соглашательства», т. е. отказа от своих убеждений и лица и принятия коммунистической окраски. Но вся интеллигенция уже шла по пути соглашений на почве деловой работы в советском аппарате. Таково было положение.

Совершенно иначе обстояло дело в области политической. К 1921 г. было совершенно ясно, что победившая на всех фронтах партия

добровольно, без какого-либо принуждения, от монополии управления не откажется и диктатуры своей не ослабит. Вероятно, именно этим сознанием обуславливалось то обстоятельство, что и попыток к такому соглашению не делалось. Лишь левые эсеры в самом начале диктатуры вступили в соглашение, входили в Совнарком и разделяли политическую ответственность с коммунистами. Однако страны и тем более интеллигенции это соглашение касалось мало. М. Н. Покровский оценивает его совершенно правильно: «социальный удельный вес этих групп (меньшевиков-интернационалистов и левых эсеров)», – говорит он⁴, несомненно был страшно переоценен. На выборах в Учредительное собрание по Москве они все вместе получили 8 % всех поданных голосов: реальной силой было именно правое крыло соглашателей⁵, в конечном счете и давшее Учредительному собранию большинство. Но правые эсеры – за исключением отдельных лиц, впадавших путем писем в редакцию в коммунистическое умонастроение – политических переговоров о соглашении никогда не вели. Таким образом, политически диктатура большевиков (как и всякая диктатура) оставалась изолированной. Но в то же время, опять-таки как и всякая диктатура, – советская власть вынуждена искать опоры вне круга компартии: Россия слишком обширна, слишком далека от коммунизма, чтобы в ней лишь силами одной партии могла вестись постройка аппарата государства. И в недрах самой власти все время борются два течения. Одно – чисто коммунистическое, узкопартийное, враждебное всяким соглашениям; другое – «советское», рожденное необходимостью строить не коммунистический, а советский, т. е. государственный аппарат. В конечном счете, судьба самой советской власти зависит от того, победит ли в ней «советское» течение, произойдет ли – другими словами – резкое разделение власти, управляющей государством и компартии, управляющей лишь своими членами. До сих пор такого разделения не произошло, хотя в Заявлениях Чичерина этот мотив – о раздельной природе двух сил, компартии и советской власти, и утверждается постоянно в нотах, обращенных к иностранцам. Русские граждане, напротив, отлично знают, что такого разделения еще не произошло и что, какое бы то ни было политическое соглашение с советской властью, есть в то же время и соглашение с компартией, есть апробация действий не только советской власти, но и компартии. В 1920–1921 гг. понимание этого положения было тем острее, что в то время все еще было пропитано духом военного коммунизма и усилиями компартии сделать коммунизм официальной религией российского государства. Психология наиболее сознательной интеллигенции

была в то время такова, что всякое политическое соглашение с коммунистической властью было бы сочтено предательством интересов России, страдающей под игом страшного эксперимента. Пишущей эти строки пришлось воочию столкнуться с этой психологией по следующему поводу. В октябре 1920 г. ко мне обратился А. М. Горький с предложением собрать представителей старой русской общественности для разговора с покойным Лениным. А. М. Горький сообщил мне, что он лишь передает желание Ленина. Горький просил дать ответ на следующий же день, – сообщить, кто именно будет разговаривать. Тотчас же были собраны три больших собрания с представителями различных течений – партийных и не партийных – интеллигенции. Ответ получился исключительно единодушный. Лишь два лица – кооператор А. М. Беркенгейм и левый эсер С. Л. Маслов – высказались за необходимость такого разговора. Все остальные были против. Мотив: «мы, интеллигенция, – пленники диктатуры; у нас нет ни печати, ни обществ, ни открытых собраний, ни вообще каких бы то ни было средств для выражения своих мнений и проверки их удельного веса в населении. А потому мы, связанные и молчащие, не можем представлять интереса и для представителя советской власти. И при таком положении интеллигенции, отчетливо сознающей свое настоящее бессилие, – совершенно бесполезны какие бы то ни было разговоры с лицами, это положение создавшими и поддерживающими».

Это коллективное мнение было сообщено тогда А. М. Горькому для передачи Ленину. Так как оно было выражено совершенно откровенно, то многие ждали за такую дерзость – нежелание разговаривать с всемогущим красным диктатором – репрессий. Их не последовало, хотя о собраниях и о составе их не могли не знать.

К весне 1921 г. положение несколько изменилось.

15-го марта этого года был объявлен нэп. По обычной склонности россиян к «бессмысленным мечтаниям» за этим экономическим отступлением ждали перемен и в области общественно-политической. Отчасти эти перемены и наступили. Наркомзем повестками пригласил так называемых старых кооператоров на особое заседание для обсуждения положения кооперации. Опять зашевелились: идти или не идти? На этот раз кооператоры единогласно решили: идти. Это собрание прошло дружно и общественно корректно, если не считать грубого и глупого выступления коммуниста Сосновского (неизвестно каким боком к кооперации принадлежащего). Все другие коммунисты, особенно представители Наркомзема, ничем не нарушили делового характера собрания, результа-

том которого была впоследствии выработка декрета о кооперации, значительно раскрепостившего ее работу.

Следующий шаг «навстречу общественности» был менее удачен. Ленин снова повторил свое желание встретиться со старыми общественниками на этот раз не через А. М. Горького, а через В. М. Свердлова (партийный деятель брат Я. М. Свердлова. – *О. В.*) предложил устроить банкет (апрель 1921 г.), на котором собрались бы, с одной стороны, представители русской интеллигенции, с другой – представители советской власти. Предполагалось, что на этом банкете выступит Ленин или его заместитель. Так же, как и А. М. Горький, Свердлов просил дать ответ. И на этот раз обсуждение вопроса о банкете, о встрече, привело к иному решению: не только левые общественники, но и представители к-д. партии решили, что банкет – после знаменитой речи Ленина 15-го марта – вполне своевременен. В этом смысле и дан был ответ Свердлову. Дан был и список участников банкета. Банкет, однако, не состоялся... Со стороны общественников потребовалось действие, на которое они не согласились. По предложению и плану того же В. М. Свердлова в Политехническом музее должно было состояться открытое собрание, на котором должны были выступить коммунисты с объяснением причин, побудивших их к «передышке», – к введению нэпа, и общественники, «горячо приветствующие это изменение политики». Было совершенно ясно, что это выступление инсценируется «для Европы» и что радио разнесет весть: такие-то приветствуют политику советской власти. В сущности, к 1921 г. настроение многих общественников было таково, что они не затруднились бы приветствовать советскую власть за правильные шаги в ее общей политике. Затрудняло не «приветствие», а его необоснованность, – это заверение в том, что еще не получило осуществления и что должно было осуществляться опять-таки руками одних коммунистов. С этим «заверением» перед Европой дело обстоит плохо и до сих пор. Выделилось несколько имен из деятелей науки (их можно перечислить по пальцам), из области хозяйства, заверяющих Европу и русское население в благополучии русской науки, для которой «так много сделал Ленин и советская власть», – в успехах хозяйства, кооперации или земледелия. И все отлично знают, что не надо читать подписей под такого рода рекламами: они подписаны неизменно или академиком Ольденбургом, или Ферсманом или проф. Ипатьевым и еще пятью шестью именами этого рода. Новых имен не появляется и до сих пор, – так прочно установились отношения между хозяевами жизни и гражданами второго сорта, – интеллигентами... Попытка советской власти установить режим старо-крепостной эпохи, – мы даем вам работу и жизнь, а вы должны это помнить и

ценить, – не привели к цели: работу интеллигенция соглашается выполнять честно, без саботажа первых лет, – но душу свою не выворачивает, не оскверняет лестью и не свидетельствует по приказу о том, о чем свидетельствовать не хочет и не может. Вот и тогда, в апреле 1921 г., будущие участники банкета отказались свидетельствовать о ценности еще не испытанного нэпа и о движении советской власти по пути раскрепощения жизни. А ведь только это свидетельство и могло бы быть ценно для Европы, ждущей завершения гражданской войны на русской территории и в отношениях власти к населению. Свидетельствовать отказались, а советская власть отказалась от банкета: какой смысл разговора с людьми, не признающими формулы: «мы – наши, а вы – наши?».

Таковы были психологические настроения интеллигенции к июлю 1921 г. Среди нее были, конечно, группы людей, совершенно «непримиримых», считающих всякое прикосновение к советской власти или ее аппарату нарушением святости интеллигентского *credo*. Таких непримиримых было немного: редкие люди имели возможность – физическую даже возможность – «не прикасаться» к советской власти, не служить, не входить с ней ни в какие деловые отношения. Таких счастливых, живших в каких-то своих скитах или вотчинах было немного. Но немного было и «соглашателей», стремившихся так «приспособить» свое поведение, чтобы «заслужить» доверие хозяина и ассимилироваться с его агентами во всех областях. Громадное большинство интеллигенции на это не пошло; оно осталось на позиции соглашения двух сторон на узко деловой почве. Такая позиция невыгодна обеим сторонам и указывает на глубокую болезнь всей жизни страны: власть не находит искренней и добровольной поддержки интеллигенции в своей политике, что, несомненно, умаляет ее внутренний и в особенности международный престиж, а интеллигенция чувствует себя по-прежнему пленником во враждебном лагере и потому не может развернуть всех своих духовных возможностей.

В такой обстановке и при таком расположении сил пришлось действовать Комитету в 1921 г. Эта обстановка определила его строение, она же обусловила и его быструю гибель. Естественно возникает вопрос: не разве деятели Комитета были в 1921 г. столь наивны, что этой обстановки не осознавали? Или наивность их заходила еще дальше и они – перед лицом всенародного бедствия – надеялись на перерождение советской власти? На эти вопросы следует ответить совершенно определенно: нет, такой наивности ни у кого из членов Комитета не было. А почему они все же взялись за это дело, и как оно развивалось конкретно – речь впереди.

Идея Комитета

В конце июня 1921 г. в Москву приехали из Саратова проф. А. А. Рыбников и кооператор М. И. Куховаренко. Достаточно было один раз поговорить с ними, чтобы почувствовать весь ужас надвинувшегося на восток России колоссального народного бедствия. Многие из старых общественников еще помнили такие же ужасы 1891 г. и сами участвовали в смягчении их. Но тогда ведь вся остальная Россия была еще крепка и достаточно богата, чтобы своими силами помочь выжженным солнцем голодным районам. В 1921 г. бедствие было тем безысходнее, что и вся остальная Россия была на краю голода. Это обстоятельство имело для инициаторов Комитета решающее значение: было совершенно очевидно, что помощь может прийти лишь извне, из-за границы. Было ясно и другое: на зов самой советской власти за граница не откликнется, – блокада советской страны тогда еще не сдана была в архив. Все поэтому чувствовали, что что-то надо сделать именно общественникам, людям, которым поверят, голос которых услышат. Сделать, – но что? Что могут сделать все эти люди, резко отодвинутые от всякого общественного дела, запуганные террором, разочарованные неудачами революции и подавленные своей собственной беспомощностью? Надо было – как всегда – думать коллективно.

Полуживое «Московское общество сельского хозяйства» собрало собрание для заслушания докладов двух посланцев Саратова, – Рыбникова и Куховаренко. Зал Общества на Смоленском бульваре был переполнен. Профессора, агрономы, кооператоры, учителя. А с кафедры льется раздирающее душу повествование. Еще не пришло время жатвы, а голод уже развернулся во всей своей потрясающей беспощадности. Жатвы ждать нечего: все выжжено... Запасов – никаких. Голодные люди уже сейчас, в июне, разбегаются из деревень. Привозят в Саратов детей и бросают их у порога детских домов. Кормить нечем. Но и Саратову кормить их также нечем. Катастрофа – миллионов. То же самое в Самарской, Казанской, Симбирской губерниях. Пожар голода загорелся сразу во всем обширном восточном районе. Бедствие имеет тенденцию расползтись на юго-восток и на юг. И оттуда – страшные вести...

Точно молотом ударили эти ораторы по сердцам собравшихся. Тишина – мертвая... На лица – лучше не смотреть. Найдут ли исход? Вот заговорил председатель Общества А. И. Угримов. Предлагает организовать при Обществе сельского хозяйства комитет помощи голодающим. «Что же сможет сделать этот Комитет?» спрашивают

мои соседи. Ведь и само-то Общество еще существует каким-то чудом. А где средства?

Ко мне подошел страшно бледный муж мой, С. Н. Прокопович. «Выслушать вот это и разойтись мы не можем, сказал он мне. Но и действовать старыми общественными методами при такой катастрофе – это значит играть в бирюльки. Единственное средство – призвать на помощь за границу. А для этого...».

Я так и не дослушала, что надо сделать для этого: председатель вызывал мужа на кафедру. Речь его поразила интеллигентское собрание...

– Господа! Нужно или сложить руки и отойти в сторону: не мы, дескать, причина этой катастрофы и мы вообще отстранены от всех и всяких дел. Я другого мнения. Сложить руки мы не имеем права. Морального права. Надо действовать. А если действовать, то нельзя отвернуться от той обстановки, в которой эти действия мы должны совершать. Мы не можем совершить никаких действий без согласия советской власти, без ее одобрения, без ее содействия. Играть в бирюльки в такой момент просто позорно. Надо довести до сведения советской власти о том, что мы сегодня слышали и о том, что мы желаем по мере наших сил принять участие в помощи голодающим. А затем уже вырабатывать формы этого участия. Другого пути нет. И я предлагаю избрать немедленно депутацию для посылки ее в Кремль, к председателю Совета народных комиссаров...».

В собрании не нашлось никого, кто бы возразил против такого метода действий. Хулители такого «соглашательства» объявились уже потом, в процессе действия Комитета... Сидевший рядом со мной бывший товарищ министра царского правительства В. И. Ковалевский, меланхолично заметил:

– Конечно, другого пути нет... И хорошо, что министр свергнутого большевиками Временного правительства призывает к этому: личные счета партий и лиц в такие тяжкие времена только еще больше углубят наше несчастье...

«Углублять несчастье» политическими счетами с большевиками не захотело и собрание. Тотчас же была избрана депутация из представителей О-ва Сел.-хоз. и двух докладчиков. Она должна была на другой же день отправиться в Кремль для беседы с Лениным. С этого момента интеллигентская Москва стала буквально лихорадочно следить за развитием начатого дела. Толки, разговоры, споры, непрерывные телефонные звонки: не знаете ли, принята депутация? Вчерашнее мертвое и подавленное безмолвие сменилось оживлением, предвкушением возможности какого-то нужного дела...

На другой день стало известно, что Ленин депутацию не принял. Управляющий делами Совета народных комиссаров объяснил почему: это дело, так сказать, «не подсудно» председателю; надо обратиться в соответствующий комиссариат, в данном случае в Наркомзем. Депутация отправилась туда, – к тогдашнему наркому земледелия Теодоровичу. Не была принята и там. Под разными предлогами свидание откладывалось. Саратовские депутаты волновались: уехать ни с чем в голодный район они не могли. А между тем депутация – совершенно основательно – была оскорблена таким отношением. О собрании в Кремле не могли не знать, о цели депутации – также. Почему не желают говорить? Более или менее близкие к коммунистам люди говорили: в Кремле – большая растерянность, – у них также есть свои сведения о катастрофе на востоке; идут совещания; решений еще никаких не принято; а коммунисты без коллективного решения не совершают никаких сепаратных поступков. Надо выждать... Такие разговоры, быть может, инспирированные, шли по городу.

Мы решили узнать из непосредственного источника, – в чем дело. Я и муж мой отправились к А. М. Горькому с тем, чтобы просить его снестись с Лениным. Изложив ему все дело и все наши предположения, мы указали, какое тяжкое впечатление произвел в городе отказ от разговора с депутацией.

– Не понимаю, – почему так, сказал он. Идея Комитета – идея ценная и в Кремле не могут отнестись к ней отрицательно. Я буду говорить с Ильичем и о результате сообщу вам. Повторяю, – отрицательного отношения к такой идее в Кремле не может быть: несчастье надвигается и люди это не могут не понимать...

На другой же день Горький сообщил нам, что Ленин горячо сочувствует инициативе общественников и что весь вопрос в форме и в договоре о действиях. Об этом и будут с нами говорить. Кто – он не сказал.

Весь этот день у нас ушел на переговоры с различными кругами интеллигенции, – чтобы заранее знать, кто на такое дело пойдет. Случилось как-то так, что в этот день мы не получили ни одного отрицательного отзыва. Были скептики: на это дело Кремль не согласится. Но не было таких, которые считали бы этот ход неправильным или предосудительным с точки зрения общественно-политической. Как и на собрании сел.-хоз. Общества люди понимали, что момент – исключительный; исключительны должны быть и наши решения, и наши действия.

В 10 часов вечера в тот же день в нашу квартиру позвонили.

– Кто у телефона?

– Лев Борисович Каменев. Я должен сообщить вам, Екатерина Дмитриевна, что идея Комитета встречает сочувствие. Не согласитесь ли вы и другие общественники пожаловать в Кремль для переговоров?

– Вы, Лев Борисович, привыкли действовать коллективно. Позвольте и нам действовать также. Я и муж мой соберем собрание из лиц, желающих принять участие в этом деле. Собрание изберет несколько человек и поручит им вести переговоры. Определит и форму возможного построения Комитета.

– Хорошо. Пусть будет так. В какой срок можете вы собрать собрание?

Условились о дне и часе переговоров в Кремле.

На другой же день было собрано собрание из 40–50 человек. Была, конечно, на нем и избранная Об-ом с.-хоз. депутация. На этом собрании было решено, что Комитет должен быть самостоятельным учреждением, которое начнет свои действия, лишь выработав положение о своей конструкции, утвержденное в законодательном порядке, т. е. путем особого декрета. Основы положения также вчерне были выработаны. Избраны были и лица, которым поручено было вести переговоры и докладывать о них вновь собранному собранию. Для переговоров с Кремлем были избраны: агроном А. П. Левицкий, кооператор П. А. Садырин, покойный проф. Л. А. Тарасевич и я. Кроме того, решено было просить А. М. Горького присутствовать при переговорах в качестве будущего члена Комитета. Он согласился.

В назначенный день и час вся депутация была у ворот Кремля. Обыкновенно неприступные, с латышско-русской охраной, требующей пропуска и документов, – на этот раз ворота растворились быстро: охрана была предупреждена и вежливо пропустила нас, указав, как пройти к «товарищу Каменеву».

Уютный, чистый кабинет человека прочно устроившегося. По делам Лиги спасения детей мне приходилось бывать тоже в Кремлевских апартаментах Луначарского и в разных советских учреждениях. Всегда они оставляли впечатление какой-то непорядливости: точно люди собрались переезжать или переехали, но еще не устроились. Кабинет Каменева дышал спокойствием, сознанием прочности положения своего хозяина. Удобный «буржуазный» диван, кресла, шкафы для книг, обширная библиотека. Все солидно, чисто, ничто не носит следов той бедной полупустой квартирки, в которой мне когда-то пришлось быть у Каменевых в Аркашоне.

На диване уже сидел А. М. Горький. За все время переговоров он не проронил ни слова. С любопытством бытописателя наблюдал

он сцену объяснения всесильного диктатора с недостреленными «контрреволюционерами», говорящими в этом «новом мире» какие-то старорежимные слова... А слова, действительно, были старорежимные:

– О конституции Комитета...

Посланцы настаивали на издании особого декрета, который перечислял бы точно права и обязанности новой организации в недрах советского строя.

– Вы еще так верите в конституции? – иронически спросил Каменев.

– Верим по-прежнему, если договаривающиеся стороны способны и желают выполнить условия договора... Но сейчас, в наших условиях, речь идет не о ценности конституции... Речь идет о чисто практическом деле, которое может быть сделано лишь тогда, когда обе стороны поймут, что надо делать. Верите ли вы, Лев Борисович, что разразившейся катастрофе можно помочь внутрирусскими средствами?

– Нет, не верю, серьезно ответил Каменев.

– Так вот наша «конституция» исходит именно из этого факта. Помочь может лишь заграница. Отношение заграницы к советской власти вы знаете. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим. Нужна какая-то гарантия. Вот мы и предлагаем дать возможность старым общественникам эту гарантию дать... Ведь, старая общественность потому и «общественность», что она ни на какие фальшивые сделки не пойдет... И это за рубежом знают...

– Так говорили посланцы.

– Итак, вы настаиваете на декрете? Кто выработает этот декрет?

– Мы...

– С нашего согласия, конечно?

– Ну, конечно...

– Хорошо, я доложу Совнаркому и извещу вас.

Простились, ушли. События развивались с быстротой чисто большевистской. На другой же день Каменев сообщил, что Совнарком согласен издать положение о Комитете и просил представить текст его.

Тогда началась лихорадочная работа уже в недрах общественности.

Работа и... пытка.

В недрах общественности

Пока шли переговоры с Кремлем, в Москве только и разговоров было, что о Комитете. «Общественность» за это время развернула все свои фланги. Их было несколько. В центре встали люди, которых не надо было ни звать, ни разъяснять им идею Комитета: люди, сразу решившие, что дело это они должны делать. Затем два фланга. Один – колеблющийся. Идти или не идти? Были старые общественники, по три или даже по четыре раза записывающиеся в Комитет. Запишется, – позвонит: «Я выхожу». «Пожалуйста». Снова звонит: «Я передумал. Запишите меня». «Пожалуйста», и т. д. На этих людей было жалко смотреть: и хочется, и страх берет... Чего боялись? Двух вещей: «мнения непримиримых» и «подлости большевиков». Некоторые приходили и спрашивали в упор: «А прирожденную подлость большевиков вы учитываете?». «Да учитываем». Другие приходили на собрания, обрабатывающие текст декрета и разражались филиппиками на «соглашательство», грозили «анафемой будущей России» и т. д. Особенно памятен мне один из этих грозных обличителей... Не хочется называть его имени... Он говорил, что мы «порочим общественность», что мы «навсегда стираем ее имя» и т. д. В Комитет он не вошел. А когда уже весь Комитет сидел в тюрьме и некоторые члены его были под угрозой смерти, этот моралист подарил большевикам свое имя и свое участие в деле, дававшем им и гарантию, и укрепление... Буквально, мы башмаков не успели износить... А его имя уже красовалось, как имя «незаменимого спеца»...

Это был самый неприятный тип людей. Центр постановил: никого не уговаривать и включать в список лишь тех, которые без всяких уговоров понимают необходимость этого дела. В самом деле: не маленькие... Должны же знать, на что идут и как «порочат» свое имя...

А потом был фланг, особенно старавшийся именно об этом: чтобы русская общественность не «опорочила» своего имени. Этот фланг развил широкую агитацию против дела Комитета. Во главе агитации были С. П. Мельгунов и В. А. Мякотин. Нам особенно важно было притянуть к делу деятелей кооперации. Это была тогда все еще живая сила, активная и в деревнях, и в провинциальных городах. Центр ее, Московский народный банк и прилегающие к нему организации сразу же вошли активными членами Комитета. В других организациях кооперации вел агитацию В. А. Мякотин все на ту же тему: не идти, не «пачкаться»... В некоторых организациях про-

мысловой кооперации имел успех: выносили постановления: не идти.

В нашей квартире происходили почти непрерывные заседания. На некоторых бывало человек по 70. В одно из таких заседаний как грозный вихрь ворвался С. П. Мельгунов: пришел обличать. Я его встретила, увела в отдельную комнату и просила его не заботиться о погибших, об отпетых людях: они уже утратили всякое представление о морали и уговаривать их бесполезно... Что же касается его волнения, то оно, по меньшей мере, беспредметно: никто из членов Комитета не обращался к нему с просьбой об участии... Чего же волноваться? Такие, как он, и охраняют «общественность» от упреков в «падении»...

Да, это была пытка... Пытка главным образом потому, что в этих заботах об охране «чести общественности» совершенно уплывал из поля зрения основной вопрос: ну, да, честь, честь... А как же помочь голодающим? Умыть руки?

Любопытно в этом смысле настроение покойного Н. Н. Кутлера. Мы его привлекли в Комитет в очень тяжелый для него личный момент: он только что отсидел, кажется, год в большевистской тюрьме, был очень подавлен, нервен и болен физически. Подняв свои умные, много видевшие глаза, он внимательно слушал нашу речь об идее Комитета. Затем задумался, молчал.

– Это дело необходимо делать, решил, наконец, он, и я согласен встать на самое ответственное место.

– Вы верите, Николай Николаевич, что нам удастся его сделать?

– Ни одной минуты... Не верю... Кое-что, конечно, мы сделаем. Крикнем «караул» для заграницы. Это все, что мы можем сделать. Наша роль – маленькая. Но она и большая – по смыслу и ходу событий. Иначе поступать нельзя. Я подумал: или сложить руки, или идти. Надо идти... А что касается упреков в «соглашательстве», то предложите этим господам поскорее сменить советскую власть... Это их успокоит; ну, а мы, грешные, будем делать дело с той властью, которая сейчас есть, и которую сменить мы не в силах... Чего же трепать язык?

Ник. Ник. был затем самым аккуратным членом президиума Комитета, вникавшим в каждую мелочь, не пропустившим ни одного собрания, подававшим советы всегда прямые, умные и непосредственно деловые. Я понимаю, почему именно этот замученный человек понадобился затем большевикам, когда они признали, наконец, необходимость «буржуазной денежной системы» и упорядочили советский бюджет.

Еще следует упомянуть о партиях...

Я не знаю, были ли какие-либо заседания центрального комитета ка-де партии. Но виднейшие ее члены вошли без разговоров в Комитет. Популярный в Москве бывший член Временного правительства Н. М. Кишкин стал душою Комитета, членом его президиума и заместителем председателя. Столь же активную роль играл покойный М. М. Щепкин, Ф. А. Головин, П. А. Садырин, Н. Н. Кутлер и др. Партии с.-р. и с.-д. в общем, Комитету сочувствовали. Но предъявили требование: включить в число членов Комитета членов центрального комитета. На это Комитет ответил, что члены его принимаются персонально, что Комитет – учреждение не политическое и партийных кандидатур ставить не может. Тогда было отпечатано постановление с.-д. комитета: в центр не входить, но во всех провинциальных отделах Комитета – в особенности в голодных районах – принимать самое деятельное участие. Это постановление было принято Комитетом, как «содружественное» и в той или иной мере делу его содействующее.

Таково было отношение различных оттенков общественности. Но самым характерным было отношение обывателя. Опубликованный в «Известиях» декрет о Комитете поразил всех буквально как громом. Светопреставление. «Они, значит, издыхают». «Не иначе, как конец». Об этих обывательских умозаключениях, безусловно, имевших значение для гибели Комитета, можно было бы рассказать немало интересного. В провинции говорили совершенно открыто и прямо: им конец, организуется новое правительство. То есть думали как раз обратное тому, что думали близко стоявшие к делу люди, – сами члены Комитета...

Декрет 1

Переговоры между будущими членами Комитета и Кремлем носили самый спешный и оживленный характер. Сама «конституция» была выработана нами. Кремль внес в нее лишь небольшие поправки. Одна поправка очень характерна. В нашем тексте стоял параграф: «Комитет издает свой орган печати». Кремль ни за что не хотел пропустить этот пункт в этой редакции. Его редакция: «Комитет издает свой бюллетень». Объяснение:

– Помилуйте... Ваш пункт этот что-то от свободы печати... Тогда и все захотят... А бюллетень – это суше, это – деловое...

Мы чуть не целый день потратили на эти переговоры. Кремль был непреклонен. «Орган печати» – это что-то от «свободы». А

бюллетень – суше, деловитей... Наконец, члены Комитета уступили: пусть будет бюллетень. Тогда встал один из членов и заявил:

– Комитет слишком мягкотел... Я уйду...

– Уходите, ответили ему.

Этот член стал впоследствии весьма видным директором большевистского треста.

Второй пункт, также вызвавший длинные переговоры, – это: состоит ли Комитет лишь из одних «общественников» или же могут войти в него и коммунисты? После обмена мнениями постановлено: могут входить и коммунисты, но число общественников должно всегда превышать число коммунистов.

Все пункты обсуждены. Декрет в окончательной редакции сдан в Совнарком. Ждем решения. Составлен и именной список Комитета в числе 63 лиц.

21 июля 1921 г. утром в «Известиях» мы прочли два документа:

Декрет Всероссийского центрального комитета о Всероссийском комитете помощи голодающим и Положение о всероссийском комитете помощи голодающим. Мы позволим себе привести полностью оба документа. Тогда, в 1921 г., советские газеты еще не приходили так аккуратно в редакции зарубежных газет и текст обоих документов этой своеобразной «конституции» вряд ли многим известен.

Декрет 2

«После семи лет непрерывной борьбы, внешней и внутренней, подточившей основы хозяйственной жизни страны, – республику постигло тягчайшее стихийное бедствие, неурожай, охвативший ряд наиболее хлебородных губерний. Населению постигнутого неурожаем района грозит голод со всеми ужасающими последствиями. Справиться с этим новым бедствием может лишь объединенная, согласованная и напряженная работа всех сил народа. Ввиду этого Всер. центр. испол. комитет постановляет:

1. Учредить Всероссийский комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая.

2. Комитету присваивается знак Красного Креста, каковой обозначается на его печати.

3. Для достижения целей, указанных в параграфе 1. Комитету предоставляется: а) приобретать в России и за границей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы, необходимые для голодающего населения.

б) распределять материальный фонд Комитета среди нуждающегося населения, пострадавшего от неурожая.

в) пользоваться внеочередностью перевозок своих грузов, а также иметь и использовать свои перевозочные средства.

г) устраивать все необходимое для питания голодающих,

д) оказывать агрономическую помощь в пострадавших местах,

е) оказывать медицинскую помощь,

ж) устраивать общественные работы для населения голодающих мест,

з) собирать пожертвования и вообще принимать другие меры, необходимые для достижения поставленных Комитетом целей.

4. Для проведения работ на местах Комитет вправе организовывать местные комитеты помощи голодающим, открывать на местах отделения.

5. Для привлечения помощи и средств из-за границы Комитет вправе открывать там свои отделения, содействовать образованию заграничных Комитетов помощи голодающим России и командировать за границу своих уполномоченных. Комитету принадлежит право беспрепятственного сношения с названными органами и уполномоченными его за границей.

6. Комитету предоставляется право обсуждать те мероприятия центральных и местных властей, которые он признает имеющими отношение к делу борьбы с неурожаем и голодом, и входить с подлежащими органами в сношения о согласовании упомянутых мероприятий с его планами. Все учреждения республики как в центре, так и на местах, обязаны оказывать полное содействие Комитету.

7. Комитет имеет свой бюллетень, посвященный вопросам, связанным с деятельностью Комитета, издает брошюры и плакаты, созывает совещания для обсуждения вопросов помощи голодающим.

8. Комитет пользуется всеми правами юридического лица и может на законном основании совершать сделки и договоры, приобретать имущество, искать и отвечать на суде.

9. Средства Комитета состояются:

а) из пожертвований,

б) из натуральных фондов и денежных сумм, предоставляемых Комитету государством.

10. Деятельность Комитета не подлежит ревизии Рабоче-крестьянской инспекции. Отчет о деятельности и отчет в израсходованных суммах Комитет представляет во ВЦИК и публикует во всеобщее сведение.

11. Первоначальный состав Комитета с Председателем его и заместителем утверждается постановлением ВЦИКа. Дальнейшее избрание членов принадлежит самому Комитету.

12. Комитет действует и организуется на основании положения, утвержденного ВЦИКом.

Пред. В.Ц.И.К. – М. Калинин
Секретарь В.Ц.И.К. – А. Енукидзе
Москва, Кремль, 21 июля 1921 г.

Второй документ

Положение о «Всероссийском комитете помощи голодающим».

На основании декрета о Всероссийском комитете помощи голодающим, утверждается следующий состав Комитета:

- 1) Авсаркисов М. П.,
- 2) Бирюков П. И.,
- 3) Булгаков В. Ф.,
- 4) проф. Велихов П. А.,
- 5) Гуревич (Смирнов) Э. Л.,
- 6) Горький А. М.,
- 7) Головин Ф. А.,
- 8) проф. Дживелегов А. К.,
- 9) проф. Диатропов П. Н.,
- 10) проф. Дояренко А. Г.,
- 11) Емшанов А. И.,
- 12) Зайцев Б. К.,
- 13) Каменев Л. Б.,
- 14) президент Академии наук Карпинский А. П.,
- 15) Красин Л. Б.,
- 16) Кишкин Н. М.,
- 17) Классен К. Ф.,
- 18) проф. Кондратьев Н. Д.,
- 19) Коробов Д. С.,
- 20) Академик Курнаков Н. И.,
- 21) Кускова Е. Д.,
- 22) Кутлер Н. Н.,
- 23) Куховаренко М. И.,
- 24) Левицкий А. П.,
- 25) Луначарский А. В.,
- 26) Левицкий В. А.,
- 27) Литвинов М. М.,

- 28) Президент Академии матер. культуры Мар Н. Я.,
- 29) Матвеев И. П.,
- 30) Нольде А. А.,
- 31) Академик Ольденбург С. Ф.,
- 32) Пауфлер Н. Е.,
- 33) проф. Прокопович С. Н.,
- 34) Родионов Н. С.,
- 35) Рыков А. И.,
- 36) проф. Розанов В. Н.,
- 37) проф. Рыбников А. А.,
- 38) Семашко Н. А.,
- 39) Садырин П. А.,
- 40) Сидович П. Г.,
- 41) Сабашников М. В.,
- 42) Свидерский А. И.,
- 43) Саламатов П. Т.,
- 44) Смирнов Н. Е.,
- 45) Станиславский К. С.,
- 46) вице-президент Академии наук Стеклов В. А.,
- 47) Теодорович И. А.,
- 48) проф. Тарасевич Л. А.,
- 49) Тейтель А. В.,
- 50) Толстая А. Л.,
- 51) Угримов А. И.,
- 52) Академик Ферсман А. Е.,
- 53) Фигнер В. Н.,
- 54) Фрезе П. Ф.,
- 55) проф. Чаянов А. В.,
- 56) Черкасов И. А.,
- 57) Шляпников А. Г.,
- 58) проф. Шапошников Н. Н.,
- 59) Шер В. В.,
- 60) Щепкин М. М.,
- 61) проф. Ясинский В. И.,
- 62) Южин (Сумбатов) А. И.,
- 63) Эфрос А. М.

Комитет открывает свои действия со дня первого собрания Комитета.

Далее в Положении указывается конструкция органов Комитета – общие собрания, комиссии и т. д. В этом положении интересны пункты IX и X: IX) Местные комитеты помощи голодающим, а также комитеты заграничные, возникают с утверждения Всерос-

сийского комитета и действуют на основании положений, издаваемых последним. Пункт X: Дальнейшая организация Всероссийского комитета помощи голодающим и определение распорядка его работ определяются наказом и инструкциями, утверждаемыми общим собранием.

Это «Положение о Комитете», так же как и декрет, подписано Калининым и Енукидзе.

Опубликование декрета и положения произвело огромное впечатление. На местах это опубликование вызвало немедленную организацию местных комитетов. Люди организовывали их, не дожидаясь сигнала из центра. Такова была потребность в каком-то действии, проявлении воли к жизни перед лицом великого несчастья. Страна зашевелилась и готова была к работе на почве самоорганизации: тогда диктатура не вытравивала еще окончательно старые навыки. Хотелось бы верить, что не вытравлены они и теперь...

Это были светлые минуты недолгой жизни Комитета. Но, почти одновременно с его рождением за спиной его выступила и стала настойчиво продвигаться вперед – зловещая тень... Кажется, на третий или на пятый день после опубликования декрета мне позвонил человек, входящий в Кремль. Так как разговор происходил ультрадискретно, – не буду называть его имени.

– Мне нужно спешно видеть вас.

– Пожалуйста, приходите.

Пришел, стал оглядываться: нет ли кого...

– Говорите спокойно, здесь мы одни.

– Видите ли... Случайно мне пришлось узнать из самого достоверного источника, что Комитету грозит величайшая опасность...

– Но Комитету всего несколько дней жизни. Разве он успел в чем-либо проявить себя преступно?

– Дело не совсем в преступлении...

– В чем же дело?

– Дело в декрете. Этот декрет противоречит всему советскому строю...

– Зачем же на него согласились?

– Его дал Кремль... Но кроме Кремля есть еще Лубянка. Лубянка заявляет прямо и определенно: мы не позволим этому учреждению жить...

– Вы это слышали сами?

– Да. Я слышал сам.

– Зачем вы мне это сообщаете? Вы думаете, что Комитет должен сейчас же покончить самоубийством?

– Нет, конечно. Это невозможно, это было бы трусостью. Но вы и другие члены-инициаторы должны быть сугубо осторожны: повторяю, опасность велика...

– Благодарю вас за сообщение. Но я должна сказать, что эту опасность мы чувствуем с первой минуты зарождения идеи Комитета...

Когда затем эта «опасность» разразилась и мы попали в тюрьму, а после пребывания во Внутренней тюрьме Лубянки были перевезены на некоторое время в Бутырскую тюрьму, там в «Моке» и «Жоке» (мужские и женские одиночные камеры) пришлось сидеть с социалистами. Мой муж сидел с Гоцем, Тимофеевым, Донским, Лихачем, Даном, Николаевским, Альтовским и другими виднейшими членами центральных комитетов обеих партий. Мужская камера (да и женская также) встретила вновь прибывших членов Комитета как давно жданных гостей, а Гоц сказал:

– Знаете, мы ведь, здесь получаем газеты в день их выхода. Так вот, как только мы прочли декрет и положение о Комитете, я сказал товарищам: товарищи! Надо готовить камеры для инициаторов этого дела...

Гоц оказался в высшей степени проникательным и мало доверчивым к качествам коммунистической диктатуры даже в такой тяжкий для страны момент, как голод миллионов людей. Но Комитету предстояло все же жить и действовать. Лубянка протерпела эту занозу в теле советского строя целых 5 недель. За эти пять недель мы все время видели эту ужасную тень Лубянки. Но видели и другое. То другое, что могло бы искупить всякое страдание в будущем: мы видели живую страну... Ведь, в этом «оживлении» и была главная опасность. Мы почувствовали биение пульса в общественном теле приникшей страны. В «красе ее заплаканной и древней» было много такого, что запомнилось на всю жизнь. Как же мы жили эти пять недель?

Две декларации

Когда все переговоры с Кремлем, с одной стороны, и с общественными деятелями – с другой, были совершенно закончены и декрет ВЦИКа должен был появиться в газетах, явилась идея (совершенно не помню, с чьей именно стороны), сделать две декларации в публичном собрании, дабы не было сомнений, что обе стороны нашли какую-то общую линию, обуславливающую их взаимоотношения. В Белом зале Московского совета произошло предвари-

тельное заседание Всероссийского комитета помощи голодающим, – под председательством Л. Б. Каменева.

Характерна была обстановка этого собрания. Внизу, у входа, стоял красноармеец. Перед ним, на столе, лежал список приглашенных на заседание лиц. Он водил пальцем по списку, оглядывал вновь приходящих и спрашивал: «Ты, который тут?» И, когда пришедший находил свою фамилию, он милостиво разрешал: «Проходи»...

В самой зале, кроме членов Комитета и Каменева, никого не было. Только на хорах было несколько зрителей этого неслыханного и невиданного в советской России спектакля. После открытия заседания, от имени общественников оглашает декларацию Н. М. Кишкин. Я не буду излагать ее целиком. Но некоторые места, наиболее характерные, приведу. Прежде всего – обращение: «Граждане – представители власти!» Надо заметить, что декларация эта обсуждалась в нескольких пленарных заседаниях и каждое выражение ее подвергалось критике. То, что огласил Кишкин, явилось уже результатом соглашения всех членов Комитета. Далее шло подробное изложение всех обстоятельств, приведших общественников к их решению. Подчеркивалось еще и еще раз, что работа пойдет по линии Краснокрестной, без вмешательства в политику власти, поскольку сама власть не будет – со своей стороны – давать к этому повод. Текстуально следует отметить следующие абзацы декларации:

«Краснокрестная работа наша, лишенная всякого элемента политической борьбы, должна происходить гласно, открыто, под знаком широкого общественного контроля и сочувствия. Со своей стороны, центральная и местные власти должны обставить работу Комитета и объединенных им общественных сил такими условиями, которые содействовали бы наибольшей работоспособности, подвижничеству и сплоченности всех борцов со страшным бедствием. Мы должны иметь право сказать не только внутри страны, но и там, за рубежом, в тех странах, куда мы вынуждены обратиться за временной помощью, что властью поняты задачи момента, что ею приняты все зависящие от нее меры, гарантирующие работникам по голоду законную защиту их деятельности, скорое продвижение и полную сохранность всех грузов и пожертвований, предназначенных для голодающих. Только при строгом соблюдении этих условий Комитет сможет оказать действительную, а не фиктивную помощь погибающим людям... Впереди трудный путь и идти по нему надо твердо, с верой в Россию и в творческую силу ее народа. Сегодня, в этой встрече, мы даем взаимное обязательство всю ра-

боту по спасению голодных поставить под знак Красного Креста. И да будет он залогом веры в успех нашего дела».

Отвечал на декларацию – от имени власти – Л. Б. Каменев. Он сказал, что правительство принимает условие аполитического характера работы и «не собирается делать из данного начинания никаких политических выводов. Оно полагает, что и другая сторона не имеет таких намерений. Что касается гарантий, то всем известно, что мы находимся в условиях чрезвычайно тяжких. Мы должны были бороться, существовать в условиях гражданской войны. Мы создали диктатуру пролетариата. Это определяет характер тех гарантий, которые может дать правительство. Мы гарантируем деловой работе Комитета все условия, которые могут сделать успешными ее практические результаты. Деловая работа не встретит никаких препятствий со стороны правительства и местных властей. Наоборот, она будет встречать поддержку на каждом шагу. Мы знаем, что ресурсов у нас мало, что их недостаточно для того, чтобы хотя в незначительной мере помочь бедствию. Требуется помощь из-за границы... Правительство вполне сочувствует идее, что Комитет самостоятельно будет распоряжаться всеми фондами и всеми продуктами, которые будут к нему поступать... Правительство абсолютно уверено, что соединенными усилиями трудовых масс и общественных деятелей удастся преодолеть все препятствия и доказать миру, что советская Россия работает на благо трудящихся масс».

Таковы были две декларации... По содержанию, ответ Каменева вполне удовлетворил членов Комитета: гарантии даны были публично, открыто, не келейно, не в «частных переговорах» через посредников! Однако позиция общественников далеко не удовлетворяла власть. Эту неудовлетворенность, почти враждебность к ней, обнаружил вскоре же Луначарский. Он вскрыл наглядно, что именно раздражало власть в этой позиции. Когда вышел № 1 газеты Комитета «Помощь», в ней, тотчас же после передовой, была помещена статья «Под Красный Крест». В этой статье развивались идеи, которые уже были отчетливо выражены в декларации Кишкина. А рядом с ней была помещена статья, присланная газете Луначарским. В этой статье Нарком Просвещения писал: «Коммунистическая партия – партия боевая, ревнивая о своем идеале, сознающая свою обособленность от других общественных групп, в такой момент и перед лицом такой нужды, не может отказать в широком праве самодеятельности даже людям, которые, приходя к ней, говорят: «Никакого политического перемирия, но – Красный Крест!»

Этой тирадой Луначарский весьма точно, весьма метко и более откровенно, чем дипломатический Каменев, определил положение. Да, тогда, в 1921 г., не было места для «политического перемирия». Была единственная возможность работы – под Красным Крестом... Этот вызов Луначарского редакция «Помощи» приняла. К его статье ею было сделано следующее примечание: «Мы с особенным удовлетворением даем место статье представителя правительства, А. В. Луначарскому, который одним штрихом вполне точно определил основу соглашения между правительством и силами общественными на почве Краснокрестной».

Все понимающие люди уже тогда считали судьбу Комитета предрешенной. Если для общественников понятие «Красного Креста» было наполнено живым содержанием, полным смысла и ненарушимым для тех, кто его понимал и принимал, то для «обособленной» и всем чуждой, всем враждебной коммунистической партии это понятие не заключало в себе никакого «святого» смысла. Для нее гражданская война была тогда единственным смыслом, все пронизывающим, все, до последнего атома, напитывающим враждой и обособленностью. И эту ее сущность превосходно обнаружил Луначарский.

Не было поэтому иллюзий у людей, выкинувших флаг Красного Креста. Но была реальность: ведь и партия сознавала – в силу трагизма положения – что до поры, до времени этот флаг она должна принять, должна сделать вид, что смысл этого понятия не чужд и ей.

На этом же собрании Каменевым была прочитана ответная телеграмма покойного В. Г. Короленко. Он соглашался принять звание почетного председателя Комитета и посвятить делу борьбы с голодом все свои силы.

Закрывая собрание, Каменев сказал: «Будем надеяться, что голодающее население вскоре почувствует результаты соединенных усилий рабоче-крестьянской власти и созданного сегодня Всероссийского комитета помощи голодающим».

Первое действие в драме «соглашательства» окончилось. Расходясь, члены Комитета спрашивали друг друга: «Верите ли вы в данные Каменевым обещания?».

– Должны верить... И хотим верить... – звучал обыкновенно ответ.

Работа комитета

Следующего же дня особняк на Собачьей Площадке загудел как улей: началась работа. С раннего утра на площадке, перед окнами Комитета, выстроились дети; стройно, рядами, стояли они и слушали какую-то команду своего начальника – мальчика 13–14 лет. Это бойскауты пришли предложить свои услуги Комитету. С тех пор они служили точными почтальонами, разнося по городу поручения Комитета, – всегда на месте, всегда деятельные, готовые исполнить свои «семь хороших дел в день».

В этот же день явились студенты. При Комитете немедленно образовалась студенческая секция. В тринадцати высших учебных заведениях она образовала «ячейки» Комитета: студенческими силами, как для работы в центре, так и для поездок на места, для сопровождения поездов, для службы в санитарных поездах, Комитет мог располагать вполне. Правда, тип этих помощников был уже другой, не такой, как во время голода 1891–1892 гг. Но это – особая тема, здесь нет для нее места.

Сам Комитет разбился на отделы. Ежедневно прибывали делегаты с мест, получались телеграммы о размерах голода. Установить действительные размеры голода, – это была одна из важнейших задач Комитета: у власти имелась явная тенденция приуменьшить бедствие.

В первые же дни жизни Комитета организовались писатели и артисты. Союз писателей в заседании своего правления выразил полное сочувствие идее и работе Комитета и принял на себя ряд практических заданий:

- 1) организовать лекционную Комиссию для постановки по всем городам публичных лекций со сборами в пользу голодающих;
- 2) обратиться от имени Союза с воззванием о голоде к русским гражданам и к общественному мнению Европы и Америки;
- 3) издать сборник в пользу голодающих;
- 4) издать сборник статей о голоде на иностранных языках, для чего была избрана комиссия в составе: М. О. Гершензона, Ю. И. Айхенвальда, Б. К. Зайцева, Г. И. Чулкова и П. П. Муратова;
- 5) предложить членам Союза принять самое широкое участие в работах Комитета личным трудом;
- 6) увеличить членские взносы на 100 % в пользу голодающих;
- 7) платить за вход на литературные собрания Союза в пользу голодающих.

При самом Комитете организовалась Литературная комиссия, которая выпустила ряд воззваний: «К сектантам», «К молодежи»,

«К гражданам Москвы» и «К крестьянам». Эта же Комиссия помогла редактору газеты Комитета М. А. Осоргину.

С особой энергией откликнулись на призыв Комитета артисты. Состоялось многолюдное собрание их под председательством К. Станиславского. Было избрано исполнительное бюро в составе 17 человек: К. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, М. Ипполитов-Иванов, Л. Собинов, О. Правдин, А. Бахрушин, М. Комиссаров, В. Никулин, М. Шлуглейт, П. Лучинин, К. Фельдман, Б. Чайковский, Богданович, Гольденвейзер, Кузнецов, Незнамов. Два места решено было предоставить Рабису и Губрабису. Последний делегировал в бюро А. Шумского. Это бюро разработало вопрос о театральные поездках со сборами в пользу голодающих, о спектаклях, вечерах и т. д.

О том, как горячо откликнулись центральные кооперативные организации, мне приходилось уже говорить в первой части статьи. В начале работы Комитета такие энергичные кооператоры, как П. А. Садырин, Д. С. Коробов, М. П. Авсаркисов и др. целиком отделились ей и были незаменимой опорой в хозяйственных мероприятиях Комитета (сбор пожертвований через сельские кооперативы, закупки по льготным ценам и т. д.).

Немедленно также организовался в Москве «Комитет имени Л. Н. Толстого по организации помощи голодающим», который работал в полном контакте с общественным Комитетом.

Так, широко откликнулись работники на призыв Комитета в Москве. Затем Комитетом сделан был следующий шаг, вызвавший тогда большое неудовольствие власти: – обращение к церкви...

Патриарх Тихон

Что заставило Комитет обратиться к церкви и, прежде всего, к главе ее, Патриарху Тихону? Два до чрезвычайности важных мотива.

Первый мотив. Даже при страшной угнетенности духа русской интеллигенции в 1921 г., – после всех пережитых страданий, – ее все же не трудно было организовать в центрах, – Москве и Петрограде. Но ведь это была лишь малая часть задачи. Оставалось самое главное: места катастрофы, – голодные районы и районы благополучные, но оторванные от центров, глухие к призывам и полные шепотами самого невероятного и мистического типа. Надо было, – совершенно необходимо было, – чтобы кто-то на местах, в глуши, в особенности в местах паники, стоял на посту и был бы в то же время связан с центром. Сами московские власти тогда откровенно

признавались, что местами они «еще не овладели». Там еще продолжали тогда творить суд и расправу ревкомы, – остатки революционных комитетов времен Октября. Школы – почти не действовали; врачи и учителя боялись пошевелиться. Крепче всего связаны были с крестьянами священники, церковный причт. Но ведь и он мог поддерживать нелепые слухи о посланцах из центра, – работниках Комитета. Ведь именно из глухих мест пришли вредные для дела Комитета слухи, что «в Москве села новая власть». Надо было, следовательно, осведомить церковную интеллигенцию о начатом деле и обязательно подчинить ее общей воле. Конечно, эту задачу мог выполнить не сам Комитет, а лишь высшая церковная власть.

Второй мотив – обращение к загранице. Огромное влияние церкви за границей для дел благотворительности – известно. Но побудить ее к этой благотворительности могла лишь русская церковь и, прежде всего, ее глава, – Патриарх Тихон. Исходя из всех этих соображений, президиум Комитета направил к Патриарху Тихону двух своих членов: Н. М. Кишкина и С. Н. Прокоповича. Патриарх Тихон проживал тогда в кельях Троицкого монастыря под строжайшим чекистским надзором. Человек с велосипедом безотлучно дежурил у ворот монастыря, а служка просил расписываться в книге каждого входящего.

Патриарх Тихон тотчас же принял членов Комитета, внимательно выслушал их, подробно осведомился о всех деталях, о взаимоотношениях с властью и глубоко задумался. Думал долго, затем произнес:

– Это дело нужно делать; я вас благословляю на него и сам буду содействовать ему. О дальнейших моих шагах в этом направлении Комитет будет извещен.

Патриарх долго беседовал затем с посланцами, угощая их чаем с липовым медом.

Через день комитет уже имел ответ Патриарха. Он прислал Комитету свое воззвание, с просьбой отпечатать его в 100 000 экз. Затем сообщил, что им организован Церковный комитет, в основу которого положены параграфы декрета об Общественном комитете и который будет работать в контакте с этим последним, и, наконец, что действия Церкви должны открыться «Всенародным молением» в Храме Христа Спасителя. Он просил Комитет взять на себя все хлопоты по отпечатанию возвания и по испрошению у власти разрешения на Патриаршее служение в означенный день. Воззвание должно было раздаваться молящимся около храма. Президиум ответил, что он в точности выполнит все эти поручения Патриарха.

На вечернем заседании Президиум доложил о своих сношениях с Патриархом. Каменев выразил свое крайнее неудовольствие словами:

– Для чего Комитет берет на себя эту организацию сил контр-революции?...

В твердых выражениях Президиум объяснил – для чего. После некоторых трений, Каменев, однако, обещал все требования Патриарха выполнить, в том числе и отпечатать воззвание, – ибо не было тогда в Москве возможности что-либо напечатать без особого разрешения, без отпуска бумаги, без назначения наряда типографии, – и, наконец, не препятствовать всенародному молению. Тут же ему вручили воззвание Патриарха.

«Воззвание Патриарха Московского и всея России Тихона о помощи голодающим»

Величайшее бедствие поразило Россию. Пажити и нивы целых областей ее, бывших ранее житницей страны и уделывших избытки другим народам, сожжены солнцем. Жилища обезлюдели и селения обратились в кладбища не погребенных мертвецов. Кто еще в силах, бежит из этого царства ужаса и смерти без оглядки повсюду, покидая родные очаги и землю. Ужасы неисчислимы. Уже и сейчас страдания голодающих и больных не поддаются описанию, и многие миллионы людей обречены на смерть от голода и мора. Уже и сейчас нет счета жертвам, унесенным бедствием. Но в ближайшие годы оно станет для всей страны еще более тяжким: оставленная без помощи, недавно еще цветущая и хлебородная земля превратится в бесплодную и безлюдную пустыню, ибо не родит земля не посеянная, и без хлеба не живет человек.

К тебе, Православная Русь, первое слово мое!

Во имя и ради Христа зовет тебя устами моими Святая Церковь на подвиг братской самоотверженной любви. Спешите на помощь бедствующим с руками, наполненными даров милосердия, с сердцем, полным любви и желания спасти гибнущего брата. Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных Святынь, исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святыми Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на Святой подвиг и его совершая, – да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верой в благодатную помощь свыше призывы ваши к Святому делу Спасения погибающих. Паства родная моя! В годину великого посещения Божия, благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоём светлые, незабвенные деяния благочестивых предков, в го-

дины тягчайших бед собиравших своею беззаветною верой и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь. Неси и ныне спасение ей – и отойдет смерть от жертвы своей.

К тебе, человек, к вам, народы вселенной, простираю я голос свой:

Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода! Не до слуха только, но до глубины сердца вашего пусть донесет голос мой болезненный стон обреченных на голодную смерть миллионов людей и возложит его на вашу совесть, на совесть всего человечества. На помощь не медля! На щедрую, широкую, нераздельную помощь!

К Тебе, Господи, воссылает истерзанная земля наша вопль свой: «пощади и прости». К Тебе, Всеблагий, простирает согрешивший народ Твой руки свои и мольбу: «Прости и помилуй».

Во имя Христово исходим на делание свое: «Господи, благослови».

ТИХОН – Патриарх Московский и всея России

После обсуждения в Совнаркоме текста этого воззвания, Каменев позвонил в Комитет и заявил:

– В таком виде это воззвание напечатано быть не может. Попросите Патриарха выкинуть слова: «Молитвою у престола Божия, у родных Святынь, исторгайте прощение Неба согрешившей земле». Что это такое? Какой согрешившей земле? Мы не можем печатать весь этот мистический бред!

– А мы, – ответил говоривший с Каменевым член Комитета, – не можем цензуровать Патриарха... И вам, Лев Борисович, не советуем... У каждого – свой язык. Комитет очень убедительно просит вас не касаться воззвания... Просим вас оставить его в том виде, в каком оно написано рукою Патриарха...

– Дам ответ, – еще более сердито сказал Каменев.

– Ответ был благоприятный. В день всенародного моления воззвание, прекрасно отпечатанное, было получено Комитетом в 100 000 экземплярах.

А в это время Патриарх продолжал с неутомимой энергией свою работу. По радио им было послано обращение к Архиепископу Кентерберийскому с горячей мольбой о помощи русскому народу⁶. Об этом, и вообще о своих начинаниях, Патриарх известил Комитет особым письмом (от 5-го августа 1921 г.), в котором, между прочим, писал: «Православная Церковь никогда и ни при каких обстоятель-

ствах не проходила безучастно мимо постигавших русский народ бедствий. Так и ныне. Я уже обратился через представителей церковной власти к народам тех стран, которые Господь благословил обилием хлебного урожая с призывом прийти на помощь населению России. Теперь же считаю своим долгом обратиться ко всем верующим чадам Церкви Российской – духовенству и мирянам – с воззванием по чувству христианского милосердия принять самое широкое и деятельное участие в оказании помощи всем пострадавшим и страдающим от голода. Я уверен, что каждая епархия, каждая приходская община, каждый отдельный член Церкви почтут своим христианским долгом внести посильную лепту на это великое дело и примут возможное участие в работе Церкви по оказанию помощи голодающим. Вся работа Церкви в этой области будет происходить под моим общим руководством и наблюдением. Для этой цели организуется Церковный комитет. Для установления живой связи с Всероссийским комитетом помощи голодающим и его местными органами Церковный комитет назначает особых уполномоченных».

Не знаю, подозревал ли покойный Патриарх, что развивая столь могучую энергию и поднимая на дело спасения всю верующую Россию и за границу, он наносит смертельный удар самому делу вмешательства общественных сил? Ведь, в глазах большевиков проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции...

Всенародное моление

Во исполнение своих постановлений, Патриарх назначил на 5-е августа «Всенародное моление» в Храме Христа Спасителя. При господстве классовой терминологии самое название «всенародное» зазвучало мотивами прошлого... Такого недавнего и в то же время далекого, не забытого, но придавленного необычайными и страшными событиями...

На это моление пришли и верующие, и неверующие. Когда я подходила к 5 часам дня к Храму, – вся площадь вокруг него была залита народом. Стояли плотно, молчаливо, – тихая, безмолвная, сосредоточенная в себе, толпа. С громадным трудом продвинулась к храму. На паперти стояли люди с тарелками. Они раздавали воззвание Патриарха и собирали пожертвования «жертвам голода». В этот день около Храма было собрано 10 000 000 рублей. В самый Храм почти невозможно было войти: стояли плечо к плечу. Патриарх – страшно бледный, в светло-голубом патриаршем одеянии.

Я не знаю правил патриаршего служения. Но на этот раз оно часто прерывалось абсолютным молчанием священнослужителей,

притча, хора. Эти паузы производили прямо потрясающее впечатление. До сих пор не могу объяснить себе – почему? Почти неизменно во время этих пауз слышалось рыдание. То тут, то там... Патриарх стоял неподвижно, точно застывшее бледное изваяние... Затем снова продолжалась служба.

Вот придвинулся ко мне мой знакомый, человек верующий. Глаза вспухли от слез; сам – в необычайном волнении.

– Здесь много коммунистов, – каким-то зловещим шепотом сказал он мне. Зачем они здесь?..

– За тем же, за чем и мы с вами... Как можете вы так говорить? Патриарх назначил всенародное моление... Зачем вы так говорите?

– Я не могу их видеть здесь, в храме...

– Вам нужно отсюда уйти... Вы не готовы к тому делу, ради которого все здесь. По-моему, с чувством вражды здесь нельзя стоять... Ее достаточно и без того. Разве не нужно что-то перевернуть в душе, чтобы это дело двигалось?

– Нет, этого дела мы не сделаем... Религиозный пафос верующих так же насыщен враждой и ненавистью, как и пафос марксистский... Нет, мы этого дела не сделаем... Война еще в душах... Все ею отравлено...

А тихий, слабый голос Патриарха призывает к подвигу, к милосердию во всеобщем единении. Кончилась служба, и Патриарх говорит речь – о голоде, о нашем служении – страждущим. Опять рыдания...

Вот кончил и речь. И снова стоят неподвижно Патриарх и толпа. Сделал знак. Вереницей стали подходить к нему под благословение. И так стоял, благословляя, несколько часов, – до полного изнеможения. А народ все шел, шел. Подходили все новые вереницы с площади. К концу 1921 г., – четыре года спустя, после Октябрьской революции, – мистика православия была еще в полной, не угасшей силе...

Англичане

Между тем Комитет продолжал работу. Вокруг этой работы сразу же стали появляться грозные облака, предвещавшие бурю. Облака наплывали стихийно, неостановимо. Воля Комитета не могла не только парализовать нарастающие столкновения, но даже сколько-нибудь ясно предвидеть их. Если действия Церкви были, до известной степени, вызваны самим Комитетом, то другие события выплывали совершенно неожиданно.

В один вовсе не прекрасный день, часов в 12 дня, около подъезда остановился автомобиль с английским флагом. В зал Комитета быстро вбежал полный, жизнерадостный англичанин и сказал:

– Я секретарь мистера Годжсона, – представителя английской торговой делегации. Мистер Годжсон желал бы лично беседовать с президиумом Комитета...

Ему указали помещение президиума. Он так же быстро вернулся к автомобилю, и через несколько минут Н. М. Кишкин и другие члены Комитета уже беседовали с главой первой английской торговой делегации, – впоследствии и политическим представителем Англии.

– Мое правительство поручило мне приветствовать Общественный комитет и просить его дать совершенно точные сведения о размерах голода и о размерах необходимой помощи...

Все разъяснения по этому поводу давал Годжсону С. Н. Прокопович. Он показал им образцы хлеба, которые были собраны Комитетом в голодающих губерниях. На некоторых кусочках красовалась бесстрастная надпись: «От этого хлеба в животе заводятся черви и многие от него умирают». Кусочков было много, все различные. Вот лепешка из корней лесных растений. Из желтого сухого порошка. Вот кирпичик с конским щавелем. Вот лепешка из молодой липовой древесины. Вот зеленый хлеб из листьев липы. Лебеда, корни, листва и древесина липы, конский щавель, просовая шелуха, глина – все это «материалы», из которого делается хлеб. Глину не везде можно было достать. Поэтому она продавалась на рынках по 500 руб. за фунт.

Все это показывается англичанам.

– Сколько же нужно пудов зерна для того, чтобы вот этого не было? – спросил Годжсон.

– По самым минимальным расчетам, Россия должна получить извне 240 миллионов пудов, – был ответ.

Годжсон рассказал, что по радио получено воззвание Комитета⁷ и что Европа обсуждает вопрос о коллективной помощи держав. Сообщил также, что английское правительство прислало с ним разрешение на въезд делегации в Англию.

– Вы уже были в Кремле? – спросил мистера Годжсона Н. М. Кишкин.

– Нет... Мой первый визит – мы приехали только сегодня утром – был к Патриарху Тихону. Второй – в Общественный комитет.

Когда Президиум рассказывал эту сцену нескольким членам Комитета, один из них подвел итог:

– Уравновешенный англичанин, вероятно, и не подозревает, что сегодня в некотором царстве, в некотором государстве зарегистрировано первое страшное преступление Комитета: – «измена», смычка с иностранцами...

– Нет, второе, – возразил другой. – Первое – смычка с русской церковью... Которое больше – трудно сказать.

После первого посещения англичане зачастили то в Комитет, то на частные квартиры членов Комитета. Им все было интересно в «новой» России. Многого они, впрочем, и тогда уже не могли понять: английские мозги русской логики не вмещали... Долго не могли они вместить и того, что мы – не совершая с ними никакого преступления – их боимся...

Красная армия

Разрешив Комитет, сов. власть с первой же минуты «совместной» работы начала против него скрытую (а, иногда, и очень открытую) компанию. Компания отличалась специфической большевистской хитростью: другой, право же, таких «штучек» не выдумал бы... Рядом с Комитетом была с первых же дней организована Всероссийская комиссия по борьбе с голодом при ВЦИКе. Расчет прямой: кто из приезжих из провинции сразу разберет, где Комитет и где Комиссия? Когда Комитет организовал газету «Помощь», сов. газеты объявили, что будет издаваться властью газета «На помощь!» Все это хитрости мелкие. Но я хорошо помню, как угнетающе действовали эти выходки, какие суждения о «неблагородстве» власти в заключенном соглашении они вызывали.

И вот, однажды, – в самом начале работы Комитета, – в темном коридоре нашего помещения, раздался какой-то шум и топот многих ног. Я растворила дверь и увидела картину: человек шесть красноармейцев, с саблями наголо, движутся кучкой по коридору, что-то неся. Что это такое? Что за воинство? Спрашивают, где приемная Комитета. Указала. Иду в президиум, сообщаю об этом воинском нашествии. Затем возвращаюсь в приемную и вижу мирнейшую картину: стол, за столом наш кассир и против него какой-то красный офицер. Весь стол завален бумажками (деньгами); кругом стола стоят красноармейцы, опять-таки, с шашками наголо. Кассир молча считает деньги.

– Двадцать пять миллионов? – говорит он.

– Да, 25 миллионов, – отвечает офицер.

– Как записать их?

– Запишите: от имени Реввоенсовета – Общественному комитету.

Это пожертвование произвело в Комитете сенсацию. Во главе Реввоенсовета, как известно, стоял тогда Троцкий, один из влиятельнейших представителей власти в 1921 г.

Вечером, в заседании Президиума, докладывают об этом пожертвовании.

– Что такое? – спрашивает Каменев, как будто не поняв, о чем идет речь.

Повторяю доклад.

– Это – несомненная ошибка, – говорит он. – Пожертвование занесли не туда. Оно предназначается не Комитету, а Комиссии при ВЦИКе... Во всяком случае, подождите заносить в книгу... Я справлюсь... Говорю же вам, что это – ошибка...

На другой день от него звонят. Нет, не ошибка... Пожертвование – Комитету. Его так и надо занести в книгу: от Реввоенсовета.

Комитету так и осталось неизвестным, каким образом столь монолитная партия не сговорилась тогда в столь щекотливом деле.

Через несколько дней к одному из членов Комитета явился посланец от генерала Брусилова.

– Генерал болен и очень жалеет, что не может говорить с вами лично. Я передаю вам его поручение. Он просит записать его в члены Комитета и сообщить вам, что он и, вероятно, многие его сослуживцы по Красной армии, примут самое деятельное участие в работах Комитета.

– Позвольте передать через вас генералу Брусилову добрый совет, – ответил посланцу этот член Комитета: – будет неизмеримо правильнее, если Красная армия совсем не вмешается в это дело. Это, впрочем, мой личный совет и мое личное мнение. Комитет по положению своему не имеет права никому закрывать дверей... Но это мое мнение передайте генералу... Пусть он решит, уместен совет или нет...

Посланец пристально посмотрел на говорившего, точно что-то соображал.

– Разве вы считаете совсем неполитическое дело комитета опасным? Или для Комитета опасным прикосновение генералов Красной армии? Ведь, идет же Комитет в контакте с церковью?...

– Позвольте ваши недоумения оставить не разъясненными... Передайте генералу Брусилову мое мнение без комментариев... А как он поступит, это его дело.

Больше никто от генерала Брусилова не приходил. И сам он в члены Комитета не записался. Таким образом, Комитет остался в «контакте» лишь с Реввоенсоветом...

ФИНАНСЫ КОМИТЕТА

Ленин весьма часто говорил: «Ошибка коммунаров во Франции 1871 г. была огромна: они не осмелились овладеть банками. Комиссар финансов Коммуны, Бэслей, не национализировал банки и этим поставил Коммуну в зависимость от буржуазии». Большевики этой «ошибки» не сделали и потому явились господами положения не только в политической области, но в области всей экономики. К 1921 г. никто из нас не владел ничем: все были нищими. Никто также не имел возможности не служить, т. е. быть свободным настолько, чтобы отдавать свое время делу благотворительности. Как мог работать Комитет, нуждавшийся в деловом аппарате, не имея на это никаких средств? Надо сказать, что это было одно из самых тяжелых затруднений Комитета. При начале работы большевики это затруднение поняли и ассигновали 520 млн руб. пособия, которое затем должно быть возвращено из собранных Комитетом пожертвований. Конечно, в самом этом факте нет ничего неприятного по существу: все благотворительные организации за границей, да и у нас, в России, всегда часть собираемых средств тратили на содержание аппарата. И при сколько-нибудь нормальных отношениях с властью это обстоятельство не могло бы быть использовано злостно; не могло бы быть и прикосновения к нему грязными руками и ядовитыми языками. Тем более, что сами члены Комитета понимали все неудобство такого «пособия» и всемерно стремились обеспечить Комитету самостоятельную финансовую базу. В «Помощи» была напечатана статья Н. Н. Кутлера, в которой он обсуждал именно этот вопрос – финансы Комитета. Он писал: «Правительство ассигновало пособие в 520 млн руб. Этим Комитету была обеспечена возможность немедленно приступить к работе, не задерживая ее до тех пор, пока Комитет соберет собственные средства. Комитет с особой неохотой прибег к этой помощи, ибо задача Комитета не черпать средства из государственной казны, а, наоборот, привлечь в дело помощи голодающим иные, дополнительные средства сверх тех, которыми могла бы располагать для этой цели государственная власть. Население России оскудело; преобладающее большинство его испытывает стеснение в самом необходимом. И, тем не менее, надежда на помощь иностранцев не должна ума-

лять рвения самих русских людей: было бы странным предположение, что иностранцы отнесутся к нам с горячим сочувствием в то время как сам русский народ равнодушен к своей беде».

Вот какие соображения заставили Комитет еще до поездки его делегации за границу обеспечить его работу для сбора пожертвований внутри страны. Повторяю, все это понятно и нормально при... честном отношении обеих сторон к объективному положению вещей. Но как раз этот пункт – финансы комитета – и был использован в демагогических целях с особой бесчестностью руководителем тогдашней печати, Стекловым. Писался ряд статей о том, что Комитет, прежде всего, получил от советской власти полмиллиарда рублей, а сам собрал пожертвований всего лишь 60 млн руб. Явный убыток для голодающих... Все это писалось после гибели Комитета – в оправдание его уничтожения. В одной из газет (от 4-го сентября 1921 г.) появилась статья, вылившая целые ушаты грязи на погибший Комитет. Она характерна потому, что в этом же тоне писали и все другие газеты, получившие «социальный заказ» на дискредитирование ненавистного учреждения. Комитет, как известно, существовал немногим более месяца (с 21 июля до 28 августа), главная его надежда на сборы была связана с пожертвованиями за границей, и, тем не менее, как гласит протокол пленарного заседания Комитета, под председательством Каменева, к 13-му августа пожертвований поступило не на 60, а на 350 млн руб. (доклад М. В. Сабашникова). И, тем не менее, официальная газета писала: «Однако Всероссийский комитет помощи голодающим, в просторечии именуемый обывателем «Прокукиш», занимался всем, чем угодно, но только не голодом. За почти 2-месячное существование он, по собственному отчету, собрал только 60 млн руб., в то время, как испрошенная им правительственная субсидия превышала полумиллиард. За тот же срок «Известия» собрали вдвое большую сумму. Моральный авторитет российской буржуазной «общественности» в переводе на язык цифр оказался «вдвое дешевле» авторитета коммунистической газеты. В итоге на сей операции с общественностью советская казна потеряла около 450 млн рублей... Зато «организация общественных сил» шла вовсю. Создавались комитеты и заводились уполномоченные, устраивались студенческие секции и даже привлекались к делу бойскауты в качестве курьеров для господ членов комитета. На пожертвованные деньги была заведена газета «под Русские Ведомости» во главе с ренегатом Осоргиным в качестве редактора, свершившим полный круг от вооруженного восстания 1905 г. до поддержки корниловщины в 1917 г. Первый номер газеты был выпущен с соблюдением приличий; во втором и,

волею пролетариата, последнем, приличия уже не считали нужным соблюдать. Появились корреспонденции, статьи и фельетоны, где вопрос о голоде пытались перенести на политическую почву и пробовали устроить некий наскок на большевиков и самую революцию. «Общественные деятели» добились, чего им было нужно, и заполучили в свои руки печатный орган для завуалирования агитации против советской власти. «Коробовский»⁸ проект борьбы с голодом с места в карьер, от Краснокрестной работы переходит к политически-экономическим и политическим вопросам, предусматривая право передвижения хлебных грузов для оптовых торговцев, отмену соляной монополии (правда, частичной, очевидно, в первое время) и критики налоговой политики Республики».

И вот все в этом роде. Конечно, грязь, – как часто бывает, – здесь смешана с правдой. Совершенно верно: экономические вопросы Республики встали перед Комитетом с первых же дней во весь рост. Действительно, Комитетом было возбуждено ходатайство о частичной отмене соляной монополии и действительно он «вмешивался» в налоговую политику Республики: несмотря на свой знак Красного Креста, он во всех заседаниях с правительством настаивал на полном сложении налога в 60 млн руб., падающего на голодающие губернии. Настаивал он на этом усиленно, показывая телеграммы из голодных мест в этом духе. Действительно также, что он критиковал действия власти, указывая, что не только солнце, но и руки властей являются причиной голода. Вывоз всех излишков из мест, подверженных периодической засушливости, не дал возможности крестьянам сделать даже пуда запасов про черный день. Это говорилось открыто на собраниях Комитета и не ради агитации, а ради совершенно насущных целей. Но тогда, после гибели Комитета, советской печати было дано срочное поручение: лично очернить всех его участников перед «массаами» и доказать, что Комитет был лишь маской, завесой, прикрывающей политические цели.

Читать все это было, конечно, много мучительнее, чем сидеть в тюрьме, ждать расстрела или ссылки. Чтение всей этой грязной галиматши вскрывало полностью морально-политическую обстановку жизни тогдашней России. Комитет со своими старыми принципами общественности врезался клином не только в диктатуру сверху. Он был также бельмом на глазу у всей той мошкары, которая облепила своими весьма низменными интересами советскую власть.

Пленарные заседания

Это не было «игрой в парламент», пленарные собрания, – когда собирались все члены Комитета, наркомы и чиновники соответствующих вопросу повестки ведомств. Но и не было в этом зрелище ничего утешительного. Напротив... После каждого собрания оставался неприятный осадок: особенно резко подчеркивалось, бросалось в глаза отсутствие у г. г. Наркомов искреннего желания «отчитываться» перед этим своеобразным парламентом или отвечать на его настойчивые вопросы, например, о размерах голода, о мероприятиях власти в деле сложения налогов или приведения в порядок транспорта. Парламент при диктатуре всегда невыгоден для стороны общественной: он лишний раз подчеркивает неравенство сил... Ведь тягостно было иногда сидеть даже в залах Таврического дворца, когда надрывались в красноречии члены Государственной думы, отлично сознавая, что одним жестом царского пальца Думе будет указано ее надлежащее место... Но тогда – как принято было говорить – Дума использовалась «как трибуна». У членов Комитета не было ни малейшего желания таким путем отвоевывать себе трибуну. Она была им – ни к чему. Зачем же устраивались эти собрания? Да, прежде всего, для самих членов Комитета, которые должны были ведь отвечать морально и политически за «линию» Комитета и его действия. А, кроме того, была надежда, что таким открытым путем легче сгладить – для обеих сторон – те психологические трудности, которые нагромодились за четыре года господства диктаторов. Минутами казалось, что обе стороны обстоятельствами дела притягиваются к действительномуговору и взаимному пониманию. Этой иллюзии содействовала и дипломатическая ловкость Каменева, проявлявшего, по общему отзыву, большой такт, вплоть до той минуты, когда этого такта уже не понадобилось...

Бывали на этих собраниях иностранные журналисты. Об их присутствии особенно заботился Каменев. Забыл он только предупредить их об опасности посещения ими последнего пленарного заседания Комитета 28-го августа, когда прибывшие на его журналисты были схвачены чекистами вместе с членами Комитета... Никогда не забуду выражения лица американского журналиста, который тыкал в лица чекиста часы и кричал по-английски: «Если через 15 минут вы меня не освободите, Америка объявит войну России». Несмотря на трагизм момента, эта сцена доставила всем наблюдавшим ее искреннее веселье. Опасность «объявления войны Америкой» оказалась так велика, что его, действительно, сейчас же от-

пустили. Не знаю, описал ли он потом этот «ропуск комитетского парламента» оравой чекистов человек в сто...

В этих пленарных собраниях следует отметить еще одно наблюдение. Немудрено, что на запросы Комитета неохотно отвечали полновластные диктаторы: кто смел вмешиваться в их распоряжение Россией? Но столь же неохотно отвечали и чиновники; так, чрезвычайно остро реагировал чиновник Центр. стат. управления, г. Пашковский, когда члены Комитета, экономисты, прижали его и стали доказывать неверность и тенденциозность показываемых им цифр о размерах голода и посевной площади. Диктатура развращает людей и приучает их к келейности, к охране своего ведомства от «постороннего» глаза. Не думаю, чтобы и теперешние спецы особенно стремились к «гласности», к контролю, к чистке и проветриванию их бюрократических клоак воздухом везде сующей свой нос общественности... То ли дело, сам себе господин, особенно, при умении ловко провести другого такого же господина, повыше стоящего. И очень не скоро разделается Россия с этими нравами даже и при установлении наверху учреждений формальной демократии.

<...>

Теперь мне остается рассказать о центральном пункте жизни Комитета – о сборах его делегации за границу, о замечательных прениях и препирательствах с наркочинами, – главным образом, с покойным Красиным, – при выработке инструкций ей и, наконец, о смерти Комитета из-за этой самой «делегации». К этому пункту прилежит также история сугубой заботливости Каменева по части ознакомления членов Комитета с зарубежной прессой, с «позицией г. Милюкова» и т. д. Сделавшись членами Комитета, мы получили возможность читать передовые «Последних новостей» и некоторых других зарубежных газет, вырезки которых нам любезно доставлял Л. Б. Каменев... Нужно все-таки надеяться, что «тонкий дипломат» и сам не верил, что столь явной провокацией он в нужный момент «поймает сочувственников зарубежному белогвардейству», как писала потом советская пресса. Провокация была настолько груба, что даже чекисты не очень настаивали на нашей вине, найдя затем, при обыске, эти вырезки.

Делегация

Конец эпопеи о совместной работе с большевиками на основе добровольно принятой обеими сторонами конституции хотелось бы описать с особым спокойствием и беспристрастием, – как и подобает в отношении к прошлому, будившему сложные чувства и еще более сложные размышления.

Мне уже приходилось говорить, что центральным пунктом работы Комитета и основой его надежд должна была явиться посылка делегации за границу. Быть может, теперь это обстоятельство не стало бы таким сенсационным событием, каким было тогда; ведь в 1921 г. большевики и остававшиеся под ними русские граждане еще не были вхожи в апартаменты Европы и Америки: блокада отделяла Россию от остального мира полностью... Стоял, поэтому, вопрос, – как отнесутся в Европе к этим «соглашателям», слившим свою судьбу – в гражданской войне – с судьбами Внутренней России... Сложность положения значительно увеличивалась еще и тем, что этим посланцам предстояло встретиться в Европе не только с иностранцами, но и с русской эмиграцией, об отношении которой к оставшимся в России мы хорошо знали, несмотря на блокаду. Ведь это отношение изменилось лишь теперь, после стольких переживаний. Тогда – это была другая сторона гражданской войны, еще не остывшая, еще не различавшая оттенков и направлений в недрах «вражеского лагеря», – Советской России. Эту сложность понимали мы хорошо; также хорошо понимали ее и большевики, что в особенности сказалось при выработке для делегации инструкции. Нам и тогда уже было ясно, что – в случае чего – большевики воспользуются именно этой сложностью и на ней разыграют свою игру. Наша «игра» должна была состоять поэтому в величайшей осторожности и в том, чтобы не дать им зацепиться хотя бы за малейший уклон нашего поведения в сторону от основной задачи. Все члены Комитета отлично понимали, какое решающее значение имеет выпуск за границу делегации для взаимоотношений обеих сторон.

Комитет долго и старательно подбирал прежде всего личный состав делегации. Разнокалиберный состав его не мог, конечно, сделать этот выбор с большим единодушием: людей с бесспорной для всех авторитетностью в России всегда было мало, – если они вообще были... После жарких дебатов и перестановок установили, наконец, ее состав. Конечно, прежде всего должны были войти инициаторы всего этого дела: ответственность делегации была огромна, – им и надо было взять ее на себя. Н. М. Кишкин решительно отказался ехать за границу по соображениям и личным, и

общественным. Он до 1921 года непрерывно сидел по тюрьмам, здоровье его было сильно расшатано, сердце работало плохо. А кроме того, кто-нибудь из инициаторов непременно должен был остаться во главе Комитета, чтобы держать связь с делегацией и с властью именно в том духе, как это было нужно. Выбрали, поэтому, двух других инициаторов, С. Н. Прокоповича и меня. Один должен был ведать всей экономической частью пропаганды за границей, а другая – как член Лиги спасения детей (тогда уже скончавшейся), – вопросом о детях голодающих губерний. Совершенно бесспорным членом делегации оказался покойный граф Л. А. Тарасевич: его тесные связи с медицинским миром за границей были всем известны. От кооперативов вошел глава Московского народного банка М. П. Авсаркисов, затем дочь великого отца А. Л. Толстая, имя которой в связи с квакерскими организациями также могло быть полезно при сборах пожертвований.

Эту пятичленную делегацию надо было возглавить лицом и именем, лояльность, корректность, беспристрастие и известность которого за рубежом были бы вне сомнений. Долго выбирать не пришлось: лучшим главой делегации – и даже по признанию власти – был, конечно, бывший председатель второй Государственной думы, Федор Александрович Головин. Эту тяжелую обязанность он и принял на себя с «тяжелым сердцем» – как говорил он сам, – но с полным пониманием положения.

В качестве секретаря и управляющего делами, сформировавшаяся делегация пригласила С. А. Бенкендорфа, сына покойного русского посла в Англии. Он прекрасно знал языки, обычаи и нравы правящих кругов, с которыми делегации неизбежно пришлось бы столкнуться⁹.

После выборов, делегация немедленно занялась выработкой инструкции, которая должна была затем быть утверждена Комитетом и властью, и которой регулировались бы ее действия за границей. При окончательной редакции этой инструкции нам пришлось весьма резко столкнуться с покойным Красиным, которому поручены были переговоры о ней со стороны власти. В этой же инструкции отразилась – как в зеркале – и сложность положения, в которое попадала делегация, уезжая в Европу из страны с непризнанной и не признаваемой властью...

Всего в инструкции было 72 пункта. Самыми характерными пунктами было следующее: «Делегация действует самостоятельно, но устанавливает контакт с советскими миссиями за границей, систематически осведомляя их о ходе своих работ, координируя при их содействии свою деятельность с деятельностью других подоб-

ных организаций». «Делегация составляет единое целое и подчиняется своей внутренней дисциплине. Никакие индивидуальные интервью ее отдельных членов с кем бы то ни было не допускается». «В своих выступлениях за границей делегация не касается политических вопросов и не передает, ни правительству, ни Комитету никаких предложений о пожертвованиях, связанных с какими бы то ни было политическими условиями». «Равным образом делегация не принимает и не передает никаких поручений или обращений к советской власти, не имеющих непосредственного отношения к помощи голодающим». «Члены делегации могут быть в любое время отозваны или самим Комитетом, или соответствующими органами власти».

А вот и пункт, вызвавший бой с Красиным: «Делегация образует заграничные отделения Комитета, в которые могут входить как иностранцы, так и русские граждане, проживающие за границей».

– Я прошу конец этого пункта вычеркнуть, сказал Красин. Никаких русских граждан, проживающих сейчас за границей, нет... Есть только враждебная нам эмиграция.

– На такой скандал делегация идти не может. Как можно в деле неполитическом, в бедствии народном, лишиться эмиграцию возможности помощи? – ответили ему.

– Они сами себя лишили этой возможности, оторвавшись от страны и стараясь погубить ее вкупе с иностранцами.

– Тогда нельзя обращаться и к иностранцам... Но образовывать отделения русского Комитета с заявлением, что в них могут входить лишь иностранцы и не имеют права входить русские, – это же скандал, Леонид Борисович! Да, наконец, Комитеты там уже образовались. Что же, сказать им: не подходите, помощи от вас мы не примем, потому что вы русские, оторвавшиеся от страны? А как отнесутся иностранцы к такому поведению делегации? Поверят ли, что Комитет стоит вне гражданской войны, а не ведет ее сам? Нет, на такое поведение ни делегация, ни Комитет никогда не согласятся...

– Вы сами не знаете, на что вы идете, заявил Красин. Если вы желаете воздерживаться от политики, то они этого вовсе не желают. Бурцев начнет вас травить, а вы невольно будете защищаться. Вот вам и воздержание... Милюков и сейчас уже протягивает вам руку... Что же, резко отвергнете?

– В нашей инструкции есть пункт об отзывании. Предоставьте делегации проявить такт в столь трудном положении... Вы успеете отозвать ее и тогда, когда она бросится в объятия П. Н. Милюкова: не забывайте, Леонид Борисович, что делегация оставляет в руках советской власти своих заложников...

Красин недовольно замолчал. Упоминание о «заложниках» было ему неприятно. А заложников делегация, действительно, оставляла. В то время как вырабатывалась окончательно эта инструкция, в канцеляриях – тогда главным образом во Всероссийской чрезвычайной комиссии – готовились наши паспорта. И мы для получения их должны были заполнить анкету. В графе «Кто ручается?» велено было написать: все остающиеся в Москве члены Комитета не коммунисты. Таким образом создавалась круговая порука. Малейший неосторожный шаг делегации, – и эти «поручители» являлись бы ответчиками. Я помню, какое тягостное впечатление произвело на весь Комитет это требование. Сама делегация поставила вопрос: можно ли ехать при таких условиях? Однако ни один из членов Комитета не пожелал «поворачивать назад». Почти все говорили одно и то же:

– Ехать необходимо. Это же центральный пункт нашей работы! Что же касается ответственности, – то вам, делегации нашей, мы верим. А утонуть в советской России можно в любой момент на сухом месте...

В конце концов Красин снял свое требование об изменении пункта о «вхождении в заграничные Комитеты русских граждан»: он почувствовал, что на этом пункте произойдет конфликт, которого тогда они еще не хотели...

И еще один пункт в инструкции делегации вызвал недовольствие Красина: «Местопребывание делегации за границей – в Лондоне».

– Скажите, почему делегация выбрала своим постоянным местом Лондон? – спросил он на заседании делегации с президиумом.

– Нам кажется, что в Англии мы найдем гораздо больше людей, способных двинуться на это дело помощи, чем в других странах. Прежде всего – квакерские организации, которые и во время блокады приходили нам на помощь...

– А не потому, что это – центр... антантовской политики? – иронически спросил он.

– Нет, – спокойно ответили ему. – Мы ведь не государство, а только маленький Комитет, и мы надеемся, что Англии не будет надобности распространять на нас свою политику...

– А почему вы едете через Швецию, а не через Германию, которая ведь также предоставила вам визы? – продолжал он свой вопрос.

– Кажется, и вы, Леонид Борисович, и Аркос («Общество англо-советской торговли». – *О. В.*) ехали в Лондон через Швецию. Надеемся, что это особого политического смысла не имеет? Что касается

виз, то мы, действительно, за визами в Германию не обращались: она прислала их сама. За это мы уже послали ее правительству глубокую благодарность через главу ее торговой делегации. Ведь делегации придется быть и в Германии...

– Все это очень странно... недовольно бросил он. Но на изменении маршрута не настаивал. Мы так и не поняли, что именно показалось ему странным.

Наконец, была окончательно выработана инструкция и утверждена общим собранием Комитета. Лежали готовыми и наши паспорта – в канцелярии Комиссариата иностранных дел. Отъезд был назначен на 18-е августа. Одно только не было готово: багаж самой делегации... По мере накопления конфликтов, по мере сгущения атмосферы, делегация все менее и менее верила в возможность выполнения своей задачи. Личных сборов не было: все с напряжением следили за развитием конфликта общественного...

Любезный председатель. Начало конфликтов

Все заседания президиума и общие собрания Комитета вел официальный председатель Комитета Л. Б. Каменев. Он никогда не заставлял себя ждать; всегда являлся в назначенный час: минута в минуту. Надо вообще заметить, что и все большевистские заседания начинаются в назначенный срок, – не по-русски, – с ожиданиями и опозданиями. Собрания Каменев вел превосходно. Он был очень любезен, находчив, иногда даже тонко остроумен. На заседаниях президиума старался установить некоторую интимность общения, никогда не подчеркивал обособленности своих воззрений от всех других людей, т. е. не практиковал излюбленного большевистского жаргона, столь надоедливого и назойливого. Интимность в общении с «прирожденными контрреволюционерами» он проявлял, однако, странным образом. Едва ли не с первого заседания он вынимал из кармана пучок вырезок из зарубежных газет и передавал их Комитету. Характерно, что газет он не приносил никогда, – только вырезки.

– Вам, господа члены президиума, вероятно, будет интересно прочесть, что пишут о вас за границей... Вот Милюков вас очень приветствует... А в Берлине Гессен со своим «Рулем» уже объединился с меньшевиком Абрамовичем и с эсерами... Вот, почитайте...

И пучок вырезок...

Эти вырезки наши машинистки перебивали на машинке – для членов Комитета. Распространять не боялись: еще бы! Принес сам

председатель... Однажды приносит сообщение: интервью с лордом Эммотом в Англии (от 11 августа). Отдавая должное Кишкину и другим членам Комитета, лорд Эммот полагает, что представители советского правительства, вошедшие в Комитет, принадлежат к умеренному крылу большевизма. Далее Эммот указывает, что британское правительство приветствует делегацию Головина; в особенности им было подчеркнуто, что никоим образом нельзя связывать политических условий с оказанием помощи, что помощь эта должна идти через Комитет, который имеет в своем составе лиц, заслуживающих доверия. Контакт с Комитетом должен быть сохранен, пока сохраняется его настоящий состав и пока ему обеспечена действительная свобода действий. Прочтя эти рассуждения Эммота, Каменев сказал:

– Видите, как готовится там, на западе, почва для вас... Все хорошо...

Да, все хорошо... Иногда, однако, любезность председателя по отношению к нам стала заходить слишком далеко... Именно эта любезность послужила поводом для первого резкого конфликта едва ли не через несколько дней работы Комитета: неблагодарные люди устроили настоящий бунт и повели речь о немедленном закрытии Комитета. В официальных «Известиях» 4-го августа (ном. 170) появилась беседа с Каменевым о Комитете. В этой беседе Каменев, говоря о том, как и зачем создан Комитет, пространно сообщает о своего рода «заговоре» мировой буржуазии вкупе с русской эмиграцией, собирающихся оказывать помощь голодающим лишь под условием выполнения советской властью определенных политических требований. Он цитирует «Общее Дело» Бурцева, в котором сообщается на каких условиях иностранные державы должны были бы предоставить заем сов. власти для прокормления голодающих: «немедленная демобилизация Красной Армии», «немедленное назначение выборов в Учредительное собрание», «полная свобода возвращения эмигрантов на родину» и т. д. Эти условия Бурцев называет «скромными» и не сомневается, что помощь голодному населению не будет оказана раньше, чем советы выполнят эти условия. Кадетский «Руль», продолжает Каменев, развивая ту же тактику контрреволюции, пишет: «нужно создать организацию международного характера с правильным контролем». План эмиграции заключается в том, чтобы, собрав некоторое количество хлеба для голодающих, поставить сов. власти политические условия, которые обозначали бы ее уничтожение. Такова политика и таковы политические расчеты русской буржуазии». Однако на фоне действий этого «охвостья белых организаций русской буржуазии»

особенно выделяется светлое явление... Это явление – добровольное сотрудничество оставшихся в России деятелей буржуазного лагеря с советской властью. Советская власть должна поэтому «приветствовать инициативу этих деятелей и предоставить им возможность широкой деловой работы на помощь голодающему населению. Диктатура пролетариата ничуть не потрясена тем, что бывшие министры и члены Центр. ком. кадет. партии, руководители мелкобуржуазных кооперативных, агрономических и сельскохозяйственных организаций работают ныне под руководством советской власти¹⁰ в деле изыскания способов быстрейшей ликвидации последствий стихийного голода».

Эта любезность нашего председателя вызвала огромное волнение среди членов Комитета. С раннего утра, тотчас же после выхода «Известий», президиум получал непрерывные запросы по телефону: как он думает реагировать на это бессовестное нарушение основного условия, – замешивание политики в дело Комитета? После долгих совещаний решили поставить требование: за подписью Каменева в тех же «Известиях» должно появиться опровержение.

Опровержение, но – чего?! Именно этот вопрос и задал вызванный президиумом на объяснение Каменев. Что эмиграция – охвостье, это его личное мнение... Что бывшие министры и члены к.-д. партии согласились работать с сов. властью, – это факт. Что же нужно опровергнуть? Ему объяснили, что статья о Комитете носит резко политический характер и что он, председатель, не соблюдает декрета. После долгих и нудных дебатов, после заявления – весьма твердого – президиума, что при таких условиях, когда сам председатель втягивает Комитет в политические расценки действий эмиграции, самих членов Комитета, иностранных держав и пр., спокойная работа невозможна и что Комитет будет закрыт самими его членам, – было решено опубликовать в «Известиях» постановление президиума Комитета, в котором должна фигурировать и подпись Каменева. Это постановление появилось в «Известиях» и гласило: «Ввиду того, что создание и деятельность Комитета уже вызвала и вызывает различные оценки, искажающие его задачи, права и характер, президиум Всер. ком. считает нужным вновь и решительно подтвердить, что деятельность его лишена всякого политического характера, что он является организацией, преследующей чисто деловую задачу в пределах прав, точно установленных декретом». И т. д. и т. д. Под этим постановлением красовалась подпись Каменева и членов президиума.

Однако после этой истории стало совершенно ясно, что не эмиграция будет втягивать Комитет в свои политические комби-

нации, а сама советская власть... Настроение стало еще более напряженным, настороженным. Любезный председатель продолжал приносить вырезки из зарубежных газет... Читая их, мы только горестно смотрели друг на друга: и там, среди эмиграции, шла баталия исключительно политическая. Расценивались – политически – и роль Комитета, и голод, и помощь голодающим... Сами голодающие – лишь деталь... В стране, пораженной гангреной гражданской войны, удержаться на краснокрестной почве нет никакой возможности.

Накопление конфликтов

Конституция непереносима для всякого самовластия даже тогда, когда она вовсе не наносит ему никакого удара. Самовластие не выносит органически самой невинной свободы. И поэтому невозможно даже предусмотреть, где, когда, из чего разовьется и вспыхнет конфликт. Во исполнение декрета Комитет постановил издавать газету «Помощь». Назначил редактором М. А. Осоргина. Обратился с просьбой к Каменеву – закрепить за Комитетом типографию, обеспечить необходимое количество бумаги. Все это было сделано, но, к несчастью, закреплена была типография покойных «Русских ведомостей»... Вот и готов конфликт. Первый номер «Помощи» вышел 16-го августа с знаком Красного Креста. По виду, по шрифту, газета, действительно, напоминала «Рус. вед.». А масла в огонь подлили... мальчишки-газетчики. Они бегали по Арбатской и Тверской площадям, по людным улицам и во все горло кричали: «Вот, «Русские ведомости»! «Кому «Русские ведомости»!. «Эй, газета газетушка не советская!» «Кому нужно не советскую!».

Ясно, конечно, что никто мальчишек таким комментариям не учил. Само вышло... Вышло и другое. Не советская газет оказалась нужна многим и разбиралась нарасхват. По случаю успеха мальчишки еще задорнее стали кричать: «Эй, кому газету не советскую»... Не советская газета разбудила к тому же уснувшие или заглушенные настроения. Многие тут же, на площади, плакали, беря ее в руки. Другие приходили в Комитет делиться впечатлениями: «Мне все равно, что написано в этой газете... Я счастлив, счастлив безмерно, что держу в руках не советский листок». Вот сентиментальности в этом роде.

Русский интеллигент любит всякую свободу... Вот только никак не удается ему прочно завоевать ее... Но Арбатская площадь этого времени, грязенькая, с разбитыми стеклами окон, заклеен-

ных тоже грязной, пожелтевшей бумагой, – запечатлелась... Так и стоят в памяти эти смелые, веселые мальчишки и пугливо озирающиеся фигуры, покупатели газеты... А рядом – другие детишки – продавцы с «Икрой», с леденцами... «Частные капиталисты» того времени...

Внешность газеты до невероятия раздражала власть. Еще раньше выхода 1-го номера, назначен был цензор, известный Сосновский, который, однако, жестоко обижался, когда редактор называл его цензором. Он – не цензор... Он лишь «наблюдающий»... Первый и второй номер он пропустил без помарок. Но затем ВЧК потребовала, чтобы типография изменила заголовок и шрифт и прекратила бы это «гнусное копирование «Русских ведомостей». Об этом требовании М. А. Осоргин докладывал на пленарном заседании Комитета, прося Каменева сделать распоряжение об отмене приказа. Доклад, – о «гнусном копировании «Рус. вед.», сделанный в изысканно спокойном тоне, – вызвал в Комитете гомерический хохот. Смеялся и сам Каменев... Испугались призрака покойных «Русских ведомостей», уж, кажется, достаточно прочно заколоченных в гроб! Каменев обещал свое содействие в смысле сохранения заголовка и шрифта преступной газеты. На другой день им дано было распоряжение Совета рабочих и крестьянских депутатов, адресованное в ЧК, о неимении препятствий к дальнейшему печатанию газеты тем же шрифтом и с таким же заголовком. На допросе после нашего ареста М. А. Осоргину предъявили оба номера «Помощи» (гранки третьего также лежали у следователя) и спросили его:

– Что вы скажете об этой газете?

– Хорошая, по-моему, газета...

– А на что она похожа?

– Гм... Гм...

– На «Русские ведомости», гражданин Осоргин!

М. А. хлопнул себя по лбу и сказал:

– А ведь, правда!

Следователь пришел от этого ответа в полнейшее бешенство...

Вот какие, в сущности, пустяки являются криминалом в эпоху пролетарской диктатуры. Раньше, в эпоху самодержавия, жандармы обтерпелись и довольно равнодушно взирали даже на нелегальные листки с призывами к «свержению самодержавия». А тут приводило в бешенство одно только сходство шрифта легальной газеты с другой тоже легальной газетой недавнего прошлого...

Нечего, конечно, говорить, что не меньшее возмущение вызывало и содержание газеты. Ультра корректное, без всякого задираательства и фрондирования, оно прежде всего давало яркую картину

бедствия на местах. Литературный, не советский язык, также производил впечатление. Теперь, когда русская литература возрождается, когда даже фельетонист «Известий» Мих. Кольцов, начинает искать иных форм языка, непохожих на прежние советские «Стекловишцы»¹¹, язык «Помощи» не резал бы слуха. Но тогда и это было «воскресением угасшего быта побитой буржуазии».

Некоторые корреспонденции с мест вскрывали и еще одну сторону дела: Комитет стал являться притягательным центром, куда стекались жалобы на тяжкую, невыносимую жизнь. Кому же и пожаловаться, как не старым общественникам? Они – поймут, а главное, что-нибудь сделают, «примут меры»... Вот, например, корреспонденция из Казани. Написана со всем пафосом долго сдерживаемой откровенности. Выражается в ней удивление, почему, собственно, голодающими признаны лишь крестьяне? Озаглавлена: «Во Всероссийский комитет помощи голодающим». И далее: «Правление единого потреб. кооператива В.У.З. Татарской республики обращает ваше внимание на крайне тяжелое материальное положение профессоров, преподавателей, студентов и технического персонала всех высших учебных заведений г. Казани, влачащих жалкое существование. Преподавательский персонал не получает академического пайка; студенты и технический персонал, ничего не получая, умирают медленной смертью... Несколько профессоров умерло, громадный процент убегает в другие города, студенчество также разбегается. В последние дни мы имели несколько случаев падения на улицах студентов от голодовки. Настроение в связи с этим крайне неблагоприятное». Далее идет перечень мер, которые следовало бы принять для спасения Татарской республики от голода...

И сыпались, сыпались такие обращения в Комитет... Грозная катастрофа российской разрухи того времени вставала во всем своем неприкрытом ужасе...

Стоит ли говорить, что одними только этими обращениями Комитет был обречен? Когда все мы уже были арестованы, один из виднейших руководителей ВЧК сказал хлопотавшему за нас посетителю: «Вы говорите, что Комитет не сделал ни одного нелегального шага. Это – верно. Но он явился центром притяжения для так называемой русской общественности... Этого мы не можем допустить. Знаете, когда нераспустившуюся вербу опустят в стакан с водой, она начинает быстро распускаться... Также быстро начал обрастать старой общественностью и Комитет... Вербу надо было выбросить из воды и растоптать»...

Конфликтов нечего было искать, или пытаться их предупредить: они плодились и вспыхивали непрерывно, ибо сама основа

свободной общественной работы была противна и нестерпима всему духу тогдашнего режима. Комитет хорошо это понимал и с нетерпением ждал лишь одного: двинутся ли Европа и Америка на помощь погибающим людям? Ибо свою собственную роль он считал сыгранной: заверение и его, и Патриарха Тихона о том, что голод не выдуман большевиками, – всему миру было дано. Все остальное, все эти нагромождающиеся конфликты были мелочью, пустяками...

Америка появляется

В Комитет числа 12–13 августа была доставлена рижская газета «Сегодня». В ней крупным шрифтом было напечатано: «Приезд американского представителя г-на Броуна. Переговоры с советской властью о помощи голодающим». Это были посланцы Гувера и деятели АРА. Американцы требовали вложения в это дело со стороны сов. власти 10 000 000 долларов. На этом и шел торг. С мистером Броуном торговался Красин. В той же «Сегодня» было напечатано интервью с Броуном. Приблизительно оно гласило так:

– Будете ли вы входить в сношения с Общественным комитетом помощи голодающим?

– В свое время, отвечал Броун, мы войдем в сношения и с ним. Но прежде всего нам надо договориться с сов. властью... Без этого наша помощь невозможна...

Члены Комитета с удовлетворением выслушали этот разумный ответ иностранца. И он понимал, – как и инициаторы Комитета, – что «вопреки» советской власти этого дела ни делать, ни сделать нельзя. В книге Фишера¹² описаны мучения членов АРА, с самоотверженностью занимавшихся спасением человеческих жизней «под руководством» чекиста Эйдука, назначенного диктатором над транспортом и продовольствием для голодающих. Но, ведь, американскую организацию нельзя было уничтожить так, как уничтожили свою, отечественную...

Дня через три-четыре после приезда Броуна в Ригу мы узнали, что соглашение достигнуто и что американские транспорты уже движутся в Россию... Резюме этого огромного события дал опять-таки покойный Н. Н. Кутлер:

– Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет процентов 35 населения голодающих районов, а не все 50 или 70... Слава отважным американцам!

– Все примолкли... Старый финансист и экономист назвал страшную цифру гибели русского народа даже и при помощи Америки. И все наши собственные горя и «конфликты» показались такими ничтожными и не стоящими глубокого внимания...

Уехали...

Как только было заключено соглашение с американцами, тон советской прессы резко изменился: в соглашение с советской властью входит могущественная Америка! Это – лишь первый шаг... Затем «с нами хотят торговать» и вообще дела теперь пойдут иначе... Теперь остается лишь прикончить с Комитетом помощи контрреволюции, с этой занозой в крепком советском теле. Надо только найти форму... Как известно, творчество «форм» приканчивания с нежелательными элементами у большевиков достигает высокой виртуозности: лишь бы наметить жертву, а форма – дело маленькое. И форма нашлась...

18-го августа вечером делегация должна была выехать. Но паспорта лежали в канцелярии, и не было валюты. Секретарь делегации был отправлен закончить все эти технические дела. Он ушел утром. Однако, как я уже говорила, настроение делегации было таково, что – если бы он вернулся с паспортами и валютой – вышла бы задержка: никто не укладывал вещей, никто не верил уже в этот отъезд. Это было даже не предчувствие. Это была уверенность, вытекавшая из понимания обстановки. В два часа дня в Комитет явился посланный из ВЦИКа: принес бумагу. В этой бумаге сообщалось о только что состоявшемся постановлении ВЦИКа: предложить Комитету отложить посылку делегации за границу и сосредоточить все силы на непосредственной работе в голодающих районах путем посылки туда членов Комитета в целях распределения продовольствия, руководства питательными пунктами и т. д.

Эта бумага никого не ошеломила. Надо было только поступить так, чтобы всемогущая власть почувствовала разницу между «соглашательством» и соглашением. Комитет этой бумагой ставился на колени; его самостоятельная работа прекращалась; его воля парализовалась распоряжением сверху и требованием беспрекословного повиновения; заключенное соглашение – расторгалось, нарушалось самой властью. В сущности, для президиума было ясно, как надо было поступить. Неясно было одно: как отнесутся к неповиновению ВЦИКу члены Комитета ввиду крайней опасности подобного акта.

Однако раздумывать не было времени. Надо было действовать. Тотчас же позвонили Каменеву и сказали ему, что в 5 часов дня назначено заседание президиума.

– Хорошо, я приеду, ответил он.

– В 5 часов он приехал. Заседание президиума происходило вместе с делегацией. Каменев был очень бледен и чувствовал себя неловко: никому не смотрел в глаза. Объяснение было короткое. Члены президиума заявили ему, что на завтра они собирают экстренное собрание Комитета и вносят предложение о немедленном закрытии Комитета в виду нарушения властью основного пункта декрета о работе Комитета за границей.

– Нарушение властью декрета... медленно и отдельно произнес Каменев. А знаете ли вы, господа, как называется ваше действие, ваше постановление о закрытии Комитета?

– Будьте любезны, скажите, как это называется...

– Это называется... – снова отдельно произнес Каменев, – это называется восстанием против высшего органа республики: восстанием против ВЦИКа...

– Что же делать, ответили ему. Пусть это называется как угодно...

– Да знаете ли вы, чем это грозит?! – почти вскричал этот всегда спокойный председатель.

– Комитет, как общественное учреждение, должен быть закрыт. А как поступят с его членами, это уже вопрос посторонний, ответили ему.

Он глубоко задумался.

– Послушайте... – произнес он, наконец. – Я вас прошу отложить заседание Комитета на неделю. Соберем его в субботу... В пятницу я бы предложил собрать частное совещание членов Комитета для выяснения вопроса. Я не думаю, чтобы все члены были солидарны с постановлением президиума... А за эту неделю я выясню, чем руководствовался ВЦИК, вынося свое постановление. Быть может, мне удастся все это смягчить, изменить...

Чем руководствовался этот хитрый дипломат, предлагая отложить заседание Комитета на неделю, – неизвестно. Быть может, он не хотел огоршить еще не уехавшего из Риги мистера Броуна этим подвигом советской власти. Президиуму и делегации было уже все равно, когда совершится последний акт: дело было ясное... И созыв собрания был отложен на неделю.

В пятницу ровно в 5 часов дня к подъезду Комитета стали подъезжать автомобили: на частное совещание всех членов Комитета явилось довольно много наркомов. Были Красин, Луначарский,

Семашко, члены ВЦИКа, а среди них – Смидович, который и взял на себя главную роль атаки на решение президиума.

Долго пространно говорил Смидович о том, какое впечатление произведет на «трудящихся» отказ членов Комитета от работы на местах. Было совершенно ясно, что именно этот пункт будет сделан центральным в их антикомитетской кампании. Весьма спокойно, и откровенно ораторы – члены Комитета, выразили свое отношение к поведению представителей власти. Никто, говорили они, из членов Комитета не отказывается от работы на местах. Но намерение Комитета получить для этой именно цели средства за границей пресекается властью. Комитет становится привеском к бесчисленным советским организациям.

Существо общественной организации резко меняется. Мы совершенно уверены, что члены Комитета – если они будут живы и здоровы – после закрытия Комитета будут работать для голодающих через советские учреждения¹³. Волочить же по советским ухабам общественную организацию, не укладывающуюся в советскую конституцию, общественные люди не согласны. И потому – вносят резолюцию о немедленном закрытии Комитета... Официальное ликвидационное собрание назначается на завтра же.

Уехали автомобили, остались перекинуться мыслями члены Комитета. Переживем ли эту ночь и удастся ли завтра провести в пленуме закрытие? Громадное удовлетворение доставила твердость всех решительно членов Комитета: ни колебаний, ни сомнений. А ведь люди не могли же не знать, что им грозит за «восстание против ВЦИКа»...

Ночь мы пережили. На следующий день к 5 часам особняк Комитета снова гудел как улей. Все члены Комитета на месте, в зале. Много гостей, – инцидент держал Москву в большом напряжении. Явились и иностранные корреспонденты. Ждем пяти часов: явится ли Каменев? Бьет 5 часов. Его нет. Это – первое его опоздание. Предлагают позвонить ему. Звоним. Отвечает секретарша:

– Товарищ Каменев сейчас приедет...

Не прошло и пяти минут после этого ответа, как мы увидели картину: по тротуару вьется черная змея, – один за другим идут люди в куртках с наганами за поясом... И сколько их! Вот подошли к подъезду. Отворилась дверь и – во все комнаты буквально ворвалась эта рать, – кожаная охрана советского государства...

Действовали быстро. Всех членов Комитета заперли в зал заседаний. Гости и служащих развели по разным комнатам. Затем стали вызывать:

– Член Комитета Вера Николаевна Фигнер!

Уводят.

– Член Комитета Александр Иванович Южин-Сумбатов!

Уводят и его.

– Член Комитета Лев Александрович Тарасевич!

Оказывается – для освобождения. Также был освобожден и П. А. Садырин. Чем руководствовались, выделяя их из круговой поруки – неизвестно.

В это время на Собачью Площадку снова стали подъезжать автомобили, но уже не наркомов, а ВЧК...

На них мы и уехали во Внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. Во всех квартирах членов Комитета в эту же ночь производились тщательные обыски.

Советская охранная машина, построенная по традиционному русскому образцу для борьбы со всяким проявлением «общественности», работала столь же четко, ворочая своими страшными колесами, как и многие такие же машины в прошлом: навыки к этому прививались веками... Когда-то, перед роспуском первой Государственной думы, Ф. И. Родичев бросил по адресу самодержавия угрозу: «Попробуйте распустить Думу. Это все равно, что разрушить иконостас Казанского собора!». Самодержавие угрозы не испугалось и дело свое сделало. За это оно жестоко поплатилось – своей гибелью... Но не странная ли живучесть русских «исторических традиций»? Пришедшие на его место «революционеры» ни к чему не относятся с такой ненавистью, как к свободе общественной жизни, общественных организаций. С потрясающей легкостью они одинаково заносят свой меч и на Всенародное учредительное собрание, и на маленькую краснокрестную организацию, и даже... на иконостас Казанского собора! Вот уж подлинно:

*Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты все та же, моя страна,
В красе заплаканной и древней.*

Да, все та же и в красе, заплаканной и древней, и в безобразии своем, веками неистребимом...

Агитация

Арест Комитета произвел глубокое впечатление. Особенно, когда распространилось по городу известие, что три члена Комитета, Н. М. Кишкин, пишущая эти строки и С. Н. Прокопович, президиумом ВЧК приговорены к расстрелу. В черной рамке, крупным шрифтом это известие было напечатано в финляндских газетах. Надо было, поэтому, объяснить пролетариату и «советской обществу», что же сделали члены Комитета и чем они заслужили такую кару? Агитация была поручена самому вульгарному и самому бессовестному литератору советской прессы, Стеклову. Канву для этой агитации дали три официальных документа. Первый – постановление ВЦИКа. Оно гласило:

«Ввиду того, что Всер. Ком. Пом. Гол. отказался исполнить постановление президиума ВЦИКа от 18 августа о поездке его членов на места для работы в деревне по помощи голодающим и ввиду того, что Комитет ультимативно связал свой отказ с ликвидацией Комитета, признать Комитет потерявшим предоставленные ему декретом (ном. 160) права и поручить члену президиума ВЦИКа тов. Смидовичу принять дела Комитета.

За председ. ВЦИКа – П. Залуцкий.

Секретарь А. Енукидзе.

Москва, Кремль, 27 августа, 1921 г.»

Другой документ – правительственное сообщение. В нем странно описываются козни «заграничной белогвардейской эмиграции», а также козни «некоторых групп, стоящих близко к правительствам иностранных держав», желавших «использовать Комитет в политических целях». «Руководящие группы мировой реакции и в частности вдохновители французской политики не могли спокойно смотреть на попытку сов. правительства объединить вокруг себя все силы для борьбы с голодом и обратили на Комитет специальное внимание, подсказанное интересами их ни на минуту не прекращающейся борьбы против сов. правительства». Вот от этих козней и хотело правительство «охранить Комитет», предложив ему «отложить посылку заграничной делегации». А Комитет оказался в плену политических расчетов, не имеющих ничего общего с интересами голодающих».

Третий документ – сообщение ВЧК о преступлении членов Комитета... По лживости подобранных фактов этот документ превосходит самую пылкую фантазию. Оказывается, мы были связаны: с антоновщиной в Тамбове, с активными эсерами (и связан с ними

был... гражданин Кишкин!); желали «единой, сильной, национальной власти; считали недопустимой федерацию; желали единой диктаторской власти, ибо парламентаризм к России не применим; имели ряд революционных организаций в Харькове, Мариуполе, на Украине»; особенно прелестно одно место: «Установленное после этого наблюдение за другими членами Комитета дало ВЧК целый ряд новых активных эсеров и белогвардейцев и ряд указаний на участие некоторых членов Комитета в деле подготовки борьбы помещиков и капиталистов против трудящихся».

Итак, вот чем занимался Комитет... С одной стороны, он был – в тесных связях с антоновщиной в Тамбове, с другой – с эсерами и белогвардейцами. Старые жандармы должны лопнуть от зависти: они все-таки при аресте революционеров такой поэзией не занимались... Когда теперь читаешь о преступлениях в Шахтинском деле, так и встает в памяти эта связь Н. М. Кишкина с бандами Антонова и с «активными эсерами»...¹⁴

А стекловская печать заливалась неудержимо... Статьи носили заголовки: «Копоть», «Спекуляция на голоде», «Вечная Память», «Комитет помощи контрреволюции», «С голодом не играют», «Этого мы не позволим» и т. д. и т. д. Во всех этих статьях развивался следующий мотив: «Уже в течение первого месяца существования Комитета выяснилось, что помощь голодающим – только флаг, а Красный Крест – не более как ширма, под покровом которых Комитет, опираясь на эмигрантские круги от эсеровских «социалистов» до монархистов включительно, пытается создать по всей стране собственную организацию в целях противодействия сов. власти, используя предоставленные ему «легальные возможности». Всероссийская контрреволюция, еще остающаяся в пределах советской страны, бессильна сама по себе. Отсюда стремление Комитета во что бы то ни стало связаться с эмиграцией, послав за границу свою делегацию. Им нужен был контакт с Черновым и Милюковым, с которыми необходимо было столкнуться, да и Константинопольский Дмитрий I был не последней ставкой в этой игре кой кого из членов Комитета» (Ком. Труд, ном. 425).

Для галерки советской также надо было дать пищу. Комитету дано было название «Прокукиш» (кстати сказать, с восторгом подхватываемое и галеркой эмигрантской). Печатались забавные фельетоны. Вот игра в винт, – по Чехову.

– Маленький шлем на заграничной делегации!

– Что за черт! сказал изумленный Кишкин.

– Хожу с Чернова! Бросайте, Сергей Николаевич, какого-нибудь Зензинова.

– Зачем Зензинова? Мы Авксентьевым хватим!

– А мы вашего Авксентьева по шее, по шее. У нас Савинков есть. Показывайте Рябушинского. Нечего вам его, бестию, за воротник класть. И т. д. и т. д. Галерка гоготала... А 3-й съезд строителей встретил весть о закрытии Комитета громом аплодисментов... Диктатура пролетариата показывала миру – на радость евразийцам – свое «восточное», антиевропейское лицо...

Но не только вульгарный Стеклов ежедневно строчил все новые и новые доносы на людей, уже запряганных в Лубянские казематы. Четыре года спустя в том же духе изложил историю закрытия Комитета Милютин в своей книге «Аграрная политика СССР». Милютинские рассуждения показывают, кстати, до какой степени опасны рассуждения эмигрантской прессы о событиях внутри России, особенно, если эти рассуждения делаются без точного конкретного материала и без понимания целей и намерений самих участников этих событий. Вот как описывает события Милютин:

«В июле месяце в советской России организовался «Всероссийский комитет помощи голодающим». В его состав вошли, главным образом, буржуазные лица. В своем стремлении привлечь всех и каждого к борьбе с голодом советская власть не побоялась создать центральную организацию из лиц, заведомо ей чуждых, но которые могут быть полезны в деле помощи голодающим. Комитет был создан, причем главную роль в нем играли: Кишкин, Головин, Прокопович, Кускова и др.

В организации этого Комитета контрреволюция увидела центр, вокруг которого можно было объединить свои силы как внутри России, так и за границей.

Милюковская газета «Посл<едние> Нов<ости>» 11-го августа писала: «В России коалиция осуществилась, хотя и в ограниченной форме. Общественный Комитет помощи голодающим свидетельствует об этом достаточно наглядно. Может быть, и не своевременные и слишком преувеличенные разговоры о том, что этот Комитет послужит началом будущего правительства. Но те силы, которые заставили людей различных партий объединиться для общественной работы, заставит их объединиться и для правительственной работы» (ст. «Нелишний урок»).

Зашевелилась вся белогвардейская эмиграция всяких оттенков и цветов: кадеты, монархисты, эсеры и т. д.

Всероссийский Комитет помощи голодающим превращается в центр политической борьбы.

Роспуск Комитета вследствие отказа его членов выехать для работы на места в голодающие губернии и, наоборот, явного

стремления их переправиться за границу, арест части членов Комитета, произведенный советской властью, – все это разрушило организационную работу контрреволюции с этой стороны. Центр тяжести контрреволюционных усилий переносится на подготовку вооруженного нападения против советской России».

Все эти разъяснения давались «для масс», «для низов». А когда опять-таки человек, входящий в Кремль, обратился к Ленину в декабре 1921 г. с вопросом: действительно ли Комитет совершал все эти преступления, красный диктатор с прелестной откровенностью ему ответил:

– Ничего подобного! Мы отлично знаем лояльность поведения всех членов Комитета. Но нам необходимо было – по политическим соображениям – его уничтожить...

Это заявление подтверждалось и тем, что в ВЧК членов Комитета следователям не о чем было допрашивать. Когда допрашивали С. Н. Прокоповича, требовавшего предъявления ему хотя бы какого-либо обвинения, молодой следователь вдруг тихо сказал, озираясь на двери:

– А я знаю, о чем вы думаете...

– О чем же, по-вашему?

– Вы думаете о том, что мы должны арестовать товарища Каменева.

– Да, вы угадали. Приблизительно об этом...

– Ну, уж нет! Этого не будет...

Не совершив никакого преступления, мы, инициаторы этого дела, тем не менее, едва не были расстреляны. Лишь телеграммы Нансена и Гувера спасли нас. Тюрьма, ссылка и высылка – это не в счет, это – удел всякого русского гражданина, не имеющего счастья обладать так называемым советским мышлением. Или сиди ниже травы, тише воды, или же, если выступаешь, «мысли по-советски», не иначе. Однако месяц «соглашательства» не только не научил членов Комитета «мыслить по-советски», но привел даже к «восстанию против ВЦИКа». Логика общественности оказалась сильнее самовластия диктатуры...

И тем не менее...

И тем не менее политики, признающие лишь одну тактику по отношению к советской власти – революционную и только революционную, не перестают называть тактику членов Комитета «соглашательством», прибавляя иногда – для усиления эффекта – эпитет «жалкое». Жалкое соглашательство... Оглядываясь назад, проверяя мысленно все факты, все поступки членов Комитета, я никак не могу отыскать в них именно этой черты – соглашательства. И как бы ни была плачевна эта попытка честного соглашения с властью для определенной практической работы, – таким попыткам суждено повторяться... Фашистская власть, желающая править страной путем «парламента без оппозиции», коммунистическая власть, правящая путем законопослушных советов, не могут, – ни та, ни другая, – долго удержаться на этом принципе молчаливства... Подавляя все и всякие проявления чуждых фашизму и коммунизму элементов, – они нарываються в конце концов на оппозицию в собственной среде. Природа государства не терпит стирания различий, ибо именно в этих различиях – жизнь народа и его движение вперед. Вот почему не может быть продолжительным управление страной путем неограниченного самовластия. Но не может быть и революция единospасительным средством приспособления власти к воле населения. «Честное соглашение» или – на европейском языке – конституция, проведенная во всех областях жизни, – от крупных до мельчайших, – и после фашистско-коммунистических опытов единственным принципом, истинность которого остается непоколебленной. В борьбе за этот принцип честного соглашения будут падать и отдельные люди, и группы, и целые поколения борцов. И тем не менее, снова и снова будут рождаться «соглашатели», взывающие к прекращению гражданской войны – во имя культуры и интересов народа. Какая власть осуществит это соглашение, та и будет властью нового государства российского, покончившего с самовластными навыками прошлого. Говорят, определенно, что к такому честному соглашению абсолютно неспособна советская власть. Опыт конституции в малом масштабе – Комитетской – действительно показал неспособность власти на честное выполнение договора. Не следует, однако, забывать, что самый договор этот, произведший тогда такую сенсацию, – был вынужден обстоятельствами и прежде всего – паникой, охватившей власть... Конституции вообще редко даются добровольно, а тем более в России, классической стране деспотизма. Но именно в этой стране, привыкшей и свергать власть только силой и править только силой, особенно

важна пропаганда конституционных идей, – пропаганда словом и делом, – а главное – наличием активных сил, не боящихся компромиссов или порчи своих белых одежд... И только тогда, когда самими защитниками свободы идеи конституции не будут считаться «маниловщиной», – тогда только проникнут они и в широкие массы народа и в них именно найдут защиту. Теперь этого еще нет...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Луначарский А. В. Об интеллигенции. М., 1923.

² Там же. С. 19.

³ Покровский М. Н. Кающаяся интеллигенция // Интеллигенция и революция : сборник статей. С. 83.

⁴ Красный Архив, 1927. Т. 4.

⁵ «Соглашателями» Покровский называет правых эсеров, стоявших в то время за конструкцию власти путем соглашения всех социалистических элементов.

6. Кажется, если память не изменяет мне, после Н. М. Кишкина и С. Н. Прокоповича, Патриарха посетил также А. М. Горький с просьбой ускорить обращение по радио к Архиепископу Кентерберийскому.

7. Комитетом было послано в Европу и Америку по радио следующее воззвание: описание ужасов голода и далее: «По получении от иностранных держав разрешения на въезд за границу, делегация Комитета, уже получившая право выезда из России, немедленно выедет и даст все разъяснения о степени нужды и неотложности помощи, организует прием пожертвований и отправку их по назначению, согласно инструкциям, которые будут вручены ей Комитетом. С глубокою верою в силу святого дела человеколюбия, Комитет обращается к народам Европы и Америки и к их правительствам с призывом к братской помощи русскому народу, не сомневаясь, что чувства гуманности, присущие культурным нациям, вызовут у них дружный отклик на вопль смерти и подготовит к приезду делегации благоприятную почву для скорого выполнения возложенной на нее задачи».

8. Кооператора Д. С. Коробова.

9. Не могу не вспомнить характерный инцидент, связанный с именем С. А. Бенкендорфа. Когда делегация получила уже иностранные визы, он виз еще не имел: его имя было сообщено Англии позднее. Но задолго до предполагаемого отъезда делегации Годжсон пригласил некоторых членов делегации на five o'clock Tea. В квартире английской торговой делегации было человек 19–20 англичан и несколько русских. Вся квартира, огромный стол, уставленный яствами, производили странное впечатление: в тогдашней голодной Москве это был, вероятно, единственный оазис, где люди жили со всеми удобствами «буржуазной» Европы... Мой муж просит Годжсона ускорить получение визы для С. А. Бенкендорфа.

– Но, ведь, граф С. А. Бенкендорф, кажется, большевик? – говорит Годжсон, делая ударение на титуле «граф».

Мы невольно рассмеялись. Уж очень комичным показалось это сочетание: сын царского посла в Лондоне и потомок знаменитого шефа жандармов времен Николая I – большевик!

– Нет, ответил мой муж, это недоразумение...

– Но, ведь он участвовал – со стороны большевиков – настойчиво продолжал Годжсон, в переговорах с Латвией во время заключения рижского мира?

– В качестве эксперта...

– Вы уверены?

– Вы осведомлены, по-видимому, больше, чем я... Тем не менее я повторяю свою просьбу ускорить решение дела с визой графу Бенкендорфу...

Этот разговор произвел на нас очень тяжелое впечатление... Вот еще одна непредвиденная опасность: слежка международных контрразведок! Русским гражданам нельзя пошевелиться, чтобы не попасть под лучи большевистских и иных прожекторов. Времена!

Через 2–3 дня Годжсон сообщил, что виза С. А. Бенкендорфу предоставлена.

10. Выражение «под руководством советской власти» в тогдашней России имело совершенно особый смысл. Оно мозолило глаза в советской печати, на митингах, в плакатах, – всюду. Все в России должно делаться «под руководством советской власти», – начиная с чистки улиц и кончая мировой революцией. Не получая от граждан должного почтения, не видя жажды этого «руководства», советская власть хотела внушить все это путем гипноза. Когда я приехала за границу, то и здесь – к моему удивлению – я наткнулась на такую же многосмысленную и гипнотизирующую фразу: «вопреки советской власти»... Эволюция происходит, но «вопреки советской власти»... Нравственность еще сохранилась, но «вопреки советской власти»... Там – все «под руководством», а здесь все – «вопреки»... Как странно, что взрослые люди могут утешать себя столь наивной фразеологией...

¹¹ Так звали тогда исключительно вульгарные передовицы Стеклова.

¹² The famine in Soviet Russia 1919–23 / by H. N. Fischer. N. Y. : Macmillan, 1927.

¹³ Как и работали, действительно, уцелевшие члены Комитета на местах. Член Самар. Ком. д-р Гран, был даже отпущен за границу для сборов. Но уже в качестве советского деятеля...

¹⁴ Кто лично знает Н. М. Кишкина, тот не может не возмутиться даже, а просто не расхохотаться над этим обвинением: до того оно нелепо! Кишкин – и банды... Гораздо интереснее обвинение, сформулированное Сталиным (в его речи на апрельском пленуме ЦК компартии в 1928 г.), по отношению к шахтинскому делу. Поражает сходство этого обвинения с формулировкой вины Комитета: та же, дескать, тесная связь внутренней контрреволюции с иностранными державами и эмиграцией. Живучесть и однообразие этих обвинений показывает, что советская власть и через 6 лет после гибели Комитета не чувствует себя прочно, и страдает все теми же галлюцинациями, какие мучили ее непосредственно после победы над белым движением.

15 Милютин В. Аграрная политика СССР. М. : Гос. изд., 1926. С. 148.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ПИСЕМ Е. Д. КУСКОВОЙ К М. А. БЕГМАН И Н. А. РУБАКИНУ (1940–1944 ГГ.)*

...Мы стали получать русские газеты. Они – отвратительны, хотя мы и не «белогвардейцы»... (17.01.40).

...Получила на днях письмо от проф. Лосского (из Праги. – *О. В.*). Он скорбит, что невозможно работать без основных библиотек. Но интересно там же: «Понемногу начинаем разговаривать. Так, только что был доклад проф. П. Н. Савицкого (евразийца) о хозяйстве Сов. России. Доклад резко критический. Дополнение к нему сделал проф. Д. Н. Шанцев. До заключения союза с Россией никаких докладов ничуть не допускали на всем пространстве протектората. Да и делать их было нельзя – запрещена была вся советская литература. Теперь она, очевидно, разрешена, ибо Петр Николаевич Савицкий без материала такого доклада не мог бы сделать... (19.01.40).

...Мы не живем... замерли... Никогда еще в жизни так остро не чувствовали своего бессилия. Потом тоску, совершенно дикую, наводят многочисленные письма из Франции, – разбежавшихся людей. Этого панического бегства мы после их объяснений – не в состоянии понять. Когда 250 тыс. армия входила в марте 1939 г. в Прагу и шеф ее заявил по радио, что если чехи вздумают сопротивляться... Прага будет взорвана на воздух! – мы повели пропаганду: Только не бежать!... Куда можно убежать от современной моторизованной армии? С ее аэропланами? Так и вышло, десятки тысяч обезумевших людей бежали из Парижа в Лион. На полпути они встретили таких же обезумевших людей, бежавших из Лиона. Лион немцы взяли обходом!!! В некоторые места люди прибегали и застывали от ужаса: там уже были немцы! Кошмарный психоз. А теперь создалось дикое положение: с мест им не позволяют трогаться. Кроме того, часть публики, Бердяевы, Алдановы, Мочульские, Фундаминский, Демидов, Коновалов (прим. рукой Н. А. Рубакина –

* Отдел рукописей РГБ, Ф. 358 (Н. А. Рубакин), карт. № 246; ед. хр. 4; 5; 6; 7.

сотрудники «ПН») и масса других оказались в зоне занятой немцами и заперты там! Ведь они бежали с ручными чемоданчиками можно сказать безо всего! И бросив свои жилища, которые вовсе даже не бомбардировались. Вот они пишут: что нам делать, что нам делать. Пав<ел>. Ник<олаевич>. Милюков пишет, что растерянность у всех (включая и французов) **исключительная**... Ну а делать-то что? Софья Влад<имировна> Панина пишет мне из Америки: «Сегодня американское радио сообщило нам: Франции больше не существует. Осталась лишь колония Германии». И она спрашивает: Так ли это, так ли это? Что ей отвечать? Ответила: судить рано, пока можно только смотреть... «Смысл» общемировой или общеевропейский вскрыется не сейчас... Вот и замерзли... Лучше бы всего соединиться с Родиной. Но как? Нельзя... (16.07.40).

...Как мы живем? Заваленные просьбами о помощи... Даже Пав. Ник (Милюков. – *О. В.*) попал в трудное положение: все деньги его застряли в Англии... Оттуда пишут: британские и германские беженцы заслонили русских... Кричи не кричи, мало кто обратит внимание. Вы уже знаете, вероятно, что Американская рабочая партия прислала для русских социалистов 75 виз и столько же оплаченных билетов в Нью-Йорк. Большая часть русских социалистов уже воспользовалась ими и уехала. Тогда А. И. Коновалов обратился к американской общественности, чтобы она прислала визы не социалистам – русским писателям, профессорам и пр. Он прислал мне текст этого обращения и все требует, чтобы и мы с С. Н. (Прокоповичем. – *О. В.*) вставили туда свои имена. Там стоят: Алданов, Бердяев, Бунин, Мережковские, Мочульские, Коновалов, Демидов, Зайцев и много-много других. Мы самым решительным образом от этого отказались: стары! Уж погибать так лучше здесь. Пав. Ник. тоже отказался. Пытаются здесь в Европе восстановить газету, но я плохо в это верю. А мы все возимся со швейцарским видом на жительство – не дают! Говорят: так как вы не евреи, то нет для Вас и опасности вернуться в ту страну, откуда вы приехали! С. Н. даже должен был поехать в Берн, чтобы подробнее объяснить, что опасности бывают не только еврейские, но и вообще разнообразные... Сейчас готовим № 5 «Бюллетеня». Не сумасшедшие?! В какую страну его можно будет послать? Живем надеждой, что чудовища, которые сейчас устремились в Англию, в нашу бедную страну не ворвутся. А чудовища почти что сверхъестественные... (20.09.40).

...Милюков чрезвычайно одобряет... осторожных политиков Кремля. С. Н. тоже. Но конфиденциально дает столь жесткую критику хозяйства, что все же жутко: «Этой хозяйственной «неувяз-

кой» могут воспользоваться «забияки», как называет Милюков некоторых воителей... (14.03.41).

...А радио... Все-таки не вытерпела и написала об этом в Россию... Ответа еще не имею... Написала... что в своей критике мой муж, никогда и ни при каком режиме не занимавшийся «фальшивками», еще не дошел до ругательств и разоблачений депутата Маленкова (на 18-й партийной конференции). Правда Маленков ругается по-русски, а С. Н. по-английски, но в ругани Маленков его перещеголял. Так где же «фальшивки»?!

...Продолжаем получать репортажи о состоянии здоровья П. Н. Милюкова. Очень плохо. Потерял уже 20 кг веса. Разошлись швы после операции (давней) аппендицита. Грыжа. Склероз сердца. Пошлю им посылки (с огромным трудом), делала попытки взять их сюда – невысказано, ни под каким видом не дадут визы. Он очень слаб. Хотя пишет прелестные письма, остроумные и оптимистические. В одном из них прибавка: «Одно плохо: в мой оптимизм перестали верить». Я ему ответила: «А мы все еще верим» (20.03.41).

...С. Н. верит в «сопротивление»... Я не верю уже с момента колхозов. Мужик, чтобы взять землю отогнал в 1918–21 белых. Теперь предаст красных... Одним словом **не верю** и думаю, что это конец. Прежде всего, для режима. Ну а для России – кто это может сказать? Не могут и сами организаторы «крестового похода»... Знаю, что и у нападающих не все благополучно... Но ведь теперь не времена Наполеона. Да и коммунизм дико надоел всему миру... (01.06.41).

...Дерутся изумительно. Но разрушения..., но гибель буквально миллионов людей. И молодых. И конца не видно. Предсказать исход теперь уже совсем трудно. Пав. Ник. пишет напр.: «После 15 сентября начнется 12-й год».

Р. С. Знаете ли, что П. Б. Струве, наконец, освобожден? Его видели в Виши (01.09.41).

... От Пав. Ник. частые письма. Невеселые. У них голод по настоящему. (04.02.42).

...Здесь читал лекцию проф. И. А. Ильин. Его война перевернула, и он принес большую пользу, продолжив лбы здешней черной сотне, хотя и сам себя зовет «черносотенцем». В это я, конечно, не верю, хотя малый и свихнулся от большевизма, как многие и многие. Теперь приходит в себя. Человек он очень ясный интересный и было бы хорошо, если б он окончательно очухался. Мы с ним прожили пять лет при большевиках в Москве, и он вел себя прекрасно... Этот человек может еще пригодиться в культурном смысле и очень даже... (03.05.42).

...Знаете ли Вы, что еще бежали из Германии восемь девиц и 36 парней, все голые и без ничего! Опять собираем для них одежду... Очень тяжело было... читать о... пререканиях Жиро с де Голлем. Вроде наших Деникиных и Врангелей. Не понимают в чем «пуп земли» на их Родине... (20.05.43).

...должна отметить и смерть редактора «Руля» В. Гессена. Его, как еврея, перекидывали с места на место на юге Франции. Но ему было 77 лет, и он был болен сердцем. С великими трудами удалось через Испанию уехать в Нью-Йорк. Доехав, скончался. Поговорка: стоило огород городить, да еще столь страдальческий... (02.06.43).

...Два письма ужасающих от Н. В. Милюковой... Суть дела в том, что сын Милюкова, Николай, опротестовал завещание. Ее вызвал нотариус и заявил, что будет «дело». А ей абсолютно не на что жить и отчаянье ее и о потере П. Н. и о своей собственной участи беспредельны. Пытаемся помочь ей. Я вызвала из Парижа (нашла способ) адвоката и третьего душеприказчика (два других вне пределов досягаемости) Арс<ения> Фед<оровича> Ступницкого. Он приедет... и лично вмешается во все... Писала ей так же о книгах и о том, что бы был сохранен каждый листик им написанный... (09.06.43).

...Из смертей отмечу лишь одну, умерла в Париже жена писателя Ремизова. Остался старик беспризорным...

...Ну конечно лихорадочно живем событиями. Конца и края нет... А уж о глубочайшей жалости к тем, тамошним, на которых падает или до сих пор падало самое тяжкое бремя войны – уж и говорить нечего... (13.08.43).

...не будь России и ее жертвенной, неслыханной борьбы, давно бы многие «культурные» (а мы так дикари!) нации полетели бы вверх тормашками...

...Писала ли я Вам, что В. А. Маклаков приехал из Парижа... лечиться. Он не верит в скорый конец войны и приводит для доказательства этой своей уверенности много аргументов. Очень хотелось бы его убедить. Он очень умный, очень осторожный в суждениях человек и его мнение всегда обогащает даже в том случае, если не соглашаешься с ним. Но как мы все разбросаны, разорваны! Даже письмами сообщаться трудно – через сто цензур! (22. 08. 43).

...Я рассказывала Николаю Александровичу об удивительном случае: об издании книги С. Н. Советами. А так как это теперь библиографическая редкость – 5000 экземпляров в России разошлись моментально – то отдайте ее в переплет...

...Это чудо, что мы, кажется, доживаем до их (событий. – О. В.) конца. Теперь прошлое кажется каким-то кошмаром, огромным кровавым пятном на лице скорбном так называемой человеческой

культуры. Когда это дьявольское пятно отодвинется, – работы культурной будет уйма и дорог будет каждый ее грамм. Мы с Вами видели тут вот этих советских парней и девушек. Они хороши по духу, по стремлению вперед, но сколько их надо чистить всеми щетками познания и даже примитивного общественного воспитания. Хотелось бы этому послужить, если еще хватит сил...

...Сейчас же обступили меня тут срочные дела – в первую голову евреи. Их набежало опять много: содействовали их побегу итальянские офицеры. Один наш знакомый (С. Г. Шерман) привел с собой сюда 12 детей без родителей, – от 3 до 14 лет возраста. Швейцарцы всех приняли, один итальянский офицер сам подвел их к нашей границе... Чудеса, чудеса... (09.09.43).

...«Тихий Дон» Вам послала. Задержка его вышла из-за С. Н. Он этого знаменитого романа никогда не читал, и хотел его прочесть... читал медленно и «со вкусом». Уверяет, что это роман – с точки зрения старой ленинской идеологии – контрреволюционный и очень интересный. Я даже нахожу, что его характеристики русской жизни и гражданской войны от восторгов перед русским народом очень и очень далеки. Скорее подчеркивается дикость, брютальность и весьма примитивный реализм... (26.09.43).

...Знаете ли Вы, что из одного из швейцарских лагерей убежало семь человек русских, предварительно взломав пакгауз и снабдившись достаточным продовольствием. Судьба их печальна: заблудились и попали... в руки немецкого патруля. Что с ними будет... (08.11.43).

...Я видела еще 10 номеров «Правды», где было продолжение «Семьи Тараса». Но не было ни одного фельетона, который захотелось бы списать: то, что было в первом – самое яркое и лучшее. И вообще все эти номера были бледны как покойники. Какая-то непонятная мне неувязка между тем, что там делается и тем, что пишется... (30.11.43).

...Кругом развал, грустно тянутся события, как делать только кровь русская легко льется. Все остальное «трудно» если не «невозможно»...

Книга С. Н., наконец-то двинулась, есть праздничные заказы типографиям... и она в последней стадии работы... но Госиздат... пропустив книгу к печати, хотя бы хорошо бы за нее заплатил... А тут этого ждем меньше всего...

Вообще... свобода-то почти всегда, да пожалуй, и всюду, стала походить на Синюю птицу. Поймай ее за хвост!

Вот и мы ждем прихода очередной стипендии... мы боимся, что наша попадет в те 100 миллиардов, кот<орые> снова потребовал

Рузвельт (речь идет о военном займе на 1944 г. – О. В.) и к нам не попадет... (21.01.44).

Не писала Вам, не ответила на ваше такое чудесное письмо: разбита была душевно. Сколько еще планов, сколько работы впереди, а ты собрался уходить...

Доктор все время твердит: «s'est thés serieus...». Да я и сама знала это. Хорошо оба осознаем, что возраст – выше «средней статистической», что уходить не диво, но еще есть хотя бы капля духовной энергии, что бросать эту землю жалко еще... Вот и вышучиваем мы его (С. Н. Прокоповича. – О. В.)... Сегодня первый день как будто какой-то перелом... он почти хорошо говорит и идти пробует – ноги стоят крепче. Делаем решительно все, что нужно, чтобы его вырвать. Он очень хочет закончить почти готовую книгу, очень нужную для всякой мирной конференции: «О мировом распределении сырых материалов, рабочей силы и кредитов». Адова работа была, поневоле хватил спазм... мозга. Эта книга почти готова, но нужно еще поработать над ней. А врач говорит, что ничто ему так не вредит, как работа без продолжительного перерыва и полного отдыха. Да еще не знаю, как этот отдых осуществить. Лечение в Швейцарии требует золотых гор, а у нас и медных мало...

Я думаю, судя по интересу к России, что книжка разойдется. Кроме того, это энергичный и по-видимому влиятельный издатель: он уже организовал ее издание на английском, франц<узском>, шведской и итальянском языках. Но все это будет, конечно, не очень скоро, как он не торопится. Я сегодня послала Вам обе книги. Не решилась сделать надпись. Если С. Н. выздоровеет, он напишет сам, будучи в Лозанне. Ну а в случае иного исхода так уж... А послала потому, что у Вас ее, наверное, будут спрашивать, а Вы имеете все права иметь ее первыми.

Мы только в субботу получили ее из Цюриха. Очень бы просила Вас... прочесть ее маленькое предисловие (а потом и заключение) и сказать, правильно ли все это высказано. Все-таки очень хорошо, что он успел закончить эту убийственную корректуру... расположить таблицы ясными, а не полуслепыми.

Тут удалось устроить посылку ежемесячной небольшой суммы Нин<е> Вас<ильевне> Милюковой. Стороной еще узнала, что она ведет в маленькой комнатухе полуголодную жизнь, а с 1 апреля не будет иметь и вовсе ничего...

Знаете ли Вы, что 26/II умер в Париже – внезапно – П. Б. Струве? Проснулся в 5 ч. утра и сказал Аде (глухому сыну), чтобы он принес горячей воды – стыннут ноги. А когда Адя вернулся с водой

он был мертв, сидя на кровати... В Чехии тоже умирает много наших знакомых. Сметается все поколение (26.03.44).

...Теперь имейте в виду у нас телефон прямо в комнате, на моем столе... наградили им нас югославы... Это С. Н. и мне большое облегчение в делах... С. Н. поправляется. Он уже пишет новую работу... доктор гонит нас хотя бы на 3 недели из города, но это осуществить без крупного займа абсолютно невозможно. Занимать же мы не храбры, не знаю даже будет ли продлена стипендия Carnegie, или же американцы <растрачивают-?>... все свои вклады и на ученых... у них ничего уже не остается...

Вот получила письмо из Чехии, полное паники: «У нас просто помешательство, все до ужаса боятся «небесной смерти» (бомбежек. – О. В.)... Пишут так же о массе беженцев, не желающих оставаться в городах, занимаемых Красной армией. Понятно: многие, ведь, с завоевателями не за страх, а за совесть. Общие события развиваются медленно, но планомерно. Исход их ясен, но цена, которую > заплатит за этот исход человечество, в частности родная наша Россияшка, пока еще неизвестны. Во всяком случае цена неслыханно дорогая.

Читали ли, кстати, статью в «Известиях» «Они учатся в Ленинграде». Преступление – не дать перевести эту статью в швейцарскую > прессу... Если бы я смогла этот номер задержать, сделала бы это...

Хочу домой. Повидать сына, Россию и тогда уже умереть, если не дадут там поработать... Думаю что нашла бы и форму, и нужные слова (04.04.44).

...С лихорадочным вниманием следим за историческим фильмом величайшего значения (высадка союзников в Нормандии. – О. В.). Будет ли обычный американский конец? ...Здесь фашистская публика в полной растерянности... (09.06.44).

...Дорогая, не лишайте меня – в наказание – газет. Буду теперь умна и послушна... Толстой будет тотчас же переведен и (вероятно) напечатан (речь идет о рассказе А. Н. Толстого «Русский характер». – О. В.). Теперь самое время для таких вещей. Жалею, что из-за Уоллеса (видимо, речь идет о каком-то выступлении вице-президента США. – О. В.) не удалось переписать Татьяну Тэсс. Ее рассказ тоже подошел бы...

Неужели... и сюда докатилась эта сумасшедшая ненависть, ищущая... удушить еврейского врага?! Сейчас уходя из Ковно, они перерезали 10 000 евреев интернированных ими же год тому назад. Одна моя знакомая еврейская семья сходит от горя с ума: там были заключены их близкие родные, в том числе прелестный 10-летний

мальчик, карточку кот<орого > мне показали. Когда кончится это безумие?

...Скоро, скоро придут в Париж... А что останется от Варшавы и от многочисленных там наших знакомых – неизвестно (07.08.44).

...Меня все больше беспокоит слишком долгий бой под Варшавой. Не хотят ли русские, что бы дралась лишь польская армия и партизаны, у кот<орых> нет оружия, как они заявили Лондону?? Тогда без помощи русских им не одолеть.

Будь, что будет дальше, но все, же какое счастье, что мы приближаемся к концу войны. Пять страшных лет позади... (09.08.44).

...Я ненавижу все бесчеловечное, но этот <враг?> сделал так много чисто дьявольского зла, что надо его добить, как следует, так чтобы он больше никогда не смог бы подняться... Поздравляем Вас и ждем полного освобождения...

Сегодня с оказией имела уже сведения из Франции <о> Н. В. Милюковой. Она страшно бедствует. Мы ей посылали, но крохи. Надеюсь, что теперь дело с завещанием продвинется скорее, и она что-нибудь получит. Мне она пишет, что плачет целые дни о «незабвенном» (П. Н. Милюкове. – О. В.) (01.09.44).

...Сейчас узнала, что расстреляна немцами в Тулузе жена поэта Кнута. А он <чудом уцелел -?> с тремя детьми, из которых одному всего полтора годика. Жуть (03.09.44).

...Люди со всех сторон. Спрашивают советов, которые не всегда легко дать. И «обратный ход» беженства будет далеко не так легок в период «освобождения», как многие думали...

Вот недавно скончался (от рака носа и гортани) один из первых марксистов – Сергей Ник<олаевич>Булгаков, в последующей жизни своей уже священник, протоирей... А помню его на кафедре Тенишевского училища, учил нас фанатически азбукам марксизма...А <затем -?> столь же фанатически ушел в христианский мистицизм, написал книгу о Св. Софии и массу статей о настоящей сущности истинного христианства. Был умный и хороший человек. (18.09.44).

...Приехал из Парижа важный француз по делам. Рассказывает:

1. Есть лагеря, заполненные русскими. Их две категории: русские апатриды, эмигранты. Их будут анкетировать и в случае надобности судить французские суды.

Вторая категория – очень обширная – советские граждане, кот<орых> немцы привезли отчасти, как членов армии Власова, отчасти для работ разных во Франции. Среди них много бежавших из России с немецкой армией... Все эти люди советского происхождения будут выданы России. Богомолов (посол СССР. – О. В.) уже

приехал в Париж, организовал свое *ambassade* на rue de Grenelle и в его распоряжение поступили все эти люди.

2. Количество арестованных русских – огромно. У нашего информатора такое впечатление, что и <Советы-?> и сама Франция желают воспользоваться случаем («*colloboration avec l'ennemie*») и ликвидировать остатки белого движения навсегда (26.09.44).

...Последнее время так называемое «общественное мнение» повертывается к утверждению, что война продлится еще до весны... Кажется, придется еще <посидеть-?> в ловушке. Это становится все труднее материально, а главное психологически...

Вот Вы спрашиваете о людях. И так хочется знать о судьбах многих и многих. А заслон продолжается. О Romain Rolland'e (Ромене Роллане. – *О. В.*) слышала в связи с сообщением о его кончине. Его хорошая знакомая начала усиленно наводить справки еще до освобождения Франции. И узнала точно, что он жив, невредим не был ни арестован, ни мучим. Живет в глухом местечке (могу узнать название) недалеко от Rennes (Ренна. – *О. В.*). Что случилось с ним во время последних боев – она еще не знает. О ...других ничего не знаю...буду узнавать...(02.10.44).

...Через 5–6 дней у меня будет хорошая оказия в Париже... Вероятно Ник^олай^а Ал^ександрович^и задаст им задание узнать, что случилось с русскими библиотеками? Узнают и о Romain Rollan'e Agagon'e (Луи Арагоне. – *О. В.*) и Bloch'e (Жане Ришаре Блоке. – *О. В.*).

Но теперь там есть ведь свой человек и Москва может расспросить и его... (10.09.44).

...Мой знакомый был в Париже всего два дня... он смог сдать лишь письма ему порученные, но не бегать по квартирам...

Вас вероятно интересуют <новости-?> нашей парижской эмиграции. Посылаю прокламацию «демократов» во главе с Маклаковым. Но эта группа в целости оставалась неделю. Проф. Одинец и Борисов от них отпочковались, соединились почему-то с самыми подлыми людьми из «Возрождения» (Лев Любимов и др. все время позорившие Сов. власть), и стали издавать «Русский патриот». Это еженедельник. Теперь они набрали 3 млн фр. франков и хотят издавать ежедневную газету. Ожидают разрешения на нее Богомолова, так как франц^узское правительство отказалось ее разрешить без согласия русского посла...

Будет состоять (в качестве директора распорядителя адмирал Вердеревский, бывший член Временного правительства... группа «Русского патриота» <открыла-?> клуб, где бывает «советская общественность»(?)) (23.11.44).

...Заклинилось с Парижем: ни туда, ни оттуда, почти не дают виз, до смертного часа боятся пятой колонны. Она и действительно там велика...

Мы все в каком-то тупике. Наступление немцев (в Арденнах – *О. В.*), если и не очень опасно, но крайне неприятно... Пока оба хотим лишь сердечно обнять Вас... желаем перемен, радикальных для 1945. Пусть этот год не будет проклятым всеми людьми как были прокляты пять предшествующих... по пролитой крови... (22.12.44).

...В общем буква V во всех наших с Вами смыслах! Победа полная и окончательная! (23.12.44).

PERSONALIA

1. Абрамович Рафаил Абрамович (1879, Двинск – ?) – революционер, политический и общественный деятель. Окончил Рижский политехнический институт. Принимал участие в студенческих революционных кружках и в начале 1900-х гг. вступил в Бунд (Еврейский рабочий союз). С 1906 состоял членом ЦК РСДРП (примыкал к меньшевикам). В 1911 г. был арестован, сослан в Вологодскую губ., но оттуда бежал за границу. В 1917 г. вернулся в Россию, входил в ЦК Бунда и ЦК РСДРП (меньшевиков). В 1920 г., на 12-й конференции Бунда, когда часть бундовцев высказалась за слияние с РКП(б), выступил решительным противником такого слияния. В составе заграничной делегации меньшевиков и Бунда, уехал за границу, где вместе с Мартовым основал «Социалистический вестник». В качестве представителя РСДРП был членом исполкома 2-го Интернационала.

2. Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881, Севастополь – 1925, Прага) популярный русский писатель-сатирик, редактор журналов «Сатирикон» (1908–1913) и «Новый Сатирикон» (1813–1918). С 1920 г. в эмиграции.

3. Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – революционер, политический и государственный деятель. Один из основателей и политических руководителей ПСР. В 1905 г. депутат Петербургского совета, был сослан, в 1907 г. бежал за границу. В Германии получил степень доктора философии за диссертацию о философии Ницше («Сверхчеловек»). В годы Первой мировой войны участвовал в формировании добровольческих отрядов из русских политэмигрантов, принимал участие в социалистических газетах «За рубежом», «Новости» и (вместе с Г. В. Плехановым) «Призыв». После Февральской революции вернулся в Россию, был председателем ВЦИК съезда крестьянских депутатов, затем министром внутренних дел в июльском кабинете Временного правительства и накануне Октябрьского переворота избран председателем «Временного совета республики» (Предпарламента). В октябре председатель «Комитета спасения родины и революции», руководитель

восстания юнкерских училищ в Петрограде. В 1918 г. пробрался за Урал, принял участие в «Уфимском государственном совещании», был членом Директории. После ноябрьского (1918) переворота в Омске, с разрешения Колчака уехал за границу. В 1919 г. протестовал против принятого IX Советом партии эсеров решения отказаться от вооруженной борьбы с большевиками, заменив ее обычной политической борьбой, так как видел в этом «недопустимую терпимость». В эмиграции активный участник социалистических изданий, сторонник непримиримой борьбы с большевизмом.

4. Авсаркисов М. П. (?) – деятель кооперативного движения в начале 20-х гг. глава Московского народного банка, член общественного Комитета помощи голодающим («Помгол»).

5. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – русский литературный критик и публицист. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета. Написал диссертацию о Локке и Лейбнице. Был секретарем философского общества в Москве. Автор множества статей на философские, литературные и педагогические темы, театральный обозреватель журнала «Русская мысль». Автор работ о русской и западноевропейской литературе: «Пушкин» (1908); «Этюды о западных писателях» (1910); «Поэты и поэтессы» (1922), книги эссе «Силуэты русских писателей» (1906), статей для энциклопедического словаря Гранат. Выслан за границу в 1922 г.

6. Алданов (Ландау) Марк Александрович (1886–1957, Ницца) – писатель, эссеист, автор романов, посвященных российской и европейской истории. Выпускник Киевского университета. Литературный дебют – книга «Толстой и Роллан» (1915). Жил в Париже (до 1941 г.), затем в Нью-Йорке, с 1947 г. в Ницце. Автор циклов романов: «Мыслитель» (тетралогия – «Святая Елена, маленький остров», 1921; «Девятое термидора», 1923; «Чертов мост», 1925; «Заговор», 1927); трилогии о судьбе русской интеллигенции после Октябрьского переворота («Ключ», 1930; «Бегство», 1932; «Пещера», 1934–1936); романов «Истоки» (1950), «Начало конца» (1939), «Живи как хочешь» (1952), «Самоубийство» (1957); сборников эссе: «Огонь и дым» (1922), «Современники» (1928), «Портреты и Новые портреты» (1931, 1936), «Земли, люди» (1932), «Юность Павла Струганова..» (1934).

7. Альтовский А. И. (?) – революционер, член ЦК ПСР, приговорен по «процессу эсеров» 1922 г. к расстрелу, замененному пятью годами лишения свободы.

8. Анненков Борис Владимирович (1889, Новгородская губ. – 1927, Семипалатинск). Деятель Белого движения. Генерал-майор.

Выпускник Одесского кадетского корпуса (1906) и Александровского военного училища (1909). На военной службе с 1909 г. (хорунжим). В 1918 г. возглавил организованное выступление сибирских казаков против большевиков. Сформировал партизанскую дивизию, затем получил в командование 2-й Степной корпус. В 1919 г. произведен в генерал-майоры и назначен командующим Отдельной Семиреченской армией, дислоцированной в Казахстане. В мае 1920 г. под натиском красных отступил с остатками армии в Китай, был разоружен, в 1921 г. арестован китайскими властями и три года провел в заключении, в 1926 г. отправлен через Монголию в Советскую Россию. 25.08.1927 по приговору Верховного суда СССР был расстрелян за «массовые убийства и репрессии мирных жителей в 1918–1920 гг. на территории Казахстана».

9. Арагон Луи (1897–1982) – французский поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Участник Сопrotивления. Член ЦК ФКП (1954–1982). Лауреат Международной Ленинской премии мира (1957).

10. Арестоулов (?) – казачий генерал, один из руководителей военных действий партизанских отрядов против пограничных частей СССР на дальневосточной границе.

11. Афанасьев Михаил Емельянович (по др. данным **Иванович**) (02.11.1883, ст. Ермаковская, ОВД – 17.10.1937, Шанхай) – генерал-лейтенант (1920), окончил Михайловское артиллерийское училище, числился по Донской казачьей артиллерии, участник Первой мировой войны, в 1918–1920 гг. один из руководителей белого движения в Сибири и Забайкалье, начальник штаба атамана Семенова, военный министр в правительстве РВО.

12. Афанасьев Сергей Иванович (?) – генерал, с 1920 г. в эмиграции в Китае, служил в охранной страже КВЖД.

13. Бакич Андрей Степанович (31.12.1878 – май, 1922, Новоиколаевск) – генерал-майор, участник Первой мировой войны и деятель белого движения, Георгиевский кавалер. После убийства Дутова (см. далее) возглавил Оренбургский казачий корпус. Вел бои с частями Красной армии в западной Монголии. Остатки корпуса были разгромлены, а Бакич и начальник его штаба генерал Степанов расстреляны по приговору Революционного трибунала.

14. Бахрушин Алексей Александрович (1865, Москва – 1929, Горки, Моск. обл.) – Купец, меценат, создатель литературно-театрального музея (Театральный музей им. А. А. Бахрушина, открылся 30 мая 1894 г.). Организатор популярных в театральных кругах Москвы «Бахрушинских суббот». С 1880-х гг. коллекционировал фотографии актеров в ролях, афиши, программы спектаклей,

эскизы костюмов, мемориальные вещи и пр. член совета Русского театрального общества (1896–1924), деятельный сотрудник общества «Старая Москва» (1910–1929), председатель музейно-архивной секции Театрального отдела Наркомпроса (1918–1921).

15. Безуар Василий Викторович (01.01.1887–07.12.1941) русский эмигрант, участник Первой мировой и гражданской войн, контр-адмирал (1921), командовал Амурской флотилией (1918–1920), руководил в 1922 г. эвакуацией беженцев и военных частей из Владивостока, затем служил в торговом флоте. Убит в день вступления Японии в войну на Тихом океане.

16. Белозерская Любовь Евгеньевна (1895–1987) в 1924–1932 гг. – жена и секретарь М. Булгакова.

17. Бектеев Н. И. (?) – русский эмигрант, полковник, участник русских военных формирований в Западном Китае, сотрудничал с советской военной миссией.

18. Бенкендорф С. А. (?) – граф, русский дипломат, сын последнего русского посла в Англии, участвовал в мирных переговорах РСФСР и Польши в Риге (1921) в качестве эксперта советской делегации.

19. Берберова Нина Николаевна (1901, СПб. – 1993, Филадельфия) – Писательница, в эмиграции с 1922 г., до 1933 жена В. Ходасевича, автор произведений о судьбах эмигрантов: «Биянкурские праздники» (1928–1940), «Курсив мой» (1969, 1972 русское издание), «Железная женщина» (1981), «Люди и ложи: Русские масоны XX столетия» (1986).

20. Бердяев Николай Александрович (1874, Киев – 1948, Кламар, Франция). Религиозный философ, почетный доктор богословия Кембриджского университета (1947), автор более 40 книг. С юных лет участник марксистских кружков, за что подвергался аресту и ссылке (однако, считая революцию оправданной, не принял реалии Октябрьского переворота). В начале XX в. видный участник «движения от марксизма к идеализму» наряду с С. Н. Булгаковым (см. далее), П. Б. Струве (см. далее), С. Л. Франком. Участник сборника «Проблемы идеализма» (1902). После 1904 г. сблизился с кругом Д. С. Мережковского (см. далее) и др., породившим течение «новое религиозное состояние». В эти годы были опубликованы книги «Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные 1900–1906» (1907) и «Новое религиозное сознание и общественность» (1907). В 1908 г., перебравшись в Москву, вошел в круг издательства «Путь» и Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева; участвовал в сборнике «Вехи» (1909). После 1917 г. осознал себя противником большевистского переворота и видел

свой долг в духовном противостоянии тоталитарной новой власти (проведение еженедельных литературно-философских собраний у себя на дому, организация Вольной академии духовной культуры, публичные лекции, в 1918 г. участие в сборнике «Из глубины»), хотя не отвергал социалистическую идею как таковую. С 1922 г. в эмиграции (был арестован и выслан советскими властями). Жил и работал в Берлине и во Франции. Книга «Новое средневековье» (1924) приносит ему европейскую известность и, с течением времени, он становится посредником между русской и западной культурами, и Запад охотно принимает его трактовку русской истории, национального сознания и революции (исследования «Истоки и смысл русского коммунизма», 1937; «Русская идея», 1946 и др.). В конце 40-х гг. с выходом своего «Опыта эсхатологической метафизики» (1947) и философской автобиографии «Самопознание» (1949) приобретает общемировую известность.

21. Беркенгейм А. М. (?) – деятель кооперации, член общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

22. Бирюков Павел Иванович (1860–1931) – общественный деятель, биограф и последователь Л. Н. Толстого. Автор четырехтомной биографии и редактор полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в изд. Сытина (1912–1913). Долгое время заведовал издательством «Посредник», основанным Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым. В 1897 г. за составление (совместно с В. Г. Чертковым и И. М. Трегубовым) воззвания о помощи гонимым духоборам, к которому Л. Н. Толстой написал послесловие, был до 1907 г. выслан за границу, где вместе с В. Г. Чертковым издавал сборник «Свободное слово» и журнал «Свободная мысль», в которых печатались запрещенные в России произведения Л. Н. Толстого и др. писателей. С 1920 г. живет в России. Основная работа: 4-томная биография Толстого, включает в себе огромный материал, касающийся жизни, личности и творчества Л. Н. Толстого. 1-й том биографии вышел в 1905, 2-й – в 1908 (переизданы в Берлине в 1921 и ГИЗом в Москве в 1923), 3-й – в 1921 (в Берлине, переиздан ГИЗом в 1923), 4-й (здесь дано и описание последних дней Толстого, вызвавшее в печати полемику) – в 1923 (ГИЗ, М.). Она не потеряла своей ценности и в наше время. Здесь впервые были опубликованы многие письма Толстого, отрывки ненапечатанных дневников, личные «воспоминания детства» и т. д. Ему же принадлежит и краткая биография Толстого, изданная Московским Толстовским обществом (1912).

23. Блок Александр Александрович (1880–1921, СПб.) – русский поэт, классик русской литературы.

24. Блок Жан Ришар (1884–1947) – французский писатель, публицист, активный участник Сопротивления.

25. Богданович Александр Владимирович (сцен. псевд. **Владимиров**) (1874, Смоленск – 1950, Москва) – арт. оперы (лирический тенор), камерный певец, педагог и музыкально-общественный деятель. Заслуженный артист республики (1925). Окончив в 1894 г. Смоленскую гимназию, поступил на медицинский факультет Московского университета. С 1897 г. брал уроки пения у Л. Собинова. За участие в революционных студенческих кружках неоднократно подвергался репрессиям. С 1900 г. работал врачом сначала в Смоленске, с 1901 г. – в Санкт-Петербургском Еленском клиническом институте. В 1903 г. дебютировал в партии Синодала в Петербургской русско-итальянской частной опере. В 1904 г. совершенствовался в вокальном искусстве в Милане. В сезоне 1904–1905 гг. пел в Тифлисской опере, в 1905 г. – в Петербургском народном доме. В 1905–1906 гг. – солист Мариинского театра (дебютировал в «Фаусте»), в 1906–1936 гг. – Большого театра (дебютировал в партии Синодала). Обладал редким по красоте голосом мягкого тембра, в совершенстве владел вокальной техникой (итальянское бельканто). За 30 лет работы на сцене Большого театра выступил в 45 операх. Выдающийся камерный певец. Пропагандировал творчество А. Гречанинова, Н. Черепнина, С. Рахманинова (1-й исполнитель романсов этих композиторов). Постоянно участвовал в концертах Кружка любителей русской музыки, с 1902 начал выступать в симфонических концертах, исполнял сольные партии в ораториях Г. Ф. Генделя, И. Гайдна, И. С. Баха, Реквиеме В. А. Моцарта и Дж. Верди, 9-й симфонии Л. Бетховена. Ежегодно давал бесплатные концерты для студентов и рабочих. Помогал К. С. Станиславскому (см. далее) в создании оперной студии при Большом театре, в 1922–1924 гг. руководил ею; позднее был его помощником по музыкальной части в Оперном театре им. К. С. Станиславского. В 1934–1936 гг. заведовал оперой Большого театра и руководил студией для молодых артистов. После 1917 г. был председателем корпорации солистов Большого театра. В 1927–1930 гг. депутат Моссовета от трех театров (ГАБТа, Малого и МХАТа 2-го).

26. Богомолов А. Е. (?) – посол СССР во Франции (в 1940–1941 гг. при режиме Виши, с июня 1941 г. посол при союзных правительствах в Лондоне), затем в Париже при Временном правительстве.

27. Блюхер Василий Константинович (1890–1938, Москва) – советский военачальник, маршал Советского Союза (1935). Награжден тремя орденами Красного Знамени (в сентябре 1918 г. первым в РСФСР). Член партии с 1916 г. На Восточном фронте ко-

мандовал дивизией, участник штурма Перекопа (командовал 51-й стрелковой дивизией). В 1921–1922 гг. был главнокомандующим Народно-революционной армией, военным министром и председателем военного совета ДВР. Командовал Особой Дальневосточной армией (1929–1938). Репрессирован, умер под следствием.

28. Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875, Петербург – 1937, Ленинград) – юрист, публицист правого направления, участник Гражданской войны на Юге, с 1920 г. в эмиграции, деятель сменовеховского движения, в 1923 г. вернулся в СССР. Репрессирован.

29. Богораз (Тан – псевд.) Владимир Германович (1865–1936, Ленинград) – этнограф, писатель, общественный деятель. Учился в Петербургском университете; был арестован за принадлежность к партии «Народная воля», сослан; с 1884 г. перешел на нелегальное положение, арестован в 1886 г. После трехлетнего заключения сослан на 10 лет в Колымск, Якутской области. Там стал заниматься этнографией и лингвистикой. В 1898 г. вернулся в Петербург. По приглашению американского Музея естественных наук в Нью-Йорке принял участие в Северо-Тихоокеанской экспедиции имени Джексона, в качестве заведующего Анадырским отделом. Вернулся в Петербург в 1901, вскоре был выслан полицией и уехал в Нью-Йорк, где работал в Музее естественных наук. В Россию вернулся осенью 1904 г. Принял участие в организации первого Крестьянского союза и Трудовой группы в Государственной думе, но, оставаясь беспартийным, активной политической роли не играл; занимался журналистикой и научной работой по этнографии. С 1918 г. работал хранителем Музея антропологии и этнографии Академии наук и профессором Ленинградского университета. Как беллетрист и поэт более известен под именем Н. А. Тана. Его стихи и рассказы стали появляться в журналах с 1896 г., еще из Якутской ссылки. По возвращении, выпустил в 1899 г. «Чукотские рассказы», в 1900 г. – «Стихотворения»; обе книжки имели значительный успех и переиздавались; в последующие годы Тан-Богораз напечатал ряд лирических стихотворений и прозаических произведений – очерков, рассказов, повестей, составивших к 1911–1912 гг. десять томов полного собрания его сочинений. Известность дали ему сибирские рассказы и гражданская лирика. После 1910 г. Богораз покидает беллетристическую и стихотворную форму, но активно печатает научные и публицистические труды.

30. Бонч-Осмоловский А. Ф. (?) – член Омского комитета ПНС.

31. Борисов (?) – русский эмигрант, член «Союза патриотов» во Франции (1944).

32. Брусилов Алексей Алексеевич (1853, Тифлис – 1926, Москва), генерал от кавалерии, участник Русско-турецкой (1877–1878) войны. В Первую мировую командующий Юго-Западным фронтом (1916–1917), с мая по июль 1917 г. Главнокомандующий русской армии. С 1920 г. в РККА. Умер в СССР. Автор мемуаров «Мои воспоминания», первый том которых вышел в СССР в 1929 г., а второй (рукопись вывезена вдовой) в эмиграции.

33. Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1940) – советский государственный деятель, в 1924–1929 гг. начальник политуправления РККА, в 1929–1934 гг. нарком просвещения РСФСР. Репрессирован.

34. Булгаков В. Ф. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»), при аресте у него были изъяты личные записи, на которых ВЧК построила обвинение комитета в контрреволюционной деятельности.

35. Булгаков Михаил Афанасьевич (1891, Киев – 1940, Москва) писатель, классик русской литературы XX в.

36. Булгакова (Нюренберг) Елена Сергеевна (1893, Рига – 1970, Москва), жена М. Булгакова (см.), после его смерти хранительница его литературного наследства и издатель произведений писателя.

37. Булгаков Сергей Николаевич (1871, Орловская губ. – 1944, Париж) – общественный деятель, философ, богослов, экономист и литератор. Окончил духовное училище, 1-й курс семинарии, гимназию и юридический факультет Московского университета. В 1897–1911 гг. работал в ряде высших учебных заведений Москвы и Киева. Депутат 2-й Государственной думы (1906–1907). В 1912 г. защитил докторскую диссертацию. Совершив сложную эволюцию от марксизма к религиозному мирозерцанию, участвовал в подготовке и проведении Поместного собора русской православной церкви (1917), восстановившего патриаршество в России. В 1918 г. принял священнический сан и был избран членом Высшего церковного совета. В 1919–1920 гг. профессор политэкономии и богословия в Симферопольском университете. В октябре 1922 г. выслан из России. В эмиграции один из основателей Общества Святой Софии. С 1925 г. профессор и декан Богословского института в Париже. Опубликовал множество работ по философии и церковному праву.

38. Буллит Уильям Кристиан (1891–1967), американский государственный деятель, дипломат, в 1919 г. глава специальной миссии президента Вильсона в Советской России, в 1933–1936 гг. первый посол США в Советском Союзе, в 1936–40 гг. посол во Франции.

39. Бунин Иван Алексеевич (1870, Воронеж – 1953, Париж) – русский писатель, классик русской литературы XX в., мемуарист. Лауреат Пушкинской премии (1903, 1909), почетный член Академии Российской словесности (1912). В эмиграции с 1920 г. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933).

40. Бурцев Владимир Львович (1862–1942). Известный издатель и публицист. За связь с народовольческими группами был в 1885 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1886 г. был сослан в Иркутскую губернию, откуда скоро бежал за границу. В 1889 г. в Женеве приступил к изданию газеты «Свободная Россия». В 1891 г. уехал в Лондон, где работал по изучению истории революционного движения в России; результатом этой работы явилось издание в 1896–1897 гг. сборника «За сто лет». Одновременно приступил к изданию журнала «Народоволец», в котором проповедовал революционный террор и возвращение к народно-вольческим методам борьбы для достижения политических свобод. Под давлением русского правительства Бурцев был арестован английской полицией: против него был начат громкий процесс по обвинению в призыве к убийству Николая II. Бурцев был приговорен к полутора годам заключения в каторжной тюрьме. По выходе из нее приступил (1900) к изданию историко-революционного журнала «Былое». В 1903–1904 гг. был выслан из Швейцарии и Франции. Громкую известность приобрел благодаря разоблачению провокаторов, особенно Гардинга, Ландейзена и Азефа. При поддержке союзных правительств был амнистирован и приехал в Россию. В 1917 г. издавал газету «Общее дело», вел кампанию против большевиков. После Октября, отбыв кратковременное заключение, уехал за границу в Париж. Здесь он продолжал издавать газету «Общее дело» (1918–1934), где вел пропаганду вооруженного похода против Советской власти. Литературные труды: «Воспоминания» (1923); «В борьбе с большевиками и немцами» (1923); «Юбилей предателей и убийц» (1928), «В погоне за провокаторами» (1931). Сотрудничал с «Последними новостями» П. Н. Милюкова.

41. Бухарин Николай Иванович (1888, Москва – 1938, Москва) – революционер, государственный деятель, ведущий большевистский теоретик, публицист. Приговорен к ВМН и расстрелян по так называемому третьему сталинскому процессу.

42. Бэслей (?) – французский революционер – «бланкист». В марте–мае 1871 г. комиссар финансов Парижской Коммуны.

43. Василевский Илья Маркович (Не-Буква) (1882–1938, Ленинград) – журналист, писатель, издатель. В 1924 г. вернулся в СССР, работал в «Госиздате». Деятель сменовеховского движения,

автор очень тенденциозной книги исторических очерков «Романовы». Репрессирован.

44. Велихов П. А. (?) – профессор, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

45. Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873–1946, Париж) – контр-адмирал, участник Первой мировой войны, с февраля 1917 г. начальник штаба Балтийского флота, в июне-июле 1917 г. командующий Балтфлотом. С 20 августа того же года Морской министр Временного правительства. Эмигрировал после октябрьского переворота. В 1946 г. редактор газеты «Русский патриот», принял советское гражданство.

46. Вержбицкий Григорий Афанасьевич (1875, – 1941/42, Тяньцзинь) – русский военный деятель, генерал-лейтенант (1919), Георгиевский кавалер. В 1917 г. полковник, командир бригады 137-й пехотной дивизии. Командовал отдельным отрядом, корпусом, армией в войсках Колчака. В 1921–1922 гг. командующий Дальневосточной армией и управляющий военным и морским ведомствами. В эмиграции с 1930 г. один из руководителей Дальневосточного отдела РОВС в Харбине и Тяньцзине.

47. Виленский – Сибиряков Владимир Дмитриевич (1888–1943) – партийный и советский деятель, участник Гражданской войны на Дальнем Востоке и деятельности Коминтерна в Китае. В начале 20-х гг. соредактор «Известий». Репрессирован.

48. Виноградов Владимир Алексеевич (род. 1921) – российский ученый академик РАН по отделению истории, лауреат Государственной премии СССР. Директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) (до 1998).

49. Воробьев Олег – современный публицист

50. Вологодский Петр Васильевич (1863–1928) – политический деятель, один из лидеров областнического движения в Сибири, в 1918 г. глава Сибирского правительства, член Уфимской директории, затем глава так называемого Омского правительства Колчака (до ноября 1919 г.), затем в эмиграции в Китае.

51. Володарский Валериан (Моисей Маркович Гольдштейн) (1891–1918, Петроград), советский деятель, в 1917–1918 гг. комиссар печати в Петрограде. Убит эсерами.

52. Врангель Петр Николаевич (1887–1928, Бельгия) – генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войны, с марта 1920 г. Главнокомандующий вооруженными силами Юга России. С 1921 г. в эмиграции, создатель РОВС.

53. Вышеславцев Борис Петрович (1877, Москва – 1954, Женева) – философ, юрист, профессор Московского университета. В

1922 г. выслан из России. В эмиграции преподавал в Париже и Германии. Автор книг «Философская нищета марксизма» (1952, под псевд. Б. Петров), «Вечное в русской философии» (посмертно) и др.

54. Гайкович Георгий (? – 1925, Китай) – русский эмигрант, подполковник. Окончил Сибирский кадетский корпус (1915), участник Первой мировой (к 1917 г. подпоручик) и гражданской (командовал рядом артиллерийских частей) войн, в эмиграции в Китае, командовал бронепоездом в Русской Шаньдунской группе генерала Нечаева (см.).

55. Герцен Александр Иванович (1812, Москва – 1970, Париж) – русский писатель, мемуарист, публицист, издатель.

56. Гершензон Михаил Осипович (1869, Кишинев – 1925, Москва) – русский историк литературы и общественной мысли, публицист, общественный деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Первые работы – «Афинская полития Аристотеля и жизнеописание Плутарха» и «Аристотель и Эфор». Вел публицистическую деятельность в журналах «Русская мысль», «Русские ведомости», «Вестник Европы» (1907–1908), «Русская молва» (1912–1913), «Биржевые ведомости», «Возрождение», участник знаменитого сборника «Вехи» (1909). Перевел ряд зарубежных исторических трудов, в том числе «Рассказы о греческих героях...» (1897), три тома «Всеобщей истории» Лависса и Рамбо, «Историю Греции» Белоха (1897–1899), «Образование» Паульсена (1900), а также прозу Петрарки. Приобрел большую популярность своими работами по русской истории, в частности московской интеллигенции первой половины XIX в. («Любовь Огарева», «История одной дружбы», «Лирика Огарева» (1900–1904); «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (1907), «История Молодой России» (1908), «Исторические записки» (1910), «Жизнь Печерина» (1910), «Образы прошлого» (1912), «Грибоедовская Москва» (1914), «Декабрист Кривцов и его братья» (1914), эти труды являют собой особый жанр художественного философско-психологического исследования, где научное исследование всегда ведется на грани беллетристического повествования. После революции продолжал историко-философскую и публицистическую деятельность: «Тройственный образ совершенства» (1918), «Мудрость Пушкина» (1919), «Мечты и мысль И. С. Тургенева» (1919), «Видение поэта» (1920), «Переписка из двух углов» (1921), «Ключ веры» (1922), «Гольфстрем» (1922) и «Судьбы еврейского народа» (1922). Его оппозицией к существующему политическому строю была борьба за «духовную свободу личности» После него осталось огромное эпистолярное наследство – около четырех тысяч писем. В них он

«явился летописцем дореволюционной Москвы, бытописателем ее интеллигентских кругов» Часть этих писем опубликована под заглавием «Письма к брату» (1927).

57. Гессен Иосиф Владимирович (1882, Одесса – 1943, США) – общественный деятель, издатель, журналист. Один из основателей Конституционно-демократической партии (ПНС). Депутат 2-й Государственной думы. Издавал кадетскую газету «Речь» (совместно с П. Н. Милюковым, см.). В эмиграции был издателем сборников «Архив русской революции» и газеты «Руль».

58. Гефтер Михаил Яковлевич (1918, Крым – 1995, Москва) – историк, философ, окончил МГУ в 1941 г.; участник Великой Отечественной войны; в начале 80-х гг. участвовал в издании «самиздатского» журнала «Поиски»; в советской прессе не публиковался до 1987 г.; вышел из Президентского Совета в знак протеста во время конфликта между Президентом и Верховным Советом в октябре 1993 г.; автор книги «Из тех и этих лет» (1991), а также многих эссе и статей.

59. Гиппиус Зинаида Николаевна (1869, Тульская губ. – 1945, Париж) – поэтесса, прозаик, литературный критик, мемуаристка. В 1889 по 1941 г. жена Д. С. Мережковского. Активно участвовала в политической и общественной деятельности до октября 1917 г., в том числе и как член масонской ложи. В эмиграции (с января 1920 г.) поддерживала деятельность Б. Савинкова. В Париже стала сотрудником ряда эмигрантских газет, хозяйкой литературного салона «Зеленая лампа». В 20–30-х гг. вышли ряд ее философских статей и поэтических сборников. В 1951 (посмертно) воспоминания о Блоке, Белом, Мережковском и др.

60. Глебов (Фаддей) Федор Львович (1887, Петропавловский уезд – 1945, Шанхай) – генерал-лейтенант казачьих войск (1921). В 1916 г. вахмистр. В 1918–1921 гг. командовал рядом казачьих формирований на Восточном фронте. Руководил эвакуацией последних забайкальских и уссурийских казачьих частей из Приморья в Китай в ноябре 1922 г.

61. Годжсон (правильнее – **Ходжсон**) (?) – английский дипломат. В 1918 г. консул Великобритании во Владивостоке, в 1921 г. глава английской торговой миссии в СССР.

62. Голинков Дмитрий Васильевич (?) – советский юрист «школы» Стучки и Вышинского, работник ВЧК, затем следователь по особо важным делам Прокуратуры УССР, РСФСР, СССР. Историк права, автор тенденциозной книги «Крушение антисоветского подполья в СССР», вышедшей в 70–80-х гг. тремя изданиями.

63. Гольденвейзер (?) – музыкант, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

64. Голль Шарль де (1890, Лилль – 1970, Колембе-ле-дес-Энглиз) – французский государственный деятель, генерал, Президент Франции (1959–1969). В 1940 г. основал движение «Свободная Франция» (с 1942 г. «Сражающаяся Франция»). В 1941 г. председатель Французского Национального комитета (с 1943 г. Французский комитет национального освобождения). В 1944–1946 гг. глава Временного правительства Франции. В 1958 г. премьер-министр. Создатель Конституции Пятой республики (1958) и ее основатель.

65. Головин Федор Александрович (1867, Москва – 1937, Москва) – государственный и общественный деятель, юрист. Один из организаторов и член ЦК ПНС, председатель 2-й Государственной думы, активный участник работы крестьянской комиссии. После Февральской революции – комиссар всех учреждений бывшего Министерства Императорского двора. После Октябрьского переворота – сотрудник советских госучреждений. В 1937 г. расстрелян по обвинению в принадлежности к антисоветской организации.

66. Гордон (ок. 1865–1930) – полковник, английский командующий Шанхайским волонтерским корпусом (1922–1928).

67. Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868, Нижний Новгород – 1936, Москва) – писатель, классик советской литературы.

68. Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940) – революционер, политический и государственный деятель. С 1906 г. член БО ПСР, в 1907 г. осужден на 7 лет каторги. С февраля 1917 г. лидер фракции ПСР в Петроградском Совете, Председатель ВЦИК 1-го созыва. После Октябрьского переворота один из лидеров «Комитета защиты родины и революции», и военного выступления юнкерских училищ 28–29 октября 1917 г. В 1920 г. арестован, в 1922 г. приговорен к расстрелу, замененному пятью годами заключения. После амнистии работал в Сибгубплане. Репрессирован.

69. Гредескул (?) – профессор права, член ЦК ПНС.

70. Гувер Герберт (1874–1964) – американский государственный деятель, глава «Американской администрации помощи» («АРА», 1919–1923), министр торговли (1921–1928), в 1929–1933 гг. 31-й Президент США от Республиканской партии.

71. Гуревич Э. Л. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

72. Гуцин А. Ф. (?) – русский эмигрант, полковник, участник русских вооруженных формирований в армии маршала Фэн Юйсяна (см.), сотрудничал с советской военной миссией.

73. Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871–1947, США) – революционер, политический и государственный деятель. Врач по профессии. Член РСДРП с 1894 г. Один из организаторов вместе с В. И. Лениным (см.) и Ю. О. Мартовым (см.) «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898–1901 и 1902–1903 гг. в ссылке (2 раза бежал). В 1907–1917 гг. редактор газеты «Голос социал-демократа», член ЦК и ОК РСДРП (меньшевик). После 1917 г. член ИК Петросовета и ВЦИК. В 1919–1920 гг. делегат 7-го и 8-го съездов Советов. В 1922 г. выслан за границу как «враг советской власти», в 1923 г. лишен советского гражданства. Член ИК Социтерна. В 1941–1947 гг. живет в США, издатель и редактор социалистического журнала «Новый путь».

74. Демидов И. П. (1873–1946) – член ЦК ПНС, депутат IV Государственной думы, в марте 1917 г. комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте, в эмиграции сотрудник газеты «Последние новости».

75. Деникин Антон Иванович (1872, Варшавская губ. – 1947, Анн-Арбор, США), генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, в 1918–1920 гг. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. С 1920 г. в эмиграции. Автор нескольких книг мемуаров. В октябре 2005 г. прах Деникина перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве, согласно его завещанию.

76. Дживелегов Алексей Карпович (1875–1952) – литературовед, театровед. Специалист по литературе эпохи Возрождения, автор научных работ по театральному искусству. С 1945 г. чл.-корр. АН Армении. Наиболее известная работа «Очерки итальянского Возрождения» (1929).

77. Диатроптов Петр Николаевич (1859–1934) – русский ученый-микробиолог и гигиенист, ученик И. Мечникова и Ф. Эрисмана. В 1892–1907 гг. руководил Одесской бактериологической станцией, где организовал изготовление противодифтерийной сыворотки. В 1907–1910 гг. руководил борьбой с эпидемией холеры в Поволжье. С 1910 г. профессор Московских высших женских курсов по кафедре общественной гигиены; впоследствии (до 1925 г.) занимал кафедру общей гигиены во 2-м Московском университете. С 1928 г. председатель ученого медицинского совета Народного комиссариата здравоохранения и директор Института экспериментальной терапии и контроля сывороток и вакцин. Заслуженный деятель науки РСФСР (1928).

78. Дикий Григорий Никифорович (1888–1961, Брюссель), в 20-х гг. заведующий экономическим бюро КВЖД, сменовеховец, умер в эмиграции в Бельгии.

79. Дитерихс, Михаил Константинович (1874, Петербург – 08.10.1937, Шанхай) – русский военный деятель, генерал от инфантерии, с сентября 1917 генерал-квартирмейстер Ставки ВГК, затем начальник штаба Ставки, участник белого движения, начальник штаба Чехословацкого корпуса (май 1918) и один из вдохновителей мятежа. В 1919 г. генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией, затем Восточным фронтом. В 1922 г. (июнь) был избран Земским собором в Приморье «правителем и воеводой земской рати». Эмигрировал (1922). С 1930 г. возглавлял Дальневосточный отдел «Русского общевоинского союза».

80. Долгоруков Павел Владимирович (1866–1927) – князь, земский деятель, один из основателей Партии конституционных демократов (ПНС), в 1918 г. сопредседатель (совместно с П. Н. Милюковым) «Национального центра». С 1920 г. в эмиграции. Расстрелян в СССР за «нелегальный переход границы».

81. Донской Д. Д. (?) – революционер, член ЦК ПСР. Приговорен по «процессу эсеров» 1922 г. к расстрелу замененному пятью годами лишения свободы.

82. Дояренко А. Г. (?) – профессор, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

83. Дутов Александр Ильич (1879, Казалинск, – 1921, Суйдун, Китай). Русский военачальник, активный участник белого движения, атаман Оренбургского казачьего войска (1917). Выпускник Николаевской кавалерийского училища (1898), академии Генштаба (1908). Был командиром сотни 1-го Оренбургского казачьего полка (до 1916), председателем совета Союза казачьих войск (с марта 1917), возглавлял работу Всероссийского казачьего съезда (1917), войсковым атаманом Оренбургского войска (1917). С 1918 г. генерал-майор, походный атаман всех сибирских казачьих войск. С 1919 г. генерал-лейтенант. В марте 1920 г. интернирован в г. Суйдун. Убит агентом ВЧК.

84. Емшанов А. И. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

85. Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937) – советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г. В 1917–1935 гг. член и секретарь Всероссийского (Всесоюзного с 1923 г.) Центрального исполнительного комитета Съезда Советов СССР (ВЦИК). В 1934–1935 гг. член ЦК ВКП(б). Расстрелян.

86. Есипов (?) – учитель Уфимской гимназии, отец Е. Д. Кусковой.

87. Желябов Андрей Иванович (1850–1881, СПб.) – революционер, лидер партии «Народная воля». Участник так называемого

хождения в народ. Судился по процессу 193-х, но был судом оправдан. Вел пропагандистскую работу среди студентов, рабочих, военных. Организатор ряда покушений на императора Александра II. Казнен вместе с С. Перовской (см.) и другими участниками убийства императора.

88. Жиро Анри (1879–1949) – французский военный и политический деятель, генерал. В 1942–1943 гг. Верховный комиссар Франции в Северной Африке, в июне – ноябре 1943 г. Сопредседатель (совместно с Де Голлем) Французского комитета национального освобождения. В 1943–1944 гг. командующий вооруженными силами ФКНО.

89. Зайцев Александр (? – 1938) публицист, ученик Бухарина, и его сотрудник по Институту красной профессуры, в 1928 г. (до сентября) член редколлегии «Правды», автор нескольких книг, в том числе и брошюры «Об Устрялове, неонэпе и жертвах устряловщины», направленной против «новой оппозиции», затем в ссылке в Саратове. В 1929 г. выступил с покаянным заявлением. Репрессирован.

90. Зайцев Борис Константинович (1881, Орел – 1972, Париж) – писатель, переводчик, мемуарист. Дебютировал, как прозаик в 1901 г. В 1921 г. член Общественного комитета помощи голодающим. В эмиграции с 1922 г. Автор большого количества рассказов и романов, в конце жизни нескольких книг мемуаров.

91. Залуцкий Петр Антонович (1887–1937) – советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1907 г. Член ЦК ВКП(б) (1923–1925) Заместитель председателя ВЦИК (до 1927). Исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции (1927). Восстановлен (1929) и вновь исключен и арестован в 1934. Расстрелян.

92. Зефиров Георгий (?), деятель сибирской кооперации, член ЦК Партии народных социалистов, Управляющий министерством продовольствия в Сибирском правительстве и министр продовольствия и снабжения в правительстве Колчака (1918–1919 гг.). С 1920 г. в эмиграции в Харбине, Работал на КВЖД.

93. Зиновьев Григорий Евсеевич (Овсей – Герш Аронович Радомыльский) (1883, Херсонская губ. – 1936, Москва) – член ЦК партии большевиков с 1907 г. Секретарь и ближайший сподвижник Ленина. В 1917–1926 г. Председатель Петроградского совета, с 1919 по 1926 г. Председатель исполкома Коминтерна. В 1925–1927 гг. один из лидеров так называемых новой и объединенной оппозиций. Расстрелян после так называемого первого сталинского процесса.

94. Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) – революционер, политический и государственный деятель. Окончил Московский университет Член ЦК ПСР, участник БО (1906). Член ВЦИК Крестьянского съезда советов (1917), редактор партийной газеты «Дело народа», участник «Комитета спасения родины и революции», затем Комитета членов учредительного собрания и Уфимского государственного совещания, избран членом Директории (вместо Н. В. Чайковского). После ноябрьского (1918) переворота в Омске уехал из России. В эмиграции активный участник социалистической прессы («Дни» Керенского).

95. Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971, Москва) – журналист, издатель, активный деятель белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке, в эмиграции жил в Харбине и Циндао, сотрудничал в антисоветских организациях и изданиях. С 1931 г. принял советское гражданство, в 1945 г. вернулся в СССР. По некоторым данным, сотрудник советской разведки. Впоследствии известный советский писатель, автор ряда исторических романов: «Черные люди» «Императрица Фике», беллетризированной биографии Пушкина. Некоторые факты из жизни В. Н. Иванова легли в основу книг Ю. Семенова об Исаеве-Штирлице («Пароль не нужен»).

96. Иванов Семен Дмитриевич (1896–1975, Сан-Франциско) – русский эмигрант, майор, окончил Михайловское военное училище и Петербургский университет. Участник Первой мировой и гражданской войны, Георгиевский кавалер, командовал батареей и Пластунским полком. Командир роты (1927–1933), затем командир Шанхайского русского волонтерского полка (1933–1947).

97. Иванов-Ринов Павел Павлович (1869, Семипалатинская обл. – ?) – русский военный деятель, генерал-лейтенант (1919), Георгиевский кавалер. Окончил Сибирский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Командовал Отдельной сибирской казачьей бригадой. Военный губернатор Ферганской обл (1916). В 1918–1920 гг. Военный министр Сибирского правительства, командующий Западно-Сибирской армией (1918), затем Войсковой атаман Сибирского казачьего войска, командир корпуса в армии Колчака. С 1920 г. в эмиграции. В 20-х гг. сотрудничал с группой советских военных советников в Китае, затем вернулся в СССР (1925). Репрессирован.

98. Иларьев П. Д. (?) – полковник, участник Гражданской войны в отрядах Б. Анненкова (см.). В середине 20-х гг. командир казачьего конвоя маршала Чжан Цзуньчана (см.).

99. Ильин Иван Александрович (28.03.1883, Москва – 21.12.1954, Цюрих) – религиозный философ, публицист, литератур-

ный критик. В 1922 г. выслан за границу. В эмиграции стал крупнейшим надпартийным идеологом белого движения. После его смерти вышел ряд трудов, ставших идеологической основой современного русского национализма. В октябре 2005 г. его прах перезахоронен на кладбище Донского монастыря в Москве, согласно завещанию.

100. Ильина Наталья Сергеевна (1914–1994, Москва), писательница, фельетонистка, автор романа «Возвращение» (1957, 1965), мемуаров «Дороги и судьбы» (1985) «Встречи» (1987) – (воспоминания об А. А. Ахматовой, А. Н. Вертинском и др.). В 1920–1945 гг. в эмиграции, студентка восточного отделения Харбинского юридического факультета, затем журналистка в Шанхайской просоветской прессе, активист «Общества возвращенцев», в 1945 г. вернулась в СССР, закончила Литературный институт. По мнению ряда современников, сотрудничала со спецслужбами СССР в эмиграции и в Москве.

101. Ипполитов-Иванов (Иванов) Михаил Михайлович (1859–1935) – композитор и дирижер, музыкальный деятель. Работал в Московской частной русской опере (1899–1904), Оперном театре Зимина, ГАБТ (с 1925). Автор опер «Ася» (1900), «Измена» (1909), «Оле из Норланда» (1915), симфонической поэмы «Мцыри» (1924). С 1893 г. профессор, затем директор (с 1905) и ректор (1919–1922) Московской консерватории. Народный артист РСФСР (1922).

102. Казьмин Андрей Ильич (род. 1958) – заместитель министра финансов РФ (1993–1996), президент-председатель правления Сберегательного банка РФ (1996–2007).

103. Калинин Михаил Иванович (1875, Тверская губ. – 1946, Москва). Советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898 г. С 1919 по 1938 г. Председатель ВЦИК РСФСР (с 1922 СССР). С 1938 по 1946 г. Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

104. Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936, Москва) – советский партийный и государственный деятель, член ЦК РСДРП с 1901 г. В 1917 г. Председатель ВЦИК, затем председатель Моссовета, Председатель СТО РСФСР, зам. председателя СНК (1924–1926). Осужден по так называемому первому сталинскому процессу, расстрелян.

105. Канищева Нина – современный историк, биограф деятелей русского либерализма.

106. Капель Владимир Оскарович (1881, Белев – 1919, ст. Урей, Иркутской губ.) – русский военный деятель, генерал-

лейтенант (1919), Георгиевский кавалер 3-й и 4-й степеней (1919). Окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское военное училище (1900), академию Генерального штаба (1913). В 1917 г. подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В 1918 г. командующий корпусом в войсках Комуча (так называемый Добровольческий партизанский отряд), затем корпусом и фронтом в армии Колчака. Погиб при переправе.

107. Карлов Дмитрий Филипович (?) – полковник, в 1918–1921 гг. командовал батальоном и полком на Восточном фронте. В эмиграции в Китае, воевал в Русской Шаньдунской группе генерала Нечаева (см. далее).

108. Карпинский Александр Петрович (1846/47 – 1936) – выдающийся русский ученый-геолог, специалист в области стратиграфии и палеонтологии, тектоники, палеогеографии, петрографии, также по генезису рудных месторождений и др. Участвовал в создании Геологического комитета и возглавлял его (1885–1903). Академик Петербургской академии наук (1896), РАН (с 1917), АН СССР (1925), первый выборный президент РАН (1917–1925), Президент АН СССР (1925–1936).

109. Катанаев Аполлос Всеволодович (1890, ст. Новорыбинская – 1930, ст. Пограничная) – русский эмигрант, войсковой старшина. Командир полка, дивизии в армии Колчака. Один из участников антисоветских вооруженных казачьих формирований в Маньчжурии (т. н. «Трехречье»). Убит в бою с пограничниками.

110. Квятковский (?) – русский эмигрант, бывший ротмистр Приморского драгунского полка, командовал Особым полком в армии маршала Чжан Цзунчана (см.), получив звание полковника китайской армии.

111. Керенский Александр Федорович (1881, Симбирск – 1970, Нью-Йорк) – политический и государственный деятель. С июля по октябрь 1917 г. – министр-председатель Временного правительства. Активный участник революционного движения (с 1900 г.), близкий к народникам и эсерам, в 1905 г. – член Комитета по оказанию помощи жертвам трагедии 9 января, сотрудник эсеровской газеты «Буревестник». Был арестован за связь с эсерами-боевиками, до апреля 1906 г. – в тюрьме (Кресты). Затем примкнул к трудовикам. Вел адвокатскую практику, отдавая предпочтение делам «политическим» (процесс туркестанской организации социалистов-революционеров по обвинению в антиправительственных вооруженных акциях; процесс над членами армянской партии Дашнакцутюн и др.). В 1912 г. глава Специальной комиссии Третьей государственной думы, созданной по поводу Ленского расстрела.

Депутат Четвертой государственной думы (1912, один из лучших ораторов левых фракций), член масонской ложи «Великий Восток народов России». Принял активное участие в событиях Февральской революции 1917 г., вошел в состав Временного комитета Государственной думы и в состав Военной комиссии, депутат Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, товарищ председателя Петросовета. Принудил великого князя Михаила Александровича к отказу от прав на корону Российской империи. Министр юстиции во Временном правительстве (инициатор амнистии политических заключенных, провозглашения свободы слова, собраний, печати, деятельности политических партий, отмены национальных и религиозных ограничений, признания независимости Польши и др.). С марта 1917 г. – член легализованной новой властью партии социалистов-революционеров, видный ее деятель. После свержения Временного правительства в конце октября 1917 г. был вынужден скрыться. С 1918 г. в эмиграции. Издавал газету «Дни» (Берлин – Париж, до 1932 г.). Опубликовал ряд публицистических книг: «Дело Корнилова» (1918); «Прелюдия большевизма» (1919); «Катастрофа» (1927), и др., мемуаров, исторических исследований.

112. Кишкин Н. М. (1864–1930) политический и общественный деятель, член ЦК ПНС (с 1905), в последнем составе Временного правительства министр государственного призрения. С 1922 г. в эмиграции.

113. Классен К. Ф. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

114. Клафтон Александр Константинович (? , Самара – 1920, Омск), видный деятель Конституционно-демократической партии (ПНС), руководитель ее самарского комитета. Активно участвовал в деятельности антисоветского «Национального центра», по его заданию выехал летом 1918 г. через Уфу в Сибирь. В 1919 г. председатель бюро Восточного отдела ПНС и директор Омского бюро печати, расстрелян вместе с другими министрами колчаковского правительства по приговору Чрезвычайного революционного трибунала при Сибревкоме в Омске от 23 июля.

115. Клерже Георгий Иосифович (? – после 1938) – русский эмигрант, генерал-лейтенант, в 1917 г. полковник Генерального штаба. В 1921 г. начальник штаба главнокомандующего Дальневосточной армией. В 1923–1927 гг. военный советник маршала Чжан Цзолина (см.). Автор воспоминаний о Гражданской войне.

116. Ключников Юрий Вениаминович (1886, Казань – 1938, Москва) – политический деятель, специалист в области международного права. До 1917 г. приват-доцент Московского университе-

та, член ПНС. В 1919–1919 гг. министр иностранных дел Уфимской Директории и правительства Колчака. В 1919 г. уехал за границу. С 1921 г. один из лидеров сменовеховского движения, издатель сборника «Смена вех» и главный редактор газеты «Накануне» (Берлин). В 1922 г. эксперт Советской делегации на конференции в Генуе. В 1922 г. совершил лекционное турне по СССР, а в 1923 г. вернулся на родину. Работал в Коммунистической академии, преподавал в Московском университете, консультировал издание текстов международных договоров Версальской конференции. В 1934 г. сослан в Карелию, а в 1938 г. приговорен к расстрелу Военной Коллегией Верховного Суда СССР.

117. Кнут Довид (псевд.) (Давид Миронович Фиксман) (1900–1955) – русский поэт. В эмиграции с 1920 г. Автор сборников «Вторая книга стихов» (1828), «Парижские ночи» (1932), «Насущная любовь» (1938), «Избранные стихи» (1949). Участник Сопrotивления. После войны эмигрировал в Израиль.

118. Ковалевский Владимир Иванович (1844 – не ранее 1922) – русский государственный и общественный деятель. Окончил Санкт-петербургский земледельческий институт (1865). Работал в министерстве государственных имуществ и министерстве финансов (с 1893) директором департамента мануфактур и торговли. В 1900–1902 гг. товарищ министра финансов. Автор и переводчик ряда исследований по экономике России.

119. Коген Герман (1842–1918) – немецкий философ, основатель и виднейший представитель так называемой марбургской школы неокантианства. С 1875 г. возглавляет кафедру философии местного университета. У него, в частности, учился Б. Л. Пастернак. Основной труд «Логика чистого познания» (1902).

120. Кольцов (Фрилянд) Михаил Ефимович (1898, Киев – 1940, Москва) – советский журналист, политический деятель, разведчик. Член партии с 1918 г. С 1921 г. корреспондент и фельетонист газеты «Правда», организатор и редактор журналов «Огонек», «Крокодил», «За рубежом» и др. Редактор и зам. редактора «Правды». В 1937–1938 гг. выполнял политические поручения руководства СССР (в том числе и НКВД) в Испании. Автор книги «Испанский дневник» (1938), а также ряда сборников очерков и фельетонов. Депутат Верховного Совета РСФСР (1938) и член-корреспондент АН СССР (1938). Арестован в 1938 г. Расстрелян в феврале 1940 г.

121. Колчак Александр Васильевич (1873, Санкт-Петербург, 1920, Иркутск) – адмирал, русский военный и политический деятель, флотоводец, географ, полярный исследователь. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, ряда полярных экспедиций, в

1916–1917 гг. Командующий Черноморским флотом. С ноября 1918 г. по январь 1920 г. Главверх и «Верховный правитель России». Расстрелян большевиками в Иркутске 07.02.20.

122. Комиссаров М. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

123. Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – крупнейший русский ученый-экономист, создатель теории больших циклов конъюнктуры. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Опубликовал ряд научных исследований по экономике и планированию сельского хозяйства. В октябре 1917 г. товарищ министра продовольствия в последнем составе Временного правительства. Профессор Тимирязевской с-х. академии. Был директором Конъюнктурного института при Наркомфине (1920–1928), начальником управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Репрессирован по фальсифицированному ОГПУ делу так называемой Трудовой крестьянской партии. Вместе с Чайновым (см.) и Челинцевым (см.) позднее расстрелян.

124. Коновалов Александр Иванович (1875–1948) – российский государственный деятель. Депутат 4-й Государственной думы, возглавлял в ней «Прогрессивный блок», также партию прогрессистов. В 1914–1915 гг. заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции 1917 г. министр торговли и промышленности во Временном правительстве. Эмигрировал после Октябрьского переворота.

125. Константинов Сергей – публицист «Независимой газеты», кандидат исторических наук.

126. Коробов Д. С. (?) – деятель кооперации, в 1918 г. председатель Центросоюза, осужден за «антисоветскую деятельность», затем амнистирован, в 1921 г. член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»)

127. Короленко Владимир Галактионович (1853, Житомир – 1921), писатель, классик русской литературы.

128. Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1890 г. Окончил Харьковский технологический институт. Народный комиссар путей сообщения (1919–1920), нарком внешней торговли (1920–1923) одновременно полпред и торгпред в Великобритании (1920–1926), полпред во Франции (1923).

129. Кузнецов (?) – русский эмигрант, полковник артиллерии, участник русских военных формирований в Западном Китае.

130. Кузнецов (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

131. Кулаев И. В. (?) – крупный российский предприниматель, основные интересы до революции были сосредоточены в горнозаводском деле в Енисейской губернии и Забайкалье. После революции в эмиграции в Китае и США. Автор «Воспоминаний» (в 2 томах).

132. Куприн Александр Иванович (1870–1936, Ленинград) – писатель, классик русской литературы. Воспитывался в Москве, во 2-м кадетском корпусе и военном Александровском училище. Первое его произведение («Последний дебют») было напечатано в московском юмористическом журнале «Русский сатирический листок» (1889). Позже стал писать в «Русском богатстве». В 1894 г. оставил военную службу и стал работать в киевских, приволжских, одесских, ростовских изданиях. Издал отдельно сборники «Киевские типы» (Киев, 1896) и «Миниатюры» (Киев 1897). С 1901 г. поселился в СПб. в качестве ближайшего сотрудника «Мира Божьего» и изданий товарищества «Знание». Этим книгоиздательством выпущены 2 тома его «Рассказов» (СПб., 1903, 1906). Самое решительное влияние оказал на Куприна А. П. Чехов. После Октября сотрудничал в издательстве «Всемирная литература»; в 1919 г. эмигрировал, жил во Франции, перед самой смертью вернулся на родину.

133. Курнаков Николай Семенович [у Кусковой ошибочно Н. И.] (1860, Вятская губ. – 1941, Москва) – русский ученый физико-химик, специалист в области теории сплавов и растворов. Создатель советского металлургического (платиновые металлы, алюминий, магний) и галургического производств. С 1913 г. академик Петербургской академии наук, с 1917 г. – РАН, с 1925 г. – АН СССР. Лауреат Ленинской (1928) и Сталинской (1941) премии СССР. Институт общей и неорганической химии РАН носит (с 1944) его имя.

134. Кусков Петр (?) – революционер-народоволец, содержащийся в Уфимской тюрьме, с ним Е. Д. Кускова заключила фиктивный брак.

135. Кутлер Николай Николаевич (1859/60 – 1924) – политический и государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Последовательно занимал должности податного инспектора, управляющего казенной палатой, вице-директора и директора департамента окладных сборов, товарища министра внутренних дел и товарища министра финансов; состоя в последней должности, он управлял Дворянским и Крестьянским земельными банками. 28 октября 1905 г. назначен главноуправляющим землеустройством и земледелием. По поручению комиссии при министерстве финансов для пересмотра устава о

земских повинностях, в 1894 г. составил «Краткий исторический очерк и обзор современного состояния законодательства о земских повинностях», «Проект главных оснований преобразования земских повинностей» и «Объяснительную записку» к «Проекту». Один из основателей и лидеров Партии конституционных демократов ПНС). Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1905–1906). После Октябрьского переворота работал в различных хозяйственных органах РСФСР, неоднократно арестовывался. В последние годы был одним из ведущих специалистов по подготовке советской денежной реформы.

136. Кутяков Иван Семенович (1897, Саратовская губ. – 1937, Куйбышев) – советский военачальник, комбриг, в 1919–1920 гг. командовал 25-й стрелковой (чапаевской) дивизией. Воевал на Восточном, Польском и Туркестанском фронтах. Кавалер 5-ти орденов Красного Знамени (4 нагрудных и 5-й на Почетном Революционном оружии) Окончил Академию РККА. Командовал дивизиями и корпусами. В 1935–1937 гг. заместитель командующего Приволжского ВО. Репрессирован.

137. Куховаренко М. И. (?) деятель кооперации в Поволжье, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

138. Левицкий А. П. (?) – кооператор, ученый-агроном, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

139. Левицкий Вячеслав Александрович (1867–1936) – русский ученый-гигиенист. Заслуженный деятель науки РСФСР (1936). В 1890 г. окончил Московский университет. В 1914–1920 гг. возглавлял Московское санитарное бюро. С 1925 г. был директором Института охраны труда (до 1928 г.), затем Института по изучению профессиональных болезней. Ему принадлежат труды в области изучения роли эмоций в этиологии утомления («Проблема утомляемости», 1926), по эпидемиологии скарлатины (1912) и др.

140. Лежнев (Альтшуллер) Исая Григорьевич (1891, Николаев – 1955, Москва) публицист, издатель-литературовед, в 1906–1909 гг. член РСДРП(б). В 1922–1926 гг. «левый сменовеховец», издатель журнала «Новая Россия» («Россия»), где напечатаны главы романа М. Булгакова «Белая гвардия». В 1926–1933 гг. эмигрант (выслан в Эстонию). С 1933 г. вновь член ВКП(б) и с 1935 по 1939 г. зав. Отделом литературы и искусства газеты «Правда».

141. Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870, Симбирск – 1924, Горки, Московская губ.) – партийный и государственный деятель, лидер большевиков, в 1917–1923 гг. Председатель Совета Народных Комиссаров (советского правительства).

142. Ленков Александр Никитич (1896–1975, Сан-Франциско) – русский эмигрант, полковник, Георгиевский кавалер. В армии Колчака командовал дивизионом, полком. В 1924–1928 гг. служил в так называемой Русской Шандунской группе К. П. Нечаева (см.), затем в Русском волонтерском полку в Шанхае (до 1938). Жил в Чили и США. Автор воспоминаний.

143. Литвинов (Макс Валах) Максим Максимович (1876–1951, Москва) – советский государственный и партийный деятель. С 1908 г. в эмиграции. В 1918 г. неофициальный представитель РСФСР в Великобритании. Был обменен на арестованного в России Р. Локкарта. Затем член коллегии Наркоминдела, с 1921 г. полпред в Эстонии, с мая 1921 г. замнаркома иностранных дел. В 1930–1939 нарком иностранных дел. В 1941–1943 замнаркома. Член ЦК ВКП(б) (1934–1941).

144. Лихач М. А. (?) – революционер, политический деятель. Член ЦК ПСР, участвовал в Уфимском государственном совещании, затем входил в состав Верховного управления северной области. После попытки монархического переворота в Архангельске был в кратковременном заключении в Соловках. Освобожден после вмешательства английских военных представителей. Арестован большевиками в 1921 г. Судился по «процессу эсеров» в 1922 г. Приговорен к расстрелу замененному лишением свободы на пять лет.

145. Лосский Николай Онуфриевич (1870, Витебская губ. – 1965, Париж) – философ, историк философии, профессор философского факультета Петроградского университета, член Конституционно-демократической партии. Большевицкую власть не принял, в 1921 г. уволен из университета «за защиту догмата троичности». В ноябре 1922 г. на так называемом философском пароходе выслан из Советской России. Автор многочисленных философских трудов в том числе «History of Russian Philosophy» (1951), «Достоевский и его христианское миропонимание» (1953), «Характер русского народа» (1957).

146. Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939, Париж) – русский военный деятель, генерал-лейтенант Генштаба. Окончил Павловское военное и Николаевское инженерное училища, затем Академию генштаба (1897). Один из организаторов всеобщей мобилизации 1914 г. В 1915 г. помощник военного министра, в 1916–1917 гг. генерал-квартирмейстер Ставки, затем начальник штаба ВГК при Л. Г. Корнилове, бежал вместе с ним и А. И. Деникиным (см.) из быховской тюрьмы. Участник гражданской войны, помощник главнокомандующего Добровольческой армией (1918–1919) и вооруженными силами Юга России (1919). В 1919–1920 гг. предсе-

датель правительства при генерале Деникине. В 1920 г. эмигрировал. Один из руководителей РОВС в 1926 г. генерал Врангель назначил его начальником всех воинских организаций, связанных с РОВ-Сом в Америке и на Дальнем Востоке. Оставил «Воспоминания» в 2 томах (1922).

147. Лукьянов Сергей Сергеевич (ок. 1888–1938) – филолог, историк, публицист, один из лидеров сменовеховского движения, в 1923 г. вернулся в СССР. Репрессирован

148. Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933, Москва) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г. В 1917–1929 гг. Народный комиссар просвещения РСФСР (СССР). С 1929 по 1933 г. посол СССР в Испании.

149. Лучинин П. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

150. Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925, Париж) – русский государственный и общественный деятель, князь, депутат Первой Государственной думы, Один из лидеров земского движения, глава «Союза городов», затем «Всероссийского Земского союза», первый министр-председатель Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции, Глава так называемого «Политического совещания» (до 1920), органа, координировавшего оказание международной поддержки белому движению.

151. Любимов Лев Дмитриевич (1902 – ?) – эмигрантский журналист, мемуарист, сын сенатора Д. Любимова, участник Гражданской войны. С 1926 г. сотрудник «Возрождения», автор множества статей антибольшевистской направленности, в русских и французских газетах. Затем сотрудник газеты «Русский патриот». В 1946 г. принял советское гражданство, а в 1948 г. вернулся в СССР. Автор очень пристрастных мемуаров «На чужбине» (1963).

152. Маклаков Василий Алексеевич (1870–1957, США) – юрист, политический деятель, дипломат. Член ЦК ПНС, депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, в 1916–17 один из лидеров Прогрессивного блока. В 1917 посол Временного правительства во Франции, в эмиграции руководитель Бюро по делам эмиграции при правительстве Франции, автор мемуаров.

153. Маленков Георгий Максимилианович (1902, Оренбург – 1988, Москва) – советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС (1939–1953), Председатель Совета Министров СССР (1953–1955). С 1961 г. на пенсии и исключен из КПСС за «участие в антипартийной группе».

154. Манжетный Михаил Михайлович (1886–1959, Австралия) – русский эмигрант, полковник (1919). В 1917 г. ротмистр От-

дельного корпуса жандармов. Командовал конно-артиллерийским дивизионом в армии Колчака, в 1926–1928 гг. командир полка в так называемой «Русской Шаньдунской группе» К. П. Нечаева (см.). В 30-х гг. служил в Русском волонтерском полку в Шанхае. С 1949 г. жил на Филиппинах и в Австралии. Автор воспоминаний о Гражданской войне (1937).

155. Матвеев И. П. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

156. Марр Николай Яковлевич [у Кусковой ошибочно **Мар**] (1864, Кутаиси – 1934, Ленинград) – ученый-лингвист, востоковед, специалист по кавказским языкам, истории, археологии, этнографии Кавказа. Окончил в 1888 Восточный ф-т Петербургского университета, работал там же до 1918 г. (с 1902 – профессор, в 1911–1918 – декан). Основатель и директор (1919–1934) Государственной академии истории материальной культуры (ныне Институт археологии РАН). Автор не подтвердившейся «яфетической теории». С 1912 г. академик Петербургской академии наук, вице-президент АН СССР (1930–1934).

157. Мархлевский Юлиан Юзефович (1866, Вроцлав – 1925, Москва) – Советский партийный и государственный деятель. Окончил реальное училище в Варшаве (1887) и Университет в Цюрихе (1895). Деятель польского, немецкого и российского социал-демократического движения. Неоднократно арестовывался. С 1918 г. член ВЦИК РСФСР, участвует в качестве дипломатического представителя в переговорах с Польшей, Литвой, Финляндией, Японией и Китаем. В 1920 г. во время наступления на Польшу был назначен председателем польского ревкома. Профессор Московского университета и Ректор университета национальных меньшинств Запада.

158. Маслов Семен Леонтьевич (1873–1938) – революционер, ученый-экономист, публицист, член ПЛСР, член исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, товарищ министра, затем министр земледелия в последнем составе Временного правительства. Создатель аграрной программы социализации земли, взятой большевиками за основу «Декрета о земле». С 1926 г. профессор Института народного хозяйства им. Плеханова. Репрессирован по делу «Трудовой крестьянской партии». Расстрелян.

159. Матвеев Николай Михайлович (1877, Забайкалье – 1951) – Советский государственный и партийный деятель, участник гражданской войны на Дальнем Востоке. С ноября 1920 г. военный министр Дальневосточной Республики, с августа по ноябрь 1922 г. Председатель правительства ДВР.

160. Маяковский Владимир Владимирович (1893, с. Багдади, Грузия – 1930, Москва) – русский поэт, публицист.

161. Мельгунов Сергей Петрович (1879/80 – 1956) – русский историк, публицист, в эмиграции с 1922 г., редактор журнала «Голос минувшего», автор известных исследований «Красный террор» и «Трагедия адмирала Колчака».

162. Меньшиковы (бр.) (?) – русские эмигранты, командиры наемных формирований в армиях китайских милитаристов во 2-й половине 20-х гг.

163. Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865, СПб. – 1941, Париж) – русский писатель, философ, общественный и религиозный деятель. Муж З. Гиппиус (см.). Окончил историко-филологический факультет Санкт-петербургского университета. С 15-ти лет помещал стихи в периодических изданиях. Первый сборник «Стихотворения» появился в 1888 г., второй, «Символы», в 1892 г., в «Вестнике Европы» в 90-х гг. напечатаны его стихотворные переводы трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида. Отдельным изданием вышел перевод древнегреческого романа Лонга «Дафнис и Хлоя» (1896). В «Северном вестнике», «Русском обозрении», «Труде» и др. выходили его этюды о Достоевском, Пушкине, Майкове, Короленко, Кальдероне, французских неоромантиках, Ибсене и др. Выпустил книгу «О причинах упадка современной русской литературы» (1893). В «Северном вестнике» в 1895 г. вышел исторический роман «Отверженным» (отдельное издание 1895). Став в начале 1900-х гг. во главе так называемого Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге Мережковский и кружок близких в то время к нему писателей (Минский, Розанов, Гиппиус и др.) подвергли резкой критике российскую церковную систему с ее «полицейскими» приемами насаждения благочестия (собрания общества были в 1903–1905 запрещены). Эта критика, исходившая от людей, заявлявших, что они «не атеисты и не позитивисты, а искатели религии», произвела сильное впечатление на художественную и научную интеллигенцию, а также некоторых представителей духовенства. В 1906–1914 гг. Мережковский и Гиппиус живут в Париже. В феврале–октябре 1917 г. активно влияют на политику Временного правительства через Керенского (см.) и Савинкова (см.). Октябрьский переворот приняли резко враждебно. В конце декабря 1919 г. нелегально эмигрировали в Варшаву. Участвовали в пропагандистской деятельности савинковской организации. С ноября 1920 г. жили в Париже. Активно участвовали в литературно-художественной деятельности русской эмиграции (салон «Зеленая лампа») В 1933 г. Мережковский был номинантом Нобелевской

премии по литературе (получил И. Бунин, см.). Произведения: «Христос и Антихрист» (трилогия, 1895–1905: романы «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи», «Петр и Алексей»), роман «Александр I», историко-философское исследование «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902), эссе «Грядущий хам» (1906), «Лица святых. От Иисуса к нам» (1936–1938), «Данте» (1939) и многих других. До 1917 г. вышли два Полных собрания сочинений (1911–1913 и 1914–1915 в 24 томах). В 1990 в СССР вышло Собрание сочинений в 4 тт. В 1995 и 1996 гг. «Толстой и Достоевский: Вечные спутники» и «Иисус Неизвестный» в 2 томах.

164. Меркулов Николай Дионисьевич (? , Владивосток – ?, Китай) – политический и военный деятель в период гражданской войны на Дальнем Востоке. Выходец из известной купеческой семьи. В 1921–22 гг. министр военно-морских и иностранных дел в Приамурском временном правительстве С. Д. Меркулова (его старшего брата), затем министр иностранных дел в правительстве М. К. Дитерихса (см.). В эмиграции в Маньчжурии организатор наемнических контингентов в так называемой «фэнтянской» милитаристской группировке Чжан Цзолина.

165. Милюков Павел Николаевич (1859, Москва – 1943, Эккле-Бен) – политический и государственный деятель, знаменитый ученый-историк. Окончил 1-ю московскую гимназию и историко-филологический факультет Московского университета (1882). По окончании оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. С 1886 по 1895 г. приват-доцент университета, автор книг «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (1897, премия им. С. Соловьева), «Главные течения русской исторической мысли» (1997). В 1895 г. уволен из университета, до 1897 г. в ссылке в Рязани. В 1899–1901 г. читает лекции в заграничных учебных заведениях и в Петербурге. В 1901–1905 гг. после ареста в эмиграции в США и Англии. Автор программы «Союза освобождения». С 1905 г. один из лидеров Конституционно-демократической партии (ПНС). Депутат 3-й и 4-й Государственной думы, лидер фракции НПС. С 1915 г. лидер Прогрессивного блока. С февраля по апрель 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. Затем активный деятель белого движения, член Комитета освобождения России (1919–1921 гг.) в Лондоне. С 1921 г. председатель так называемого Республиканско-демократического объединения, редактор до 1941 г. крупнейшей газеты русской эмиграции «Последние новости», автор книг «История второй русской революции» (1927), «Россия на пе-

реломе», «Очерков истории русской культуры» (1930–1937), «Воспоминаний» (изданы посмертно в 1955 г.).

166. Милюкова (Лаврова) Нина Васильевна (?) – вторая жена П. М. Милюкова (см. выше).

167. Милютин В. П. (1884–1937) – революционер, большевик, в первом составе Совнаркома нарком земледелия. Автор книги «Аграрная политика в СССР» (1926). Репрессирован.

168. Михайлов М. А. (?) – русский эмигрант, начальник штаба Русской Шаньдунской группы генерала Нечаева (см.).

169. Могиланский М. М. (1873 – после 1940, Франция) – публицист и критик. Один из лидеров студенческого движения в СПб. в нач. XX в. До революции постоянный сотрудник кадетской газеты «Речь», специалист по национальным отношениям. Его статьи вызывали гневную полемику со стороны Ленина. («Кадеты и право нации на самоопределение», «Национал-либерализм и право наций на самоопределение»). После революции работал в АН УССР, с 1931 г. в эмиграции постоянный сотрудник газеты «Последние новости».

170. Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890, Вятская губ. – 1986, Москва) – советский партийный и государственный деятель, член РСДРП с 1906 г., учился в Петербургском политехническом институте (не окончил), работал секретарем редакции газеты «Правда», вел нелегальную деятельность, ссылался, в 1921 г. избран секретарем ЦК РКП. В 1930–1941 гг. председатель СНК СССР. В 1941–1957) 1-й заместитель председателя СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1941–1945 заместитель председателя ГКО, в 1939–1949 и 1953–1956 гг. нарком, министр иностранных дел СССР. В 1957–1960 гг. посол СССР в МНР, с 1926 г. член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В 1957 г. выведен из составов Президиума ЦК и ЦК партии. В 1962 г. исключен из партии, в 1984 г. восстановлен. С 1962 г. на пенсии.

171. Мочульский Константин Васильевич (1892, Одесса – 1948, Франция) – литературовед, философ и религиозный деятель. В 1914 г. окончил Петербургский университет и преподавал в нем (с 1916). Покинул Россию в 1920 г. Преподавал в Софийском ун-те (1920–1922), затем переехал в Париж, где читал лекции в русском отделе Сорбонны (1924–1941) и в Богословском институте (1934–1947). Был рук. «Русского студенческого христианского движения». В годы фашистской оккупации преследовался гестапо как рук. Христианско-демократической организации «Православное дело». Основные труды переведены на многие европейские языки. Автор книг о Гоголе (1934), Достоевском (1947), Вл. Соловьеве (1936). Работы, посвященные А. Блоку, А. Белому, В. Брюсову, были опубли-

кованы уже после его смерти (1955). В 1995 г. избранные труды изданы в России.

172. Муратов Павел Павлович (1881–1950, Ирландия) – русский историк искусства, журналист, писатель. В эмиграции с 1922 г. Автор книг «Византийская икона» и «Образы Италии». С 1927 г. постоянный сотрудник газеты «Возрождение». Во время Второй мировой войны военный журналист, автор книги «Русские компании германского вермахта» (совместно с У. Алленом).

173. Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, политический деятель, публицист. Один из руководителей партии Народных социалистов», член редколлегии журнала «Русское богатство». После 1922 г. в эмиграции.

174. Нансен Фритъоф (1861–1930) – норвежский полярный исследователь, политический и общественный деятель. В 1920–1921 гг. Верховный комиссар «Лиги наций» по делам беженцев и военнопленных. Инициатор введения для русских эмигрантов специального удостоверения личности (так называемый «Нансеновский паспорт»). Лауреат Нобелевской премии мира «за организацию помощи голодающим в России» (1922).

175. Натансон Марк Абрамович (1849–1919) – русский революционер, участник народовольческих организаций, в ссылке в 1871–1874 и 1877–1889, затем инициатор создания подпольной партии «Народное право» (1893–1894), в 1894–1899 снова в ссылке, с 1902 член ЦК «ПСР». С 1917 г. член ЦК ПЛСР и ее представитель во ВЦИК. Затем в группе «Революционных коммунистов». Умер в эмиграции.

176. Незнамов (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

177. Нечаев Константин Петрович (? – 1945, Чита) – генерал-лейтенант, окончил Тверское кавалерийское училище (1904). Участник Первой мировой (к 1917 г. командовал драгунским полком) и гражданской войны (командовал отдельными кавалерийскими отрядами, полками и дивизиями). В 1924–1927 г. г. командовал так называемой «Русской Шаньдунской группой». До 1944 г. жил в Дайрене, где руководил Бюро по делам русских эмигрантов, издавал информационный листок «Последние новости». По некоторым свидетельствам, расстрелян по приговору военного трибунала.

178. Николаев Н. Н. (?) – полковник, русский эмигрант, участник русских вооруженных формирований в армии Чжан Цзунчана.

179. Николаевский Борис Иванович (1887, Самара – 1966, США) – революционер, политический деятель, ученый-историк. По-

сле окончания Уфимской гимназии профессиональный революционер, в 1904–1917 гг. арестовывался восемь раз. В 1913–1914 гг. сотрудник «Рабочей газеты» (СПб.). В 1918–1920 гг. представитель ЦК РСДРП, член ЦК (1920). Арестован в феврале 1921 г., выслан за границу. В 1932 г. лишен советского гражданства. Жил в Германии, Франции, США. Автор книг «История одного предателя», «Русские масоны и революция». Собрал ценнейший архив по истории революционного движения в России (хранится в Гуверовском ин-те Стэнфордского университета США).

180. Никулин В. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

181. Нольде А. А. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

182. Одинец (?) – русский эмигрант, профессор, член «Союза патриотов» во Франции (1944).

183. Ольденбург Сергей Федорович (1863, Забайкалье – 1934). Русский ученый-востоковед, специалист по фольклору, этнографии, искусству Востока, России и Западной Европы, по истории буддизма и востоковедения. Стоял у истоков отечественной индологической школы. С 1900 г. академик и с 1904 г. непреходящий секретарь Петербургской академии наук, с 1917 г. – действительный член РАН, с 1925 г. – АН СССР (в 1925–1929 гг. непреходящий секретарь). С июля по сентябрь 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства.

184. Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878, Пермь – 1942, Шабри, Франция) – Русский писатель, журналист, мемуарист. Окончил юридический ф-т Московского университета. За принадлежность к группе эсеров-максималистов приговорен к пяти годам каторги, замененной высылкой из России (1905). Вернулся в 1916 г., был одним из основателей Всероссийского союза писателей и Всероссийского союза журналистов (председатель). Выслан за границу в 1922 г. Автор перевода «Принцессы Турандот» К. Гоцци (по тексту которого поставлен спектакль Е. Вахтангова). Автор романов «Сивцев Вражек» (1928, в 1930 г. премия за лучшую книгу месяца в США), «Свидетель истории» (1932), «Времена» (опубл. 1955), рассказов, мемуаров.

185. Пайпс Ричард – американский историк и политический деятель, профессор и декан Русского отделения Гарвардского университета. Автор ряда книг по русской истории. В 80-х гг. советник президента США Р. Рейгана по русским делам.

186. Панина Софья Владимировна (1871–1957, США) – русская политическая и общественная деятельница, графиня. Устрои-

тельница Лиговского народного дома (1903), Биржи труда (1915), благотворительных обществ, столовых и др. Занимала пост товарища министра государственного призрения во Временном правительстве, товарища министра народного просвещения (1917). После Октябрьского переворота участница Комитета спасения родины и революции, одна из руководителей подпольного Временного правительства. С 1918 г. активная участница белого движения. В 1920 г. эмигрировала, с 1925 по 1939(?) гг. руководила пражским общественно-культурным центром «Русский очаг».

187. Папенгут фон (? – 1933, Китай) – русский эмигрант, полковник Генерального штаба, участник русских военных формирований в Западном Китае.

188. Пастернак Борис Леонидович (1890, Москва – 1960, Переделькино, Московской обл.) – Русский поэт, прозаик, переводчик. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1958).

189. Паустовский Константин Георгиевич (1892, Москва, – 1968, Москва) – советский писатель, мемуарист. Сын инженера-путейца, закончил Киевскую гимназию, учился в Киевском, затем в Московском университетах. Первое свое произведение напечатал в 1912, профессиональным писателем стал с 1927. Автор рассказов, документальных и исторических повестей и романов, мемуаров «Повесть о жизни» (1945–1963).

190. Пауфлер Н. Е. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

191. Пашковский (?) – сотрудник Центрального статистического Управления ВСНХ РСФСР.

192. Пепеляев Виктор Николаевич (1886, Томск – 1920, Иркутск) – политический и военный деятель, член ЦК ПНС (1918), окончил юридический факультет Томского университета, преподавал в гимназии в г. Бийске. Депутат 4-й Государственной думы, летом 1917 г. комиссар Временного правительства в Кронштадте, участник корниловского мятежа, а после Октября член подпольного «Национального центра», затем глава Восточного отдела ПНС. Один из организаторов переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, установившем диктатуру Колчака. Затем глава департамента милиции, министр внутренних дел и премьер-министр (с декабря 1919) правительства Колчака. Арестован в Иркутске и расстрелян вместе с адмиралом 7 февраля 1920 г.

193. Пепеляев Анатолий Николаевич (1891, Томск, – 1938, Новосибирск) – генерал-лейтенант, участник Первой мировой и гражданской войны, окончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище (1910). В 1914–1918 гг. на фронте, кавалер 8-

ми боевых орденов, подполковник. В гражданскую войну командир Средне-Сибирского корпуса Первой сибирской армии (1919). В 1922 г. возглавил так называемую якутскую экспедицию, разгромленную в 1923 г. Красной Армией. Затем в заключении. Расстрелян.

194. Пергамент Михаил Яковлевич (?) – профессор, до революции член ЦК ПНС, в эмиграции в Китае, деятель сменовеховского движения, в 1925 г. советник советского полпредства в Пекине.

195. Перовская Софья Львовна (1854–1881, СПб.) – революционерка, внучка министра, дочь петербургского губернатора. Училась в гимназии в СПб., в 1870 г. оставила родительский дом; участвовала в кружке чайковцев; за пропаганду среди крестьян арестована в 1873 г., но освобождена под залог, судилась по процессу 193-х; оправдана судом, но сослана в административном порядке в Олонецкую губернию; бежала с дороги. Примкнула к партии «Земли и Воли»; после ее распада колебалась между партиями «Черного передела» и «Народной воли», но, отчасти под влиянием А. Желябова (см.), присоединилась окончательно к «Народной воле», отстаивая в ней централизацию и дисциплину и принимая близкое участие во всех ее делах. Подготовила вместе с Желябовым убийство императора Александра II была арестована, предана суду и казнена.

196. Петров Виктор Порфирьевич (ок. 1910–1995, США) – Американский писатель, русского происхождения. Автор около 30 книг на русском и английском языках, большинство из которых посвящены советской экономике и истории русской Америки, и русской диаспоре в Китае (Харбин и Шанхай). Большую часть жизни прожил в Китае, после 1949 г. переехал в США.

197. Пешкова (Волжина) Екатерина Павловна (1876, Самара – 1965, Москва) – общественный деятель, вторая жена М. Горького (1896–1904), мать его сына Максима (1897–1935) и дочери Екатерины (р. 1901). Происходила из дворянской семьи. Была активным членом ЦК ПСР, после революции стояла во главе «Политического красного креста» – организации оказывавшей определенную помощь политзаключенным, но работавшей под контролем НКВД. Поддерживала деловые отношения с Ф. Э. Дзержинским и Г. Г. Ягодой. Сыграла определенную роль в окончательном возвращении Горького в СССР.

198. Платон (428/427 до н. э., о-в Эгина – 348/347 до н. э., Афины) великий древнегреческий философ, традиционно считается родоначальником философского идеализма.

199. Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – советский государственный деятель и ученый, академик АН СССР (1929).

Окончил историко-филологический ф-т Московского университета (1891). Ученик О. В. Ключевского. После Октября революции занимал видные государственные должности: был заместителем наркома просвещения (1918–1932), председателем президиума Социалистической академии, ректором Института красной профессуры, председателем Общества историков-марксистов. Работы: «Отражение экономического быта в «Русской правде» (1898), «Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков» (1899), «Местное самоуправление в Древней Руси» (1903), «Русская история с древнейших времен» в 5 тт., (1910–1913), «Очерк истории русской культуры» (1915–1918), «Русская история в самом сжатом очерке» (1920), «Борьба классов и русская историческая литература» (1923), «Дипломатия и войны царской России в XIX в.» (1924), «Марксизм и особенности исторического развития России» (1925), «Декабристы» (1927), «Империалистская война» (1928), «Октябрьская революция» (1929), «О русском феодализме, происхождении и характере самодержавия» (1931) и др.

200. Потехин Юрий Николаевич (1888–1938) – общественный деятель и публицист, член ПНС, в эмиграции один из издателей сборника «Смена вех» и газеты «Накануне». Вернулся в СССР в 1923 г. Репрессирован.

201. Правдин О. (?) – русский актер, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

202. Радзаевский Константин Васильевич (ок. 1902, Благовещенск – 1946, Москва) – глава т. н. «Русской фашистской партии». Из семьи служащего, в 1925 г. бежал в Маньчжурию (по позднейшим показаниям: «потому что не приняли в комсомол, что не давало возможности получить высшее образование...»), учился на Харбинском юридическом факультете. В середине 30-х гг. основал «РФП», позднее работал в «Бюро по делам эмигрантов» в Маньчжурии, работавшее под контролем японских властей. Захвачен в 1945 г. Красной Армией и судим вместе с Г. Семеновым и др. (см. далее). Повешен в августе 1945 г.

203. Родионов Н. С. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

204. Ремизов Алексей Михайлович (1877, Москва – 1957, Париж) – русский писатель. Окончил естественный факультет Московского университета. Эмигрировал в 1921 г. С 1902 г. появляются его рассказы. В 1907 г. выходит первая книга «Луг духовный». Один из ведущих представителей символистской прозы, создатель особого (стилизованного) русского языка. До 1917 г. вышло Собрание сочинений в 8-ми тт. (1910–1912 (т. I, II, III. Рассказы; т. IV. Пруд,

Роман; т. V. Рассказы; т. VI. Сказки, Посолонь; т. VII. Отреченные повести. Лимонарь. Паралипоменон; т. VIII. Русальные действия); а также «Докука и балагурье. Народные сказки», (1914); «Подорожие, Рассказы, (1913); «Весеннее порошье, Рассказы» (1915); «Николины притчи» (1917); «Странница», (Повесть, 1918); «Слово о погибели Земли Русской» (1918); «Царь Максимилиан». Театр А. Ремизова». (1920); «Огненная Россия» (1921); «Шумы города» (1921); «Россия в письменах» (1921); «Трава-мурава» (1922); «Мара», (1922); «Петушок» (1922); «В поле блакитном» (1922), сборника воспоминаний «Подстриженными глазами» (1951), эссе «Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (1954).

205. Розанов Владимир Николаевич (скорее всего у Кусковой ошибка «В. И». – О. В.) (1872–1934) русский ученый – медик. Окончил Московский Университет (1896) и до 1910 работал в Старо-Екатерининской больнице в Москве. С 1910 г. заведовал хирургическим отделением Солдатенковской больницы (позже – больницы им. С. П. Боткина). С 1931 г. профессор Центрального института усовершенствования врачей. Труды посвящены хирургии брюшной полости, ранениям черепа и пластическим закрытиям его дефектов, травматической эпилепсии и др. Много внимания уделял вопросам техники протезирования и способствовал развитию в СССР лечебно-протезных учреждений для инвалидов войны. В 1927 г. по его инициативе были организованы курсы усовершенствования врачей при Боткинской больнице; принимал активное участие в основании и редактировании ряда хирургических журналов. Герой труда (1923).

206. Роллан Ромен (1866–1944) – писатель, общественный деятель, классик французской литературы, лауреат Нобелевской премии по литературе (1915).

207. Рубакин Николай Александрович (1862, Ораниенбаум – 1946, Лозанна) русский общественный деятель, писатель, издатель, библиофил. Окончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета. В качестве руководителя издательских фирм О. Н. Поповой, Сытина и товарищества «Издатель», систематически изучал потребности читающей публики, составив специальную «Программу по исследованию литературы для народа» (1889), это дало ему материал для многих докладов и статей, изданных под заглавием «Этюды о русской читающей публике» и ряда популярных книг: «Из мира науки и из истории мысли», «Рассказы о друзьях человечества», «Рассказы о великих и грозных явлениях природы» (4 изд.), «Вода» (4 изд.), «Рассказы о делах в царстве животных» (2 изд.), «Рассказы о Западной Сибири» (2 изд.),

«Рассказы о подвигах человеческого ума», «Приключения двух кораблей» (2 изд.), «Чудо на море» (2 изд.) и мн. др. Автор труда «Среди книг» (1911–15). С 1907 г. жил и работал в Швейцарии.

208. Рузвельт Франклин Делано (1888, Уоррен-Спрингс, шт. Джорджия – 1945) – американский политический деятель. Окончил Гарвард и юридическую школу Колумбийского университета. В 1910–1912 гг. сенатор штата Нью-Йорк, в 1913–1921 гг. помощник Морского министра. В 1928–1932 гг. губернатор штата Нью-Йорк, в 1933–1945 гг. 32-й Президент США от Демократической партии (единственный из президентов, занимавший этот пост четыре срока).

209. Русин (?) – капитан, участник гражданской войны и вооруженных формирований русских эмигрантов в войсках маршала Чжан Цзунчана.

210. Ручкин Борис – современный российский историк.

211. Рыбалко Павел Семенович (1894–1948) – советский военачальник, маршал бронетанковых войск (1945). Дважды Герой Советского Союза (1943, 1945).

212. Рыбников А. А. (?) – саратовский профессор, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

213. Рыков Алексей Иванович (1881, Саратов – 1938, Москва) – советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1900 г. Окончил гимназию и первый курс юридического факультета Казанского университета. С 1902 по 1917 гг. на нелегальном положении, в ссылке и тюрьмах (более 12 лет). С 1905 г. член ЦК РСДРП(б). Нарком внутренних дел (1917), председатель ВСНХ (1918–1920 и 1923–1924). С 1921 г. зам. председателя СНК РСФСР, с 1924 по 1930 г. Председатель СНК РСФСР и СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б). В 1931–1936 гг. нарком связи СССР. Арестован в 1937 и расстрелян в марте 1938 г. по делу «правотроцкистского антисоветского центра».

214. Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) – русский промышленник, банкир. Выходец из знаменитой старообрядческой семьи предпринимателей и меценатов. Состоял в партиях: октябристов (член ЦК партии), мирного обновления (с 1906 г.), прогрессистов (с 1912 г.). Создатель и председатель московского Военно-промышленного комитета (1915), член Государственного совета от промышленности. С 1920 г. в эмиграции (Франция)

215. Рязановский В. А (1884 – ?, США) – русский ученый-правовед. Окончил юридический факультет Московского университета. Преподавал в Демидовском юридическом лицее, После 1917 г. преподавал, последовательно, в Новочеркасском,

Иркутском и Владивостокском университетах. С 1922 г. в эмиграции в Харбине. Профессор и декан Харбинского юридического факультета, автор ряда фундаментальных трудов по китайскому и монгольскому праву.

216. Сабашников Михаил Васильевич (1871–1943) – издатель, один из основателей (вместе с братом Сергеем) знаменитого московского издательства братьев Сабашниковых. С 1896 г. промышленник (совладелец Любимовского сахарного завода), член правления Всероссийского общества сахарозаводчиков. С 1902 г. член нелегального «Союза освобождения», в 1905 г. участник учредительного съезда конституционных демократов. Первая книга выпущена братьями Сабашниковыми в 1891 г. С 1897 г. издательство принимает официальное название «Издательство М. и С. Сабашниковых». Именно это издательство выпускало известные серии «Памятники мировой литературы», «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «История», «Богатства России», «Труды Психиатрической клиники МГУ». После Октябрьской революции национализировано не было и просуществовало до 1930 г. После закрытия возобновило свою деятельность как кооперативная артель «Север» и просуществовало до 1934 г. Возрождено в 1993 г., в Москве внуком Сабашникова.

217. Савинков Борис Викторович (литературный псевдоним – **В. Ропшин**) (1879, Варшава – 1925, Москва) – революционер, политик, писатель, публицист. Участник социал-демократической группы «Рабочее знамя» (1898), участник (с 1903 г.) и глава (1908) «Боевой организации» эсеров, создатель ее устава (1904). Непосредственный участник подготовки убийств министра внутренних дел Плеве (1904, Петербург), великого князя Сергея Александровича (1905, Москва), покушения на адмирала Г. Чухнина (1906) и др. Подвергался арестам и ссылкам (1902, 1906). После Февральской революции – комиссар Временного правительства в 8-й армии, комиссар Юго-Западного фронта, товарищ военного министра. После Октябрьского переворота ярый противник большевиков, участник формирования Добровольческой армии, создатель «Союза защиты Родины и свободы» (Москва, 1918) и организатор антибольшевистских выступлений (неудачных) в Ярославле, Рыбинске и Муроме. С 1919 г. фактический представитель А. В. Колчака и А. И. Деникина в Европе. В 1920 г. в Польше, глава «Русского политического комитета», создатель «Русского эвакуационного комитета», «Народного союза защиты Родины и свободы» и др. С 1921 г. во Франции. В 1924 г. вывезен агентами ОГПУ на территорию СССР и приговорен к

десяти годам тюрьмы. Дальнейшая судьба неясна (вероятно, покончил с собой во внутренней тюрьме ОГПУ, выбросившись из окна). Автор книг «Воспоминания террориста» (1908–1909), «Конь бледный» (1909, лег в основу фильма «Всадник по имени Смерть»), «То, чего не было» (1912–1913), «Конь вороной» (1923).

218. Савицкий Петр Николаевич (1895, Чернигов – 1968, Прага) – экономист-географ, историк, философ. Ученик П. Б. Струве. Участвовал в гражданской войне на Украине. В 1919–20 гг. Выполнял поручения администрации Деникина и Врангеля в Париже, затем работал в правительстве Юга России. С 1920 г. в эмиграции. Один из организаторов и идеологов евразийства. В 1940–1944 гг. Директор русской гимназии в Праге. С мая 1945 по 1956 г. в сталинских лагерях. Затем отпущен в Прагу к семье. В 1960 г. арестован за сборник стихов, изданный в Париже, где нашла отражение лагерная тема. Освобожден под давлением международной научной общественности. Основные работы: «Метафизика хозяйства и опытное его познание» (1925), «Основы геополитики России» (1938–1939).

219. Садырин П. А. (?) – кооператор, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

220. Саламатов П. Т. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»), при аресте у него были изъяты личные записи, на которых ВЧК построила обвинение комитета в контрреволюционной деятельности.

221. Сагов[овский]-Ржевский Г. А. (?) – сибирский журналист и публицист. В Иркутске до революции сотрудничал в газете «Сибирь» (ред. А. Л. Левентон) вместе с И. И. Серебренниковым (см.) под псевдонимом «Гарри С. Р.», В Харбине в 20-х гг. издатель монархической ежедневной газеты «Свет» – самого крупного русскоязычного СМИ города.

222. Свердлов Вениамин Михайлович (1887, Н. Новгород – 1938, Москва) – советский партийный и государственный деятель, младший брат Я. М. Свердлова. Член РСДРП с 1903 г., примыкал к меньшевикам, возглавлял их Нижегородскую организацию. В 1907 г. эмигрировал в США. В 1917 г. вернулся в Россию, вступил в РКП(б). Член коллегии НКПС. Репрессирован.

223. Свидаерский Алексей Иванович (1878, Черниговская губ. – 1933, Москва) – советский партийный и государственный деятель, член партии с 1898 г. Окончил гимназию, два курса физико-математического и один курс юридического факультетов Петербургского университета. Затем на нелегальной работе (с 1898), за участие в студенческих беспорядках и с-д. кружках 7 раз арестовы-

вался, дважды ссылался. В феврале 1917 г. редактора уфимской большевистской газеты «Вперед» и с июня 1917 г. – председатель уфимского Совета. С февраля 1918 г. член коллегии Наркомпрода. С мая 1922 г., членом коллегии – докладчик РКИ В 1923–1928 гг. назначен заместитель наркома земледелия РСФСР. В 1928 начальник Главискусства, член коллегии Наркомпроса РСФСР. В 1929–1933 гг. полпред СССР в Латвии.

224. Святополк-Мирский Дмитрий Петрович (1890–1939, Магаданская обл.) – литературный и общественный деятель, сын министра внутренних дел (1904–1905) П. Д. Святополк-Мирского. Окончил филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1911). Участник Первой мировой и гражданской войны. С 1920–30 гг. в эмиграции. Стал видным деятелем евразийского движения, вступил в Компартию Великобритании, в 1930 г. принял советское гражданство, в 1932 г. вернулся в СССР. Репрессирован, умер в колымских лагерях. Автор «Истории русской литературы с древнейших времен» (1925 г. английское издание, 1992 – русское), очерка «Ленин» (1931), и ряда литературно-критических публикаций в СССР.

225. Седых Андрей (псевд.) (Цвибак Яков) (1902, Феодосия, – 1994, Нью-Йорк) – писатель, журналист, автор мемуаров. Из семьи одесского журналиста, в эмиграции с 1918 г. Окончил Парижскую школу политических наук (1924), работал парламентским корреспондентом газет «Последние новости» и «Сегодня». Литературный секретарь И. А. Бунина. Автор ряда очерков о Париже и русской эмиграции. С 1942 г. корреспондент (с 1973 главный редактор) нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

226. Семашко Николай Александрович (1874, Орловская губ. – 1949, Москва) – советский партийный и государственный деятель. Окончил Елецкую гимназию (1893), затем в Московском и Казанском университете получил специальность врача. Член партии с 1898 г. Неоднократно арестовывался, после 1907 г. в эмиграции, секретарь заграничного бюро ЦК РСДРП, жил в Швейцарии, Франции, Болгарии. Вернулся в Россию в сентябре 1917 г. С 1918 г. Нарком здравоохранения (до 1930). В 1930–1936 гг. председатель Деткомиссии при Президиуме ВЦИК, Главный редактор Большой медицинской энциклопедии. Академик АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945).

227. Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович (1890, пос. Куранжа, Забайкалье – 1946, Москва) – генерал-лейтенант, окончил Оренбургское военное училище, участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом и Георгиев-

ским оружием. С 1917 г. Комиссар Временного правительства в Забайкалье, затем командир отдельного корпуса в Чите. В 1919–1921 гг. командующий Читинским военным округом, атаман Забайкальского казачьего войска, в январе 1920 г. Колчак передает ему «всю полноту военной и государственной власти на территории Российской восточной окраины». С 1921 г. в эмиграции в Дайрене. Тесно сотрудничает с японскими оккупационными властями. В сентябре 1945 г. захвачен советскими войсками и 30 августа 1946 г. по приговору Верховного суда СССР казнен.

228. Сергеев Сергей – современный историк.

229. Серебrenников Иван Иннокентьевич (1882, Знаменское, Иркутской губ. – 1953, Тяньцзин) – сибирский экономист, географ, историк, общественный деятель, издатель, мемуарист. Родился в крестьянской семье Верхоленского уезда, закончил Иркутскую гимназию и 1-й курс Военно-медицинской академии в СПб., член РСДРП (1903–1911), в 1903–1909 гг. неоднократно арестовывался и ссылался. Затем порвал с РСДРП. Занимался географическими и этнографическими исследовательскими работами в Забайкалье и верховьях Лены, автор множества научных публикаций по экономике и этнографии бурят. С 1915 г. Правитель дел Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества, секретарь Иркутской городской думы, один из лидеров сибирского областнического движения. В 1917–1919 гг. член Сибирского и Всероссийского правительств в Омске, министр снабжения. В 1920–1953 гг. живет в Харбине и Тяньцзине, занимается научной и издательской деятельностью. Автор книги «Великий отход белых армий» (1936), 2-томных мемуаров «Мои воспоминания». В 1950–1953 гг. заместитель председателя Общества граждан СССР в Тяньцзине.

230. Серков Андрей Иванович – современный российский историк, специалист по проблемам русского масонства, автор монографий и большого словаря.

231. Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) – советский государственный и партийный деятель. Член партии с 1898 г. По образованию инженер. В 1917 г. избран членом ВЦИК, в 1918 г. Председатель Моссовета. Член ЦКК РКП(б) (1921–1922), член Президиума ВЦИК (1922–1935).

232. Смирнов Н. Е. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

233. Собинов Леонид Витальевич (1872, Ярославль – 1934, Рига) – выдающийся русский певец (тенор). Закончил юридический факультет Московского государственного университета

(1894) На оперной сцене дебютировал в 1892 г. («Сельская честь» П. Масканьи) и сразу был принят в Музыкально-драматическое училище. С 1894 г. пел во вновь созданной итальянской опере при Филармоническом обществе. В 1897, 1904, 1907–1915, 1921–1933 гг. – солист, в 1917, 1918, 1921 – директор Большого театра, в 1901, 1902–1903 гг. солист Мариинского театра, 1904–1906, 1911 гг. – «Ла Скала». Директор правления Филармонического общества и Русского музыкального общества (1912). Народный артист Республики (1923).

234. Сосновский Лев Семенович (1886, Оренбург – 1937) – советский журналист и публицист. Член партии с 1903 г. Работал в профсоюзной печати, неоднократно арестовывался. С декабря 1917 г. член Президиума ВЦИК (до 1924). Совместно с В. Володарским (см.) организатор «Красной газеты» (Петроград, 1917), редактор газеты «Беднота» (1918–1924). Член советской делегации на конференции в Генуе. В 1927 г. исключен из партии как участник троцкистской оппозиции (восстановлен в 1935). Репрессирован.

235. Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878, Гори – 1953, Москва), советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1898 г. Нарком национальностей (1917–1922). С 1922 по 1953 г. Генеральный секретарь ЦК партии, с 1941 г. Председатель СНК (с 1946 по 1953 г. Совета Министров) СССР.

236. Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863, Москва, 1938, Москва) – режиссер, актер, педагог, теоретик театра. Автор знаменитой «системы Станиславского» (техники органичного перевоплощения в образ). Оказал заметное влияние на мировой театр. Дебютировал как актер, на любительской сцене (1877). В 1898 г. совместно с В. И. Немировичем-Данченко основал Московский художественный театр. Сыграл Тригорина («Чайка», 1898), Вершинина («Три сестры», 1901), Гаева («Вишневый сад», 1904), Сатина («На дне», 1902), Ракитина («Месяц в деревне», 1909) и др. Поставил «Синюю птицу» Мориса Метерлинка (1908, с Л. А. Сулержицким и И. М. Москвиным), «Хозяюку гостиницы» К. Гольдони (1914), «Горячее сердце» А. Н. Островского (1926) и др. В 1918 г. возглавил Оперную студию Большого театра (позднее Оперный театр имени Станиславского). Почетный действительный член АН СССР (1925), почетный действительный член РАН (с 1917). Народный артист СССР (1936).

237. Старк Юрий Карлович (1878, Санкт-Петербург – 1950, Париж) – русский военный деятель. Окончил Морской корпус (1897). К 1917 г. командовал минной дивизией Балтийского флота. Контр-адмирал, участник гражданской войны. С 1921 г. командую-

щий Сибирской флотилией (остатками русской тихоокеанской эскадры) в начале ноября 1922 г. вывезшей беженцев из Владивостока. В эмиграции в Маниле, Шанхае, Франции, США).

238. Стеклов Владимир Андреевич (1863/64, Н. Новгород – 1926, Москва) – русский ученый-математик. Племянник Н. А. Добролюбова Член Петербургской АН (с 1912), РАН, АН СССР.

239. Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873, Одесса – 1941) – советский журналист и партийный деятель. Член партии с 1900 г. Неоднократно арестовывался и ссылался. В 1917 г. член Петроградского Совета рабочих депутатов и редактор газеты «Известия». С 1929 заместитель председателя ученого комитета при ВЦИК СССР. Репрессирован.

240. Стефан Джон – современный американский историк, в 80–90-х гг. профессор университета в Гонолулу (Гавайские о-ва). Автор книги о Перл-Харборе и монографии «Русский фашизм-трагедия и фарс» (русский перевод 1995).

241. Струве Петр Бернгардович (1870, Пермь – 1944, Париж) – политический деятель, историк, экономист, публицист. Родился в старинной дворянской семье выходцев из Германии, дед – астроном, создатель Пулковской обсерватории, отец – Пермский губернатор. В 1889 г. окончил 3-ю петербургскую гимназию, в 1895 г. юридический ф-т Петербургского университета (экстерном). С начала 90-х гг. один из лидеров так называемого легального марксизма, автор «Манифеста Русской социал-демократии» (1898). Автор многих статей и книг по экономике и социологии, где критиковал взгляды народников. Сотрудничал с Лениным, Мартовым, Потресовым и др. с-д. В 1896 г. вместе с Плехановым возглавлял делегацию русских с-д. На международном социалистическом конгрессе в Лондоне. В 1901 г. выслан в Тверь за участие в революционной демонстрации. В 1901–1905 гг. в эмиграции издает журнал «Освобождение» и создает тайный «Союз освобождения». В 1906–1915 гг. член ЦК ПНС, редактор журнала «Русская мысль» (1907–1918). С 1913 г. профессор Петербургского университета, с 1916 почетный доктор Кембриджского университета, с 1917 г. академик Российской академии наук (исключен заочно в 1928 г.). Активный участник ряда антисоветских организаций в период Гражданской войны, издатель подпольного сборника «Из глубины». Руководитель Управления внешних сношений в правительстве генерала Врангеля. С 1920 гг. в эмиграции вел активную литературную и политическую работу, редактируя журнал «Русская мысль» в Софии (1921–1927) и газету «Возрождение» в Париже (1925–1927). В 30-х гг. ведет научную работу в Болгарии, Чехословакии, Югославии. В 1941 г.

арестовывался немецкими оккупационными властями, как «бывший сотрудник Ленина».

242. Ступницкий Арсений Федорович (1893–1951, Париж) – юрист, журналист, редактор и издатель. Долгое время сотрудничал в «Последних новостях», после войны издавал газету «Русские новости» был одним из основателей «Союза патриотов СССР».

243. Сумбатов (сцен. псев. **Южин**), **Александр Иванович** (1857, Тифлис – 1927, Москва), – выдающийся русский актер и драматург, князь. Сценическую деятельность начал в 1881–1882 гг. В 1882 г. поступил в московский Малый театр, где прошла вся его театральная работа в качестве актера, а с 1909 – художественного руководителя театра. В 1890 за исполнение драм Гюго получил от Французской республики знак «Академических пальм», В 1916 г. был избран Академией наук почетным академиком по разряду изящной словесности. После Октября был выбран председателем дирекции Малого театра и до смерти стоял во главе его. В 1922 г. получил звание «народного артиста республики». Как актер создал ряд замечательных образов в пьесах Шекспира (Яго, Ричард III, Макбет, Кориолан, Шейлок и др.), Шиллера (Карл Моор, маркиз Поза), Гюго (Рюи-Блаз, Карл V), Грибоедова (Чацкий, Репетилов, Фамусов) и Островского (Телятев в «Бешеных деньгах»). Известен также как драматург. Его пьесы это эффектные мелодрамы («Дочь века», 1880; «Листья шелестят», 1881; «Соколы и вороны» совместно с Вл. Немировичем-Данченко, 1885 и др.) или сатирические комедии из жизни крупной буржуазии («Джентльмен», 1897), вырождающейся аристократии («Закат», 1899), петербургской бюрократии («Невод», 1905), либеральной интеллигенции («Вожди», 1908, «Ночной туман», 1916). Обособленно стоят драма из эпохи покорения Кавказа – «Старый закал», (1890) и романтическая легенда из прошлого Грузии – «Измена» (1903).

244. Тарасевич Лев Александрович (?) – русский общественный деятель и ученый, профессор-медик, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

245. Таскин Сергей Афанасьевич (1876, с. Пуринское, Забайкалье – 1952, Харбин) – депутат 2-й и 4-й государственных дум от Забайкалья, член ЦК Конституционно-демократической партии (ПНС), областной комиссар Временного правительства в Забайкалье, член Учредительного собрания, член Временного забайкальского правительства, министр земледелия и госимущества в Деловом кабинете генерала Хорвата, комиссар и управляющий Забайкальской области в Чите (с 29.11.19). Председатель Совета управляющих ведомствами пр-ва российской восточной окраины (с

16.01.20). В эмиграции в Китае работал директором средней школы на Западной линии КВЖД.

246. Тейтель А. В. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

247. Теодорович Иван Адольфович (1875–1937) – советский партийный и государственный деятель, с 1907 г. член ЦК РСДРП, в 1917 г. Нарком продовольствия, в 1921 г. Нарком земледелия. Репрессирован.

248. Тиме Г. Г. (?) – русский эмигрант, командовал конвоем командующего Западной армии (1918–1919), полковник гвардейского конно-гренадерского полка, командир Русского волонтерского полка в Шанхае.

249. Тимофеев Е. М. (?) – революционер, член ЦК ПСР, по «процессу эсеров» 1922 г. приговорен к расстрелу, замененному пятью годами лишения свободы.

250. Тихон (Белавин) Василий Иванович (1865–1925) – Патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.). В 1922 г. арестован советскими властями по обвинению в антисоветской деятельности. Освобожден (под домашний арест) в 1923 г. после того, как призвал духовенство и верующих к лояльному отношению к советской власти. Канонизирован Русской православной церковью.

251. Толстая Александра Львовна (1884, Москва – 1979, США) – общественная деятельница, младшая дочь Л. Н. Толстого и его постоянная сотрудница. Единственный член семьи, посвященный в тайну «ухода» писателя из дома. В годы Первой мировой войны руководит санитарным отрядом, кавалер трех георгиевских крестов, подполковник. После революции активный участник движения «толстовцев», неоднократно арестовывалась и ссылалась. С 1929 г. в эмиграции (Япония, США). В середине 30-х гг. на средства, заработанные лекциями, основала «Толстовский фонд» для помощи эмигрировавшим из СССР.

252. Толстой Алексей Николаевич (1882, Самарская губ. – 1945, Москва) – русский, советский писатель, граф. В 1919 г. эмигрировал, вернулся в Россию в 1923 г. Академик АН СССР. Лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1946). Наиболее значительные произведения. Трилогия «Хождение по мукам», роман «Петр I», «Аэлита» (1922–23), «Гиперболоид инженера Гарина» (1925–1926), повести «Гадюка», «Ибикус», сказка «Золотой ключик» (1935–1936) и др. многочисленные повести, рассказы и пьесы. В советский период творчества быстро завоевал статус «классово прозревшего» писателя, поставившего перо «на службу трудовому народу», официально признанного классика советской литературы. В последнее

время этот широко распространенный миф рассеялся, уступив место более прозаическому образу – нашего удобную экологическую нишу прагматика, социального приспособленца, своим авторитетом в значительной мере создававшего «благопристойный» фасад сталинскому террору. Помимо естественного желания жить на родине, Толстой, будучи патриотом-«державником», интуитивно увидел в большевиках правопреемников великодержавной идеи, что во многом определило его политическую лояльность. Эта во всех отношениях двойственная общественная позиция не отменяет художественных достижений писателя, многие из которых входят в золотой фонд отечественной литературы XX в.

253. Толстой Илья Ильич (?) – русский эмигрант, участник Гражданской войны в отряде О. В. Каппеля (см.), внук Л. Н. Толстого. Жил в Харбине, затем в Сербии. Участвовал в партизанской борьбе на Балканах в период Второй мировой войны, автор «Большого русско-сербского словаря». После войны вернулся в СССР.

254. Тонких И. В. (?) – русский эмигрант, генерал-майор, начальник штаба Особой Оренбургской армии (1919), участник русских военных формирований в Западном Китае, сотрудничал с советской военной миссией.

255. Тонконогов (?) – русский эмигрант, харбинский предприниматель.

256. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879, Херсонская губ. – 1940, Койоакан, Мексика) – советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1903 г., в 1905 г. товарищ председателя, затем председатель Петербургского Совета, в 1907–1917 гг. политический эмигрант, деятель международного интернационалистского движения. Осенью 1917-го председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, один из главных организаторов Октябрьского переворота. После Октября нарком иностранных дел РСФСР, глава советской делегации на переговорах с Германией в Бресте, затем (1918–1925) Народный комиссар по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета, фактический руководитель основных компаний Гражданской войны, член Политбюро ЦК ВКП(б). Затем Председатель Главного концессионного комитета, один из лидеров антисталинской «левой» и «объединенной» оппозиций. В 1928–1929 гг. в ссылке в Алма-Ате. В 1929 г. выслан из СССР. В эмиграции глава левой социалистической оппозиции, основатель так называемого IV Интернационала. Убит агентом НКВД.

257. Грубецкой Евгений Николаевич (1863, Москва – 1920, Новороссийск) – русский религиозный философ, правовед, писатель и общественный деятель. Окончил юридический факультет

Московского университета, преподавал в Демидовском ярославском лицее и Киевском университете, потом занял в последнем профессорскую кафедру. С 1906 г. профессор энциклопедии и истории философии права в Московском университете. Из его трудов особенного внимания заслуживают диссертации: магистерская – «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V в.: Миросозерцание блаженного Августина» (1892), и докторская – «Религиозно-общественный идеал западного христианства в XI в.: Идея Божеского царства у Григория VII и публицистов его современников» (1897). В статье: «Церковь и освободительное движение» (1905) высказывал уверенность, что русское духовенство может «колокольным звоном возвещать всеобщий праздник обновления и радоваться успехам политической оппозиции. Для этого служители нашей государственной религии должны отрешиться от начал рабского оппортунизма и вернуться к высоким заветам митрополита Филиппа, бесстрашно обличавшего правительственную неправду». Наибольшее впечатление на широкие круги русского общества произвела небольшая статья 1904 г.: «Война и бюрократия». Впервые на страницах легальной русской печати было ясно указано, что истинной причиной военных неудач является многолетняя косность общества, жившего «по произволу всевластной бюрократии» Стал депутатом 1-й Государственной думы, но в 1906 г. вышел из ПНС (до 1917-го), затем редактировал и издавал «Московский Еженедельник», служивший органом «Партии мирного обновления», одним из лидеров которой он являлся. Трубецкому принадлежит чрезвычайно содержательная статья о роли идей в истории по учению К. Маркса и Энгельса. Отдельной книгой издавались очерки по философии Ницше. Современники оценивали эту работу, как лучшую в европейской литературе монографию о Ницше. Инициатор и основной автор книгоиздательства «Путь» где в 1910–1917 гг. вышли его книги о Платоне, Владимире Соловьеве, Канте, древнерусской иконописи и др. К 1917 г. стал одним из ведущих представителей русского «религиозно-философского ренессанса», и лидером Религиозно-философского общества. Активно участвовал с либеральных и антиэкстремистских позиций в общественной жизни России.

258. Тыркова (Вильямс по мужу) Ариадна Владимировна (1869, Новгородская губ. – 1962, Вашингтон) – журналистка, писательница, общественный деятель. Родилась в старинной дворянской семье, брат Аркадий – активный деятель «Народной воли», политкаторжанин. Окончила гимназию в Петербурге вместе с Н. К. Крупской. Член тайного «Союза освобождения», в 1904 г. осуждена

на два года тюрьмы за контрабандный провоз революционной литературы. В 1904–1905 гг. в эмиграции. С октября 1905 г. член ЦК ПНС. Одна из составителей «Выборгского воззвания». Автор нескольких книг рассказов и очерков, романов «Жизненный путь и «Добыча», биографии «Анна Павловна Философова и ее время». В 1914–1917 гг. руководитель санитарного отряда Петроградской городской Думы на фронте. С февраля по октябрь гласная Петроградской думы. В эмиграции с 1918 г. Автор 2-томной «Жизни Пушкина» (издана в России в 1999 г. в серии «ЖЗЛ») и двух книг воспоминаний «То, чего больше не будет» и «На путях к свободе».

259. Тэсс (Сосюра) Татьяна Николаевна (1906–1984) – советский публицист и писательница, работала в «Известиях».

260. Угрюмов А. И. (?) – кооператор, председатель Московского сельскохозяйственного общества, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

261. Ульянова-Елизарова Анна Ильинична (1864, Н. Новгород – 1935, Москва) – революционерка, публицист, общественный деятель, старшая сестра В. И. Ленина. Член партии с 1898 г. Работала в «Правде» (1912–1917), редактировала журнал «Работница», работала в Наркомпросе, одна из организаторов Института марксизма-ленинизма.

262. Уоллес Генри (1888, Айова – 1965) – американский государственный деятель, министр сельского хозяйства (1933–1940), вице-президент (1941–1945) в администрации Президента Ф. Д. Рузвельта (см.).

263. Устрялов Николай Герасимович (1805, Орловская губ – 1870, Петербург) – профессор Петербургского университета, академик Императорской академии, учился в Орловской гимназии, затем окончил курс в Петербургском университете. В 1824 г. он поступил на гражданскую службу. В 1827 г. по конкурсу занял место учителя истории в Петербургской гимназии. В 1829 г. был приглашен лектором русского языка в Петербургский университет, но занимался, главным образом, историей. В 1830 г. он издал перевод сочинения Маржерета на русский язык, снабдив его примечаниями; в 1832 г. издал в пяти частях «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», а в 1833 г. «Сказания князя Курбского». Эти издания, вышедшие в свет каждое по три раза, сделали имя Устрялова известным в русской исторической науке. Он получил за них две Демидовские премии и кафедру в Педагогическом институте, Военной академии и Морском корпусе. В 1831 г. начал читать в Петербургском университете лекции по всеобщей и русской истории, а с 1834 г. – только русской. Лекции свои он посвящал разбору первоисточ-

ников и критике мнений историков по разным вопросам. В 1836 г. получил степень доктора истории за рассуждение о системе прагматической русской истории и затем был избран в Академию наук. В 1837–1841 гг. в виде пособия к своим лекциям он издал в 5-ти томах «Русскую историю», дополнением к которой в 1847 г. явилось «Историческое обозрение царствования императора Николая I», исправленное по рукописи самим императором. В то же время написал два кратких учебника для гимназий и реальных училищ. Учебники были единственными, по которым училось русское юношество до 60-х годов. Самым важным трудом, которому он посвящал свои силы в последние 23 года своей жизни, была «История царствования Петра I». Получив в 1842 г. доступ в Государственный архив, Устрялов извлек из него много важных документов. Труд его остался незаконченным. В «Истории царствования Петра I» он обращает внимание исключительно на внешние факты и факты биографические; внутренней жизни государства он совсем не касается. Тем не менее труд его не потерял своего значения и до сих пор.

264. У Пейфу (1878–1939) – китайский милитарист, лидер т. н. «чжилийской» (по названию провинции) группировки, маршал. До 1927 г. контролировал столицу и провинции восточного Китая. После разгрома его войск Гомиьнданом потерял политическое влияние. Последние годы жизни провел в буддийском монастыре.

265. Файджес Орландо – современный английский историк автор фундаментальной монографии «Человеческая трагедия: история русской революции 1895–1925» (1997).

266. Фельдман К. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

267. Ферсман Александр Евгеньевич (1883, СПб. – 1945) – выдающийся русский ученый-геохимик, минералог. Академик РАН (1919) и АН СССР (1925) Вице-президент АН СССР (1927–1929). Создатель целого ряда научных учреждений, организатор ряда экспедиций с целью исследования минеральных ресурсов. Лауреат Ленинской (1929) и Сталинской премии СССР (1942). Основные работы – монография «Геохимия» (в 4 томах, 1933–1939), «Пегматиты» (1931).

268. Фигнер Вера Ивановна (1852, Казанская губерния – 1942, Москва). Окончила курс Казанского института для благородных девиц; в 1871 г. уехала за границу и поступила в Цюрихе на медицинский факультет. В 1875 г. вернулась в Россию. В 1876-м принимала участие в революционной демонстрации на Казанской площади. Когда в партии «Земля и Воля» началась борьба между старым народническим течением и новым – народофильским,

стала одной из наиболее влиятельных сторонников последнего и приняла деятельное участие в Исполнительном комитете партии Народной воли; В 1883 г. была арестована; судилась по процессу 14-ти в военно-окружном суде и приговорена к смертной казни, но помилована и заключена в Шлиссельбургскую крепость, где и отсидела 20 лет в крайне тяжелых условиях. Политическую деятельность прекратила после 1917 г. Автор воспоминаний «Запечатленный труд» (опубликованы в 1964).

269. Фицпатрик Шейла – современный американский историк, одна из ведущих исследователей советской эпохи американской исторической школы.

270. Флоровский Георгий Васильевич (28.08.1893, Елизаветград – 11.08.1979, Принстон, США) – философ, ученый и религиозный мыслитель. Родился в семье священнослужителя (отец был ректором Одесской духовной семинарии). Поступил в Одесский университет на историко-филологический факультет, занимался также и естественными науками (его экспериментальная работа по физиологии слюноотделения была одобрена И. П. Павловым и опубликована в Записках Академии наук за 1917 г.). Сдав магистерский экзамен, был принят приват-доцентом на кафедру философии. В январе 1920 г. эмигрировал вместе с родителями в Болгарию, где участвовал в создании Русского религиозно-философского общества. В 1923 г. в Праге защитил диссертацию по истории философии Герцена. В 1926 г. приглашен профессором кафедры патрологии Русского института богословия в Париже. В 1932 г. принял священство. Начало Второй мировой войны застало его в Югославии, откуда он только после войны смог вернуться в Париж, где возобновил преподавательскую деятельность. В 1948 г. переехал в США, где стал деканом Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. В 1956 приглашен профессором по истории Восточной церкви Гарвардского университета, затем работал в Принстоне, вел активную общественно-религиозную деятельность, был одним из учредителей Всемирного совета церквей. Умер в Принстоне, похоронен в Трентоне (штат Нью-Джерси). По словам Н. О. Лосского, «самый православный из современных русских философов» Флоровский внес серьезный вклад в такие области, как литература, история философии, богословие, история русской религиозной мысли. Его труд «Пути русского богословия» признается многими специалистами как основной библиографический справочник по истории духовной культуры России. Разделял ряд идей евразийства. Принимал участие в самом первом программном сборнике «Исход к Востоку». Его объединяло с евразийством утверждение своеобразия российского

пути развития, в корне отличающегося от западного, сугубо критическое отношение к западному типу рациональности, вообще к западной культуре, а также призыв базироваться на истинно православной вере и традициях. Но, напечатав еще несколько статей в евразийских изданиях, отходит от движения. Окончательные идеологизация, политизация и, как казалось многим, пробольшевизм евразийства конца 20-х гг. сделали Флоровского одним из основных критиков этого течения. Статья «Евразийский соблазн» (1928) считается одним из самых серьезных и тщательных критических анализов евразийской идеологии. В американский период жизни много печатался на английском языке, на котором вышло и его 14-томное собрание сочинений.

271. Фомин Н. Ю. (?) – русский эмигрант, капитан 1-го ранга, первый командир волонтерского русского отряда в Шанхае (с 1927).

272. Фондаминский (Бунаков –псевд.) Илья Исидорович (1879–1943) – Революционер, политический и общественный деятель, журналист. С 1905 по 1909(?) г. член БО ПСР. В эмиграции с 1919 г. Издатель и редактор журнала «Современные записки» (Париж). В войну участвовал в Сопrotивлении. Погиб в немецком концлагере.

273. Франк (?) – русский эмигрант, казачий сотник, участник русских военных формирований в Западном Китае.

274. Фрезе П. Ф. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

275. Фу Дзихуй (см. Рыбалко П. С.).

276. Фэн Юйсян (1882–1948) – китайский милитарист, опиравшийся на население провинций, ныне входящих в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Выходец из простых солдат, по вероисповеданию христианин. В 1924 г. в союзе с чилийской группировкой захватил Пекин, затем порвал с Чжан Цзолинем (см.) и сотрудничал с лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном и Чан Кайши (см.). В 1929 г. поднял восстание против Гоминьдана, опираясь на поддержку коммунистов и советских военных советников. С 1933 г. командующий так называемый народной (антияпонской. – *О. В.*) армией в провинции Чохар в союзе с Гоминьданом и коммунистами (до 1945 г.). В 1948 г. был главой делегации Гоминьдана в США. Зачно был избран председателем Политического совета так называемого революционного комитета Гоминьдана (группировка, отколовшаяся от Чан Кайши. – *О. В.*). Погиб при невыясненных обстоятельствах в результате «несчастливого случая».

277. Халтурин Степан Николаевич (1856–1882, Одесса) – русский революционер-народоволец, организатор «Северного союза русских рабочих», затем примкнул к «Народной воле». Организатор взрыва в Зимнем дворце (1880). Казнен как участник убийства одесского прокурора Стрельникова.

278. Ханжин Михаил Васильевич (1871, Самарканд – 1961 Ашхабад или Джамбул) – русский военный деятель, генерал от артиллерии (1919), участник Первой мировой и Гражданской войн, Георгиевский кавалер. Окончил Артиллерийское училище (1893), Михайловскую артиллерийскую Академию (1899). В 1917 г. генерал-лейтенант, полевой инспектор штаба Верховного главнокомандующего. Командующий Западной армией у Колчака (см.) в 1918–1919 гг., в последнем составе правительства адмирала был военным министром. После 1921 г. в эмиграции в Китае. Один из руководителей дальневосточного отдела РОВС (Дайрен). В 1945 г. арестован и вывезен в СССР. В лагерях до 1956 г.

279. Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937, Пекин) – русский государственный деятель, военачальник, генерал-лейтенант. Окончил Николаевское инженерное училище (1878). Был управляющим Кавказской Военной железной дорогой (1902–1918), главой военной администрации КВЖД (1918) и верховным уполномоченным администрации Колчака по Дальнему Востоку (1918–1919), председателем отдела «Русского общевоинского союза» на Дальнем Востоке (с 1924 г.).

280. Хрущев Александр Михайлович (1885, Волынская губ. – 1976, Сан-Франциско) – участник Первой мировой (подполковник драгунского полка) и Гражданской (командовал рядом кавалерийских частей) войн. Генерал-майор, в эмиграции в Китае, служил в Шанхайской полиции.

281. Цветаева Марина Ивановна (1892, Москва – 1941, Елабуга, Тат. АССР) – поэт, переводчик, мемуарист. Дебютировала в начале 1910-х гг. С 1921 по 1939 г. в эмиграции. Вернулась в СССР, где ее семья (муж и дочь) подверглись репрессиям. Покончила с собой в эвакуации.

Ранние произведения: «Вечерний альбом» (сборник, 1910), «Волшебный фонарь» (сборник, 1912), «Чародей» (поэма, 1914), «На красном коне» (поэма, 1921), «Версты» (сборник, 1921–1922), «Царь-девица» (поэма, 1922) и др.), «Поэма горы» (1926), «Поэма конца» (1926), «Крысолов» (1925–1926), «Ариадна» (трагедия, 1927), «Федра» (трагедия, 1928), «Стихи к Чехии» (1938–1939, опубл. посмертно). Прозаические произведения: «Мой Пушкин» (1937), «Мать и музыка» (1935), «Дом у Старого Пимена» (1934),

«Повесть о Сонечке» (1938), «Живое о живом» (1933), «Нездешний ветер» (1936), «Пленный дух» (1934) и др.

282. Чайковский Б. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

283. Чан Кайши (Цзян Цзешу, Чжунчжэн) (1887, пров. Чжэцзян – 1975, Тайбэй) – генералиссимус, китайский политический и военный деятель. С 1927 г. глава партии Гоминьдан и Президент Республики Китай. С 1949 г. глава администрации РК (о-в Тайвань).

284. Чапанов Александр Васильевич (1888, Москва – 1937, Казахстан(?)) – виднейший российский экономист-аграрник, деятель кооперативного движения. Окончил Моск. с.-х. ин-т (Петровскую, ныне – Тимирязевскую с.-х. академию), быстро стал ведущим специалистом в стране и за рубежом. Создал научную школу. В октябре 1917 г. товарищ министра земледелия в последнем составе Временного правительства. После Октября преподавал в Коммунистическом университете, профессор Московской с.-х. академии, занимал ряд руководящих постов в Центросоюзе и Наркомате земледелия, участвовал в работе Генуэзской конференции. Специалист по проблемам крестьянской экономики, кооперативному обобществлению крестьянских хозяйств, экономическому механизму функционирования кооперативного предприятия. Первый председатель Льноцентра (1915), член коллегии Наркомзема РСФСР (1921–1923), создатель и директор Института сельскохозяйственной экономики (1922–1928). Репрессирован в 1930) вместе с *Кондратьевым* (см.), *Челинцевым* и рядом других единомышленников по делу вымышленной ОГПУ «контрреволюционной организации – Трудовой Крестьянской партии», сослан в Казахстан, позднее расстрелян. Кроме того известен как прозаик и поэт, искусствовед, библиофил и коллекционер произведений искусства.

285. Челинцев Александр Николаевич (1874–1962) – ученый, экономист-аграрник, окончил Новоалександровский институт сельского х-ва и лесоводства, в 1917 г. вместе с Чапановым (см.) участвовал в разработке аграрной программы Временного правительства, автор монографии «Теретические основания организации крестьянского хозяйства» (1919). С 1920 по 1925 г. в эмиграции. После возвращения в СССР профессор Московской с.-х. (Тимирязевской) Академии. Репрессирован вместе с Чапановым и Кондратьевым (см.) по фальсифицированному делу «Трудовой крестьянской партии».

286. Черкасов И. А. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

287. Чернов Виктор Михайлович (псевдонимы: **Гарденин, Вечев, Тучкин** и др.); (1873, Камышин, Саратовской губ. – 1952, Нью-Йорк) – политический и общественный деятель, социолог, публицист, ведущий идеолог партии социалистов революционеров (ПСР). В начале XX в. как виднейший публицист и теоретик неонародничества, считался среди левой интеллигенции продолжателем дела Н. К. Михайловского (см.). За неблагонадежность был исключен из гимназии. Окончив курс в Дерпте, поступил в Московский университет принимал участие в студенческом движении. В 1894 г. арестован по делу партии «Народное право» и выслан на 3 года в Тамбов; сотрудничал в с журналом «Русское богатство». В 1899 г. уехал за границу, был одним из организаторов «Аграрно-социалистической лиги»; издававшей популярные революционные брошюры для крестьян, входил в редакцию центрального органа партии социалистов-революционеров «Революционная Россия», состоял членом эсеровского ЦК. В 1905 г. вернулся в Россию. На I съезде партии эсеров в январе 1906, где произошел откол правых («народных социалистов») и левых («максималистов»), возглавил «центр». Во время войны был интернационалистом, участвовал в Циммервальдской и Кинтальской конференциях. Вернувшись в Россию после Февральской революции, с мая по август был министром земледелия во Временном правительстве. В январе 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания. Летом 1918 г. он участвовал в работе Комитета членов Учредительного собрания (Комуч). После захвата власти Колчаком был арестован, но вскоре освобожден по распоряжению чехословацкого командования. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию. В 20-х гг. жил в Праге, издавал журнал «Революционная Россия» (1920–1931). В 1931 г. поселился в Париже. С середины 30-х гг. выступал за создание в европейских государствах Народных фронтов с участием коммунистов против набиравшего силу фашизма. После нападения Германии на СССР признал необходимым «стать на защиту России» при условии, если советское правительство «прекратит войну со своим собственным народом и объявит политическую амнистию». Участник движения Сопротивления во Франции. Умер в Нью-Йорке. Автор множества работ, посвященных критике марксизма и теоретическому обоснованию программы социалистов-революционеров, а также воспоминаний. «Рождение революционной России. (1934); «Перед бурей. Воспоминания» (1953).

288. Чернышев Сергей – современный публицист и философ, д. ф. н.

289. Чехов В. А (?) – русский эмигрант, полковник, командовал группой бронепоездов в Русской Шеньдунской группе генерала Нечаева (см.).

290. Чжан Цзолинь (1876–1928) – китайский милитарист, маршал, с 1918 г. генерал-инспектор трех северо-восточных провинций и фактический диктатор Маньчжурии. Лидер т. н. «Фэнтяньской» (Фэнтянь – старое название г. Шэньян) или маньчжурской группировки. Погиб в июне в железнодорожной катастрофе, организованной японской разведкой.

291. Чжан Цзунчан(?) – китайский милитарист, маршал, участник т. н. фэнтяньской (маньчжурской) группировки, сподвижник Чжан Цзолиня. Командующий Восточным районом, а затем и Южным фронтом. Убит японцами.

292. Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – Советский партийный и государственный деятель, дипломат. В 1918–1930 народный комиссар иностранных дел РСФСР/СССР. Член ЦК ВКП(б) (1925–1930).

293. Чулков Георгий Иванович (1879–1939) – русский писатель, историк литературы, публицист. Был одним из руководителей студенческих волнений 1900 г., за что был сослан в Якутскую губернию. По возвращении из ссылки входил в группу символистов-мистиков и сотрудничал в журналах «Новый путь», «Вопросы жизни» и др. В середине 10-х гг. XX в. сотрудник и друг А. Блока (см.) и В. Иванова, организатор символистского издательства «Факелы». Автор книг «О мистическом анархизме», сборника критических статей «Покрывало Изиды». После революции автор исторических романов «Мятежники» (1926), «О Пьере Волховском» (1930) и др., книги воспоминаний «Годы странствований» (1930) и, как плод многолетней исследовательской работы над текстами поэта, «Летопись жизни и творчества Тютчева» (1933).

294. Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888–1982, Москва) – писательница, публицист. Произведения: «Месс-Менд» (1923–1925), «Гидроцентральный» (1930–1931), «Семья Ульяновых» (1938, 2-я ред. 1957), очерки и воспоминания. Лауреат Сталинской премии (1951), Ленинской премии (1972). Член-корр. АН Армении (1950). Герой Социалистического Труда (1976).

295. Шанцев Д. Н. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

296. Шапошников Владимир Николаевич (у Кусковой вероятнее всего ошибка «Н. Н.» – О. В.) (1884–1968) – русский ученый-микробиолог, специалист по физиологии микроорганизмов. Окончил Московский университет (1910) и преподавал в нем. Стоял у

истоков советской технической микробиологии, в частности промышленного производства молочной и масляной кислот и др. Лауреат Сталинской премии (1950). С 1953 г. действительный член АН СССР.

297. Шелавин А. Н. (?) – русский эмигрант, генерал, участник русских военных формирований в Западном Китае, сотрудничал с советской военной миссией.

298. Шер Василий Владимирович (1883 – после 1931) – революционер, политический деятель, член РСДРП с 1905 г. (меньшевик). После Февральской революции – секретарь Совета солдатских депутатов в Москве, член ЦК РСДРП (меньшевиков); с июля 1917 г. – помощник командующего войсками Московского военного округа; в октябре 1917 г. – начальник политического управления военного министерства. После Октября работал в Центросоюзе, а также в ВСНХ и Госбанке СССР; после 1930 г. – заместитель заведующего архивом института Маркса и Энгельса. В марте 1931 г. Верховным судом СССР приговорен к десяти годам лишения свободы по фальсифицированному делу так называемой контрреволюционной организации Союзное бюро РСДРП (меньшевиков).

299. Шерман С. Г. (?) – русский эмигрант, швейцарский знакомый супругов Прокоповичей.

300. Шильников Иван Федорович (1877, Забайкалье – 20-е гг., Китай) – русский военный деятель, генерал-майор казачьих войск. Офицер с 1897 г. Командовал рядом бригад и корпусов на Восточном фронте. В 1920 г. баллотировался на должность Походного атамана казачьих войск Сибири и Урала (уступил Г. М. Семенову). В эмиграции в Китае был одним из руководителей РОВС и Восточного казачьего союза.

301. Шлугейт М. (?) – член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

302. Шляпников Александр Гаврилович (1885, Муром – 1937) – советский партийный и государственный деятель. Член партии с 1903 г., активный участник профессионального рабочего движения. В 1908–1914 гг. политэмигрант. Член ЦК и руководитель российского бюро ЦК РСДРП (б) в 1915–1917 гг. Активный участник Февральской революции, член ИК Петроградского совета рабочих депутатов, один из организаторов Красной гвардии, член ВЦИК. После октября Нарком торговли и промышленности (1918), член ВСНХ, член РВС ряда фронтов, в 1919 – председатель ЦК профсоюза металлистов. В 1924–1925 советник полпредства СССР во Франции. В 1926–1929 председатель правления акционерного общества «Металлоимпорт». Кандидат в члены ЦК в 1918–1919, член ЦК партии в

1921–1922 гг. Исключен из ВКП(б) в 1933 г. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

303. Штин И. И. (? – 1927, Китай) – русский эмигрант, полковник, воевавший в Русской Шеньдунской группе генерала Нечаева, автор дневника, рисующего военные будни нечаевцев, погиб в боях.

304. Шуддяков В. А. – современный историк белого движения.

305. Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – публицист, политический деятель царской России. Из землевладельцев Волынской губернии. Окончил юридический факультет Киевского ун-та. Депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум. Во 2-й Госдуме – лидер крайних правых, в 3-й – один из руководителей националистов; сторонник политики Столыпина, редактор газеты «Киевлянин», основанной его отцом. Во время Первой мировой войны участник оппозиционного «прогрессивного блока». Во время Февральской революции – член Временного исполнительного комитета Государственной думы. Вместе с А. И. Гучковым добился отречения Николая II. После Октября принимал участие в различных монархических организациях, был членом «Особого совещания» при Правительстве Юга России. Редактировал (1919–1920) монархическую газету «Великая Россия». В эмиграции сотрудничал в журнале «Русская мысль». В 1926 г. нелегально побывал в СССР и описал свои впечатления в книге «Три столицы». Состоял в «Русском общевоинском союзе» (с 1924 г.) и Национально-трудовом союзе нового поколения (с 1933 г.). В 1944 г. арестован советской контрразведкой, доставлен в Москву. По приговору суда отбывал во Владимирской тюрьме 25-летний срок заключения. После освобождения идеологически сотрудничал с советскими властями. Автор исторического романа «Приключения князя Воронцового» (1914, 1934), статей, мемуарных очерков («1920», «Дни»), книг «Три столицы: Путешествие в красную Россию» (Париж, 1927), «Что нам в них не нравится: Об антисемитизме в России» (1929), «Письма к русским эмигрантам» (сборник статей, 1961), «Годы: Воспоминания бывшего члена Государственной думы» (1979).

306. Шумский А. (?) – сотрудник Губрабиса (Губернского комитета работников искусств), член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол»).

307. Щайдицкий В. И. (?) – русский эмигрант, участник Гражданской войны в составе конно-азиатской дивизии Р. Ф. Унгерна (см.) в 1925–1927 гг. начальник штаба Особого полка в армии маршала Чжан Цзунчана.

308. Щепкин М. М. (?) – политический и общественный деятель, член ЦК ПНС, участник «Национального центра». Репрессирован.

309. Эммот (Эммоут) (?) – английский политический деятель, консерватор, член Палаты лордов.

310. Эфрос Абрам Маркович (1888–1954) – русский искусствовед, художественный критик, переводчик. В 1911–1917 гг. вел художественно-критический отдел «Русских ведомостей» (псевд. Россций), сотрудничал в журналах «Аполлон», «Современный Запад», «Русский современник» и др. После Октября работал в музейном отделе Наркомпроса, затем состоял хранителем московского Музея изящных искусств и Третьяковской галереи; способствовал пополнению этих музеев новыми произведениями. Много работал для популяризации западного искусства. Автор ряда статей по вопросам изобразительного искусства, часть этих статей объединена в книге «Профили» (1930). Им выпущены переводы древнееврейской прозы и лирики («Руфь» и др.) и ряда западных авторов. Работа – «Рисунки поэта» (1931) – посвящена анализу рисунков Пушкина.

311. Ювеналиев (?) – 1890, Уфа) – учитель физики в Уфимской гимназии, организатор народовольческих кружков, первый муж Е. Д. Кусковой.

312. Яковлев (Дунин) П. Д. (?) – сер. 20-х гг.) – революционер, политик, общественный деятель. Член ПСР, политический ссыльный в Иркутской губернии, после Февральской революции, земский деятель. Затем по указу Сибирского правительства управляющий Иркутской губернией, сохранил свой пост и при Колчаке. В эмиграции в Харбине поддерживал тесные связи с органами Госполитотраны ДВР, затем с ОГПУ. Вернулся в СССР. Репрессирован.

313. Ясинский В. И. (?) – профессор, член Общественного комитета помощи голодающим («Помгол») (какого из нескольких профессоров Ясинских имеет в виду Кускова – неясно. – О. В.).

Послесловие

Вот и перевернута последняя страница этой во многом непростой, интересной и поучительной книги, посвященной судьбам и творчеству активных участников великой исторической драмы, разыгравшейся в России в начале XX в., Николая Устрялова и Екатерины Кусковой. Эти яркие, самобытные и известные в свое время люди ныне вновь возвращены в нашу историю, в том числе и усилиями Олега Воронина.

Основное внимание автор уделил не рассказу об их жизни, а освящению и анализу их идейных исканий в переломную для России революционную эпоху 1917–1921 гг., их размышлениям о случившемся, о дальнейшем развитии страны и поиску места русской интеллигенции в этом процессе. В этом состоит особая ценность книги сегодня, когда перед российским народом вновь стоят «вечные» вопросы – «Куда идет Россия?», «Что делать?», «Каковы наше место и роль в этих процессах?», занимавшие российскую интеллигенцию последние полтора века.

Думается, что знакомство с идеями и мыслями по этому поводу Н. В. Устрялова и Е. Д. Кусковой, с их практическим опытом в этом плане помогает лучше понять, что же происходило в нашей стране и со страной в революционную эпоху и каково было отношение интеллигенции к ее событиям и роль в них. О. Л. Воронину удалось напомнить заинтересованному читателю о забытых, но актуальных сегодня аспектах той эпохи. И в этом его основная заслуга как автора. Это тем более важно, что к изучению событий 1917–1921 гг. в России наше общество будет неизбежно возвращаться вновь и вновь в поисках ответа на многие злободневные вопросы.

*Игорь Владимирович Наумов,
доктор исторических наук, профессор*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев В. Шанхайский русский полк / В. Алексеев // Белая эмиграция в Китае и Монголии : сб. воспоминаний / сост., науч.ред., предисл., коммент. С. В. Волкова. – М., 2005. – С. 374.
2. Благодатов А. В. Записки о китайской революции 1925–1927 гг. / А. В. Благодатов. – М. : Наука, 1970. – 250 с.
3. Булгаков М. «Дневник Мастера и Маргариты» / М. Булгаков и Е. Булгакова ; сост. предисл., коммент. В. И. Лосева. – М. : Вагриус, 2001. – 560 с. (Литературные мемуары).
4. Бухарин Н. И. Политическое завещание В. И. Ленина : (речь на торжеств. заседании, посвящ. 5-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина) / Н. И. Бухарин // Известия. – 1929. – 23 янв.
5. Бухарин Н. И. Цезаризм под маской революции : по поводу кн. проф. Н. Устрялова «Под знаком революции» / Н. И. Бухарин. – М. : Правда, 1927. – С. 4.
6. Ваксберг А. Гибель бунтовщика. Горький : Последние двадцать лет / А. Ваксберг. – М. : Terra-Sport, 1999. – 396 с.
7. Воронин О. Л. Русская белая эмиграция в политической жизни Китая 20-х гг. XX в. / О. Л. Воронин // Народы Востока: основные тенденции и противоречия социально-экономического и политического развития : тез. докл. к регион. конф. Иркутск, 15-17 мая, 1986 г. – Иркутск, 1986. – С. 22-24.
8. Еленевский А. Военные училища Сибири (1918–1922 гг.) / А. Еленевский // Военная быль. – Париж, 1967. – № 61–67.
9. Зиновьев Г. Е. Как большевики строят государство рабочих и крестьян / Г. Е. Зиновьев. – М., 1926. – С. 8.
10. Иванов В. Полк господина Устрялова / В. Иванов // Свет. – 1920. – 5 сент.
11. Индукаева Н. С. Американская экспансия в Северо-Восточном Китае / Н. С. Индукаева. – Новосибирск, 1967. – С. 104–123.
12. Каменев Л. Б. 8-я годовщина Октября / Л. Б. Каменев. – М., 1925. – С. 12.
13. Канищева Н. «Павел Дмитриевич Долгооруков...» / Н. Канищева // Правое дело. – 2003. – № 24–25 (20–26 июня). – С. 12–13.
14. Киржниц А. Л. У порога Китая: Русские в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги / А. Л. Киржниц // Сиб. огни. – 1923. – № 4. – С. 132.
15. Ковалев Е. Ф. Из истории советско-китайских отношений / Е. Ф. Ковалев // Народы Азии и Африки. – 1986. – № 2. – С. 62–63.

16. Красноусов Е. Шанхайский русский полк / Е. Красноусов // Бела́я эмиграция в Китае и Монголии : сб. воспоминаний / сост., науч.ред., предисл., коммент. С. В. Волкова. – М., 2005. – С. 162. (Россия забытая и неизвестная. Белое движение).
17. Кускова Е. Революция, скифы и культура / Е. Кускова // Воля России. – Прага, 1927.– № 38 (Июль).
18. Лежнев И. Записки современника (машинописный автограф) / И. Лежнев // ЦГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 245.
19. Лежнев И. Записки современника / И. Лежнев // Новый мир. – 1934. – № 4. – С. 67.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55 т. – М., 1970. – Т. 45. – С. 59.
21. Ленков А. Никита Львов. История 1-го Кубанского похода и Белых Армий / А. Ленков // Вестн. первоходника. – 1966. – № 57–58 (Июнь–июль).
22. Милютин В. Аграрная политика СССР / В. Милютин. – М., 1926. – С. 148.
23. Молотов В. М. Речь на Московской городской партийной конференции / В. М. Молотов // Известия. – 1929. – 14 сент.
24. Овсянников Ю. На «Диомиде» от Владивостока до Филиппинских островов / Ю. Овсянников // Картины прошлого. – Сидней, 1964. – № 1. – С. 19.
25. Овсянников Ю. Эвакуация Владивостока / Ю. Овсянников // Первопроходник. – Париж, 1972. – № 7.
26. Пайпс Ричард Струве. Биография. В 2 т. Т. 2. Струве – правый либерал. 1905–1944 / Р. Пайпс. – М. : Моск. шк. полит. исслед, 2001. – 680 с.
27. Письмо У. Буллита в Вашингтон об экономическом положении Советского Союза... // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. : В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова ; Междунар. фонд «Демократия» ; Йельск. ун-т США. – М. : Материк, 2003. – 912 с.– (Россия XX век. Документы).
28. Примаков В. М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае / В. М. Примаков. – М. : Наука ; Гл. ред. вост. лит, 1967. – 215 с.
29. Гуль Роман Моя биография / Р. Гуль // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1986. – № 164. – С. 28.
30. Ручкин А. Б. Российское зарубежье 20-х гг.: проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере экономического кабинета С. Н. Прокоповича / А. Б. Ручкин. – М. : ИНИОН, 1999. – 270 с.
31. Седых А. Далекие близкие : воспоминания / А. Седых. – М. : Захаров, 2003. – 269 с.

32. Серебренников И. И. Великий отход: рассеяние по Азии белых Русских Армий : 1919-1923 / И. И. Серебренников. – Харбин : Изд-во М. В. Зайцева, 1936. – 267 с.

Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход / И. И. Серебренников ; сост. и предисл. В. А. Майера. – М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 695 с.

33. Серебренников И. И. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 1. В революции. 1917-1919 / И. И. Серебренников. – Тяньцзинь, 1937. – С. 271-272.

34. Сменовеховцы и Россия. К 110-летию со дня рождения Николая Устрялова / Публ. и предисл. О. Воробьева // Независимая газ. – 2000. – 1 дек.

35. Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности / П. Б. Струве // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 1/2. – С.

36. Струве П. Б. Историко-политические заметки о современности / П. Б. Струве // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 5-8. – С.

37. Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе / А. Тыркова-Вильямс – 2-е изд. – Лондон : Оверсайс, 1990. – 438 с. (

38. Устрялов Н. В. Patriotica / Н. В. Устрялов // Смена веков : сб. ст. – Прага, 1921. – С. 65.

39. Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сб. ст. / Н. В. Устрялов. – Харбин : Окно, 1920. – 82 с.

40. Устрялов Н. В. Белый Омск : дневник колчаковца / Н. В. Устрялов ; подгот. текста, предисл., коммент. И. В. Смолина // Русское прошлое : ист.-док. альманах. – СПб., 1991. – № 2. – С. 283-338.

41. Устрялов Н. В. Перелом / Н. В. Устрялов // Вестн. Маньчжурии. – 1920. – 1 февр.

42. Устрялов Н. В. После Версаля / Н. В. Устрялов // Русское дело. – 1919. – № 7. – 12 окт.

43. Устрялов Н. В. Зеленый шум / Н. В. Устрялов // В борьбе за Россию : сб. ст. – Харбин, 1920. – С. 67.

44. Устрялов Н. В. Кризис ВКП(б) / Н. В. Устрялов // Под знаком революции : сб. ст. – 2-е изд. – Харбин, 1926. – С. 11.

45. Устрялов Н. В. На новом этапе : сборник / Н. В. Устрялов. – 2-е изд. доп. – Шанхай, 1930. – С. 23.

46. Устрялов Н. В. Ответ налево (о лояльном сотрудничестве и новой России) / Н. В. Устрялов // Новости жизни. – Харбин, 1923. – 7 окт.

47. Устрялов Н. В. Перспективы / Н. В. Устрялов // Новости жизни. – Харбин, 1920. – 18 марта.

48. Устрялов Н. В. Революционер-демократ / Н. В. Устрялов // Известия. – 1937. – 6 апр.

49. Устрялов Н. В. Россия : (у окна вагона) / Н. В. Устрялов. – Харбин, 1926. – С. 37–39.
50. Флоровский Г. В. В мире исканий и заблуждений / Г. В. Флоровский // Русская мысль. Прага, 1922. – Кн. 4. – С. 142–143.
51. Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа [и др.]. – 2-е изд. испр. – М. : Три века истории, 2001. – 864 с.
52. Черушев Н. «Невиновных не бывает...». Чекисты против военных. 1918–1953 / Н. Черушев. – М. : Вече, 2004. – 528 с.
53. Шайдицкий В. Русское военное училище в Китае / В. Шайдицкий // Белая эмиграция в Китае и Монголии : сб. воспоминаний / сост., науч.ред., предисл., коммент. С. В.Волкова. – М., 2005. – С. 135. – (Россия забытая и неизвестная. Белое движение).
54. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 1986. – 272 с.
55. Шудряков В. А. Гибель сибирского казачьего войска. 1920–1922 / В. А. Шудряков. – М. : Центрполиграф, 2004. – Кн. 2. – 607 с. – (Россия забытая и неизвестная).
56. Шульгин В. В. Белые мысли / В. В. Шульгин // Русская мысль. – София, 1921. – Кн. 1/2.

Научное издание

Воронин Олег Львович

СИЛУЭТЫ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Подготовила к печати Э. А. Невзорова

Темплан 2013. Поз. 219

Подписано в печать 12.12.2014. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 11,2. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 100 экз. Заказ 478

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ

664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36